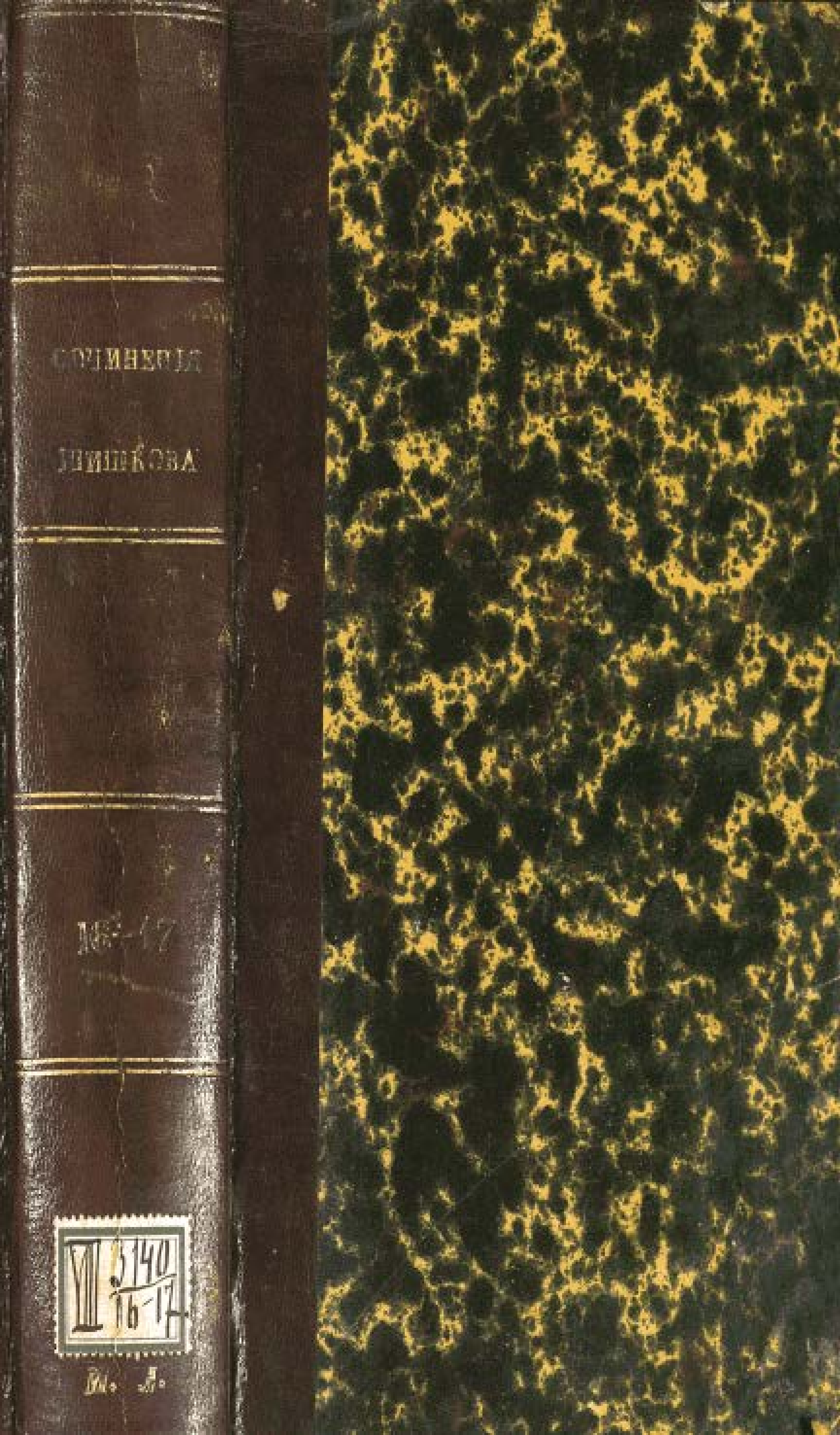
СОЧИНЕНІЯ
ШИШКОВА
16-17
3140
16-17

СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И

ПЕРЕВОДОВЪ

АДМИРАЛА ШИШКОВА,

Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.

ЧАСТЬ XVII.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1839.

ПЕЧАТАНО

по опредѣленію Императорской Россійской Академіи,

11 Февраля 1839 года.

ПРЕДЪУВѢДОМЛЕНІЕ.

Сіе продолженіе сочиненій моихъ издается довольно долгое время послѣ изданія оныхъ, состоящаго въ шестнадцати частяхъ. Причиною сему было то, что нѣкоторыя тогда забытыя статьи не могли войти въ прежнее собраніе; нынѣ же, въ глубокой старости и при болѣзняхъ моихъ, лишенный зрѣнія, издаю я ихъ поздно, а потому и прошу благосклоннаго читателя простить мнѣ, когда найдетъ въ нихъ что либо неприведенное въ порядокъ или съ нѣкоторою неисправностію сказанное.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Мы помѣщаемъ здѣсь переводъ двухъ рѣчей изъ Французской книги, называемой: Défense du Christianisme, ou conférence sur la Religion, par M. D. Freissinous, Evêque d'Hermopolis, premier aumônier du Roi, seconde édition. Tome troisiéme. Paris. MDCCCXXV. То есть: »Защита Христіанству, или бесѣда о вѣроисповѣданіи, сочиненія М. Д. Фрейсину, Епископа Гермопольскаго, перваго Королевскаго Духовника. Изданіе второе. Томъ третій. Парижъ 1825.« При семъ сдѣлана изъ Священнаго Писанія выписка: Sermo eorum serpit ut cancer, съ Французскимъ переводомъ: Les discours impies sont une gangréne qui répand insensiblement sa corruption. II Т. 11. 17., т. е., »Безбожныя рѣчи суть заразы, нечувствительно ядъ свой разливающія.

Мы находимъ переводъ сихъ двухъ статей полезнымъ и достойнымъ вниманія по

слѣдующимъ причинамъ: 1-е, что въ нихъ описывается, какую безбожіе и безвѣріе, не болѣе какъ около полувѣка укоренившіяся во Франціи, произвели въ ней страшную перемѣну во нравахъ и языкѣ (ибо нравамъ послѣдуютъ чувства, а чувствамъ языкъ), и въ какое ужасное состояніе перемѣна сія, содѣлавшая толь знаменитую державу гнѣздомъ злочестія, повергла, и продолжаетъ повергать ее въ лютѣйшія бѣдствія, угрожающія, безъ обращенія на истинный путь, довесть ее до совершеннаго разрушенія и гибели. 2-е, Доказательства, приведенныя въ сихъ двухъ статьяхъ о неосновательности и зловредномъ внушеніи отпадшихъ отъ вѣры лжеумствователей, толь ясны, толь убѣдительны, что развѣ совершенное токмо отсутствіе ума не допуститъ ихъ почувствовать. Одно исчисленіе бывшихъ въ прошедшіе вѣки великихъ во Франціи вѣровавшихъ Христіанскому ученію безсмертныхъ умовъ, противуположенное огромной, но почти неизвѣстной толпѣ, кромѣ нѣкоторыхъ въ ней новыхъ мечтателей, соблазняющихъ невѣжество угождающими страстямъ его писаніями своими, одно, говорю, сравненіе сіе показываетъ явный и весьма ощутительный перевѣсъ въ пользу первыхъ. Сверхъ сего многія другія истины изложены съ такою очевидностію, что всякую сплетенную противъ

нихъ ложь, какъ бы хитро ни была она украшена, обнажаютъ и открываютъ черную ея наготу. Наконецъ, 3-е, хотя Россія, благодаря Бога, со временъ принятія Православной Христіанской вѣры, не ослѣплялась никогда безбожіемъ или безвѣріемъ, и чрезъ то соединенная союзомъ единомыслія, пребывающая всегда въ твердомъ и величественномъ состояніи, показываетъ явно Божеское надъ нею милосердіе и покровительство; однакоже благоразуміе требуетъ противъ разливающагося окрестъ насъ яда безнравственности брать предосторожность, и не тѣмъ прельщаться, что пагубною своею сладостію заражать насъ можетъ, но тѣмъ духомъ вѣры и правды, который, опровергая сіи заблужденія, доставляетъ намъ блаженство земной и небесной жизни. Вотъ почему сочли мы полезнымъ взглянуть на злочестивыя произшествія въ чужой землѣ, противъ которыхъ благомыслящіе писатели ихъ съ такою силою вооружались, и помѣстить сіе подвизаніе ихъ въ нашихъ запискахъ.

---

*

I.

О невѣрующихъ вольнодумцахъ *).

Вѣкъ Лудовика XIV со всѣми процвѣтавшими въ немъ великими мужами, которые усердно исповѣдуя Христіанскую вѣру, защищали ее своими писаніями, и купно прославляли своими добродѣтелями; вѣкъ сей одинъ можетъ побѣдоносно опровергнуть новое невѣріе; почему и старалось оно вѣрованіе сего времени, плодовитаго отличными умами, представить сомнительнымъ, и умы сіи будто бы притворно вѣрующими, или вѣрующими по невѣденію и предразсудкамъ. Въ послѣднюю бесѣду нашу мы достаточно оправдали превосходнѣйшій изъ новѣйшихъ вѣковъ отъ сей, сколько презрѣнія, столько же и посмѣянія достойной клеветы, и я надѣюсь, что вы, послѣ до-

*) *Beaux esprits:* Слава тебѣ Руской языкъ, что ты не имѣешь точнаго, навыкомъ утвержденнаго названія, соотвѣтствующаго симъ Французскимъ словамъ: это знакъ, что у насъ не было такихъ людей, какіе въ сей рѣчи описываются. Однакожъ, чего не было, то можетъ быть, отъ чего сохрани насъ Боже! — *Примѣч. переводчика.*

вольно пространныхъ о семъ объясненій нашихъ, остались убѣжденными въ чистосердечномъ и на разсудкѣ основанномъ вѣрованіи всѣхъ сихъ высокихъ въ седьмомънадесять вѣкѣ разными человѣческими познаніями сіявшихъ умовъ, оставившихъ вѣчную славу отечеству и вѣрѣ. Мы, ссылаясь на ихъ примѣръ, имѣли право соединить оный съ таковымъ же примѣромъ столькихъ знаменитыхъ ученостію и благочестіемъ особъ, прославлявшихъ шесть первыхъ вѣковъ Христіанскую Церковь, и могли сказать, что соединеніе тѣхъ и другихъ понятій о пользѣ вѣры имѣетъ такой вѣсъ и силу, что, по мнѣнію самого Даламберта, можетъ заградить уста всѣмъ низкомысленнымъ противуборникамъ вѣры, которой они часто не знаютъ.

Но невѣріе съ своей стороны не можетъ ли, ссылаясь на остроумниковъ, служившихъ подъ его знаменами и защищавшихъ оное съ ревностію, противупоставить ихъ великимъ мужамъ Христіанства? Вопросъ сей разсмотрѣть не безполезно, а потому считаемъ мы за нужное распространиться о немъ, и можетъ быть успѣемъ столько, что истребимъ не малое число пагубныхъ для вѣроисповѣданія предразсудковъ. Невѣріе величалось всегда, и нынѣ еще величается, тремя вещами: оно опирается на множество своихъ единомысленниковъ, на ихъ разумъ, и особли-

во наихъ любомудріе или философію. Хорошо, государи мои!*) Но множество требуетъ исчисленія; разумъ оцѣнки; любомудріе суда о немъ.

Вамъ извѣстно, какъ поступили мы, когда опровергали обвиненіе невѣжества и легковѣрности, какое ненависть, всегда пылкая, и предубѣжденіе, всегда слѣпое, взводили на Христіанскую Церковь; мы, въ послѣдней нашей бесѣдѣ, положили не приводить въ защиту вѣры многаго числа писателей, весьма впрочемъ просвѣщенныхъ, знаменитыхъ добродѣтелію и вѣровавшихъ во Христа; но ссылались только вообще на свидѣтельство сихъ великихъ мужей, которыхъ имя освящено уваженіемъ потомства. Въ самомъ дѣлѣ, не голоса должно считать, а достоинство ихъ взвѣшивать; пусть невѣріе тоже самое сдѣлаетъ. Да! ежели оно хочетъ превозноситься числомъ своихъ единомысленниковъ, хочетъ великимъ мужамъ Христіанства противупоставить своихъ поборниковъ; то пусть отчислитъ изъ сего всѣхъ посредственныхъ, ничтожныхъ, или преданныхъ забвенію, и токмо представитъ людей, по высокой славѣ своей обращаю-

*) Въ нашихъ, произносимыхъ въ церквахъ, проповѣдяхъ, обыкновенно говорится: „слушатели;" но какъ здѣсь сочиненія сіи названы: „бесѣдами (conférences)," то и удерживаемъ мы употребляемое въ нихъ привѣтствіе: Messieurs (т. е. „государи мои").

щихъ на себя вниманіе; ибо, ежели невѣріе сошлется на свидѣтельство всѣхъ защитниковъ своихъ, то какое ужасное число должно будетъ исключить изъ нихъ! Я стану говорить безъ оскорбленія, однакожъ и безъ лицемѣрія, предлагая ученіе, которому вы, слушатели, будете судіями. Я измѣнилъ бы духовному сану своему и заслужилъ бы укоризну вашу, что ищу мягкими словами усыпить васъ, ежели бъ не со всею вѣрностію и точностію сталъ излагать мои доводы. И такъ скажу вамъ прямо:

Я ни вочто считаю сихъ умственницъ, сихъ предающихся духу невѣрія женщинъ, которыя, начитавшись безнравственныхъ или еще сладострастныхъ книгъ, и ужасаясь можетъ быть собственныхъ своихъ сновидѣній, смѣются угрозамъ будущей жизни, и предаются, легчайшимъ для нихъ, правиламъ безвѣрія.

Я ни вочто считаю сію поверхностнаго знанія и ученія кучу молодыхъ людей, чуждыхъ проницательнаго ума и неспособныхъ разсуждать здраво, или же которые, хотя и не лишены разума и дарованій, но съ легковѣрностію преклоняютъ ухо свое къ расказамъ другихъ, думаютъ щеголять злочестіемъ, и не имѣя понятія о Христіанствѣ, судятъ о немъ по изображенію онаго врагами его, не стараясь воззрѣть на истинное изображеніе, провозвѣщаемое правовѣрными.

Я ни вочто считаю сихъ слабыхъ непостояннаго нрава людей, которые, прилѣпляясь ко всему, что окружаетъ ихъ, кажутся подверженными всѣмъ порокамъ, потому что не имѣютъ никакого особенно своего, и которые злочестивы съ злочестивыми и правовѣрны иногда съ правовѣрными.

Я ни вочто считаю сихъ закоренѣлыхъ беззаконниковъ, которыхъ сужденіе истекаетъ изъ поврежденнаго ихъ сердца: не ясно ли поведеніемъ своимъ показываютъ они въ ученіи своемъ предразсудокъ? Невѣріе ихъ объясняется ихъ нравственностію; ибо, когда они предаются постыднымъ страстямъ, то я могу справедливо подозрѣвать, что сіи страсти ихъ суть причиною ихъ безвѣрія.

Я не считаю сихъ умовъ неосновательныхъ, которые кажутся быть колеблющимися, не будучи ни за, ни противъ Христіанства, или которые, сперва неистовствуя противъ вѣры, напослѣдокъ сочиненіями и поступками своими стали ее величать; колеблемость однихъ являетъ, что они въ основаніи мнѣній своихъ не увѣрены, а перемѣна другихъ указываетъ на прежнее ихъ безвѣріе.

Я не считаю сего множества мимолетныхъ писателей, кои, кратковременно появляясь на поприщѣ словесности, исчезаютъ навсегда: я больше вижу въ нихъ ос-

троту ума, нежели здравый смыслъ; на нихъ не льзя утверждаться.

Наконецъ, я не считаю людей, проповѣдающихъ невѣріе, хотя впрочемъ и отличныхъ знаніями и талантами, но которые недостаточно обучены вѣрѣ. Даже если бы они были и преславные остроуміемъ писатели, поэты, граматисты, физики, геометры, что въ томъ, когда вѣра худо имъ извѣстна? Чего мы не знаемъ, того и осуждать не имѣемъ права.

И такъ, государи мои, можете ли вы назвать мнѣ такихъ невѣрующихъ, на которыхъ ссылка была бы достойна уваженія? Я требую, чтобъ вы мнѣ представили: 1-е, невѣрующихъ съ превосходными дарованіями; 2-е, невѣрующихъ, твердо въ системахъ своихъ увѣренныхъ; 3-е, невѣрующихъ, основательно знающихъ Христіанскую вѣру; 4-е, невѣрующихъ похвальнаго поведенія. Если хотя одного изъ сихъ свойствъ недостаетъ въ комъ, то я его не пріемлю; ибо когда въ сихъ людяхъ не было превосходнаго ума, то на нихъ ссылаться не можно: мы при сравненіи вѣрующихъ съ невѣрующими положили, чтобъ не иначе были они, какъ равно первостепенные. Если кто изъ невѣрующихъ не убѣжденъ внутренно въ своемъ невѣріи, то оно и для учениковъ его не можетъ быть убѣдительно; если ваши невѣру-

ющіе имѣютъ одно только поверхностное понятіе о вѣрѣ, такъ это худые судьи, проповѣдающіе то, чего они сами не знаютъ; наконецъ, если поведеніе ихъ осуждается Евангеліемъ, то я нимало не удивляюсь, что и они осуждаютъ Евангеліе. Да, государи мои, хотя бы невѣрующій писатель былъ благороденъ и достопочтенъ, какъ Бюфонъ; необычаенъ и остръ, какъ Монтескію; хотя бы имѣлъ въ себѣ всю живость и пылкость Жанъ-Жакову, все остроуміе и плодовитость Волтерову; но если я усмотрю въ немъ наклонность къ гордости и сластолюбію, невѣріе его не будетъ для меня соблазнительно. Я не стану отрицать въ немъ ни знаній, ни дарованія; но поведеніе его предостережетъ меня отъ послѣдованія его мнѣнію: мнѣ явно будетъ, что ему нужно опровергать Христіанскую вѣру для того, что она ему противится. Замѣтьте разность между Христіаниномъ и невѣрующимъ: когда Христіанинъ посрамляетъ вѣру свою худою нравственностію, я вижу въ немъ человѣка заблуждшаго, имѣющаго слабое сердце, не могущее повиноваться тому, чему онъ вѣритъ; но самый сей безпорядокъ его меня удивляетъ: надлежитъ, чтобъ онъ крѣпко привязанъ былъ къ вѣрѣ, когда и осуждающую его не отвергаетъ ее. Я удивляюсь твердости его въ ней, видя, что она разумъ

его спасаетъ отъ соблазновъ сердца. Но въ невѣрующемъ, всегда повинующемся страстямъ своимъ, поведеніе его объясняетъ причину его невѣрія.

Словомъ, вотъ чего требую я отъ невѣрующаго, дабы имя его могло служить удостовѣреніемъ: глубокаго ума, убѣжденія, свѣденія въ вѣрѣ, честнаго поведенія. Много ли же, знаете вы такихъ, которые всѣ сіи качества въ себѣ имѣютъ? Да ежели и найдутся нѣкоторые, то что они значатъ предъ множествомъ тѣхъ, кои осмьнатцать вѣковъ проповѣдали въ Европѣ Христіанство? Вы видите, что если дать себѣ трудъ исчислить невѣрующихъ, на которыхъ бы можно было указать, то выдетъ ихъ очень мало. Удивляются, что находятъ невѣрующихъ повсюду, и дѣйствительно жалко на это смотрѣть; но впрочемъ какъ же имъ и не быть? Вѣра таинствами своими вооружаетъ противъ себя всѣ предразсудки ума, и нравоученіемъ своимъ всѣ страсти сердца. Невѣрующимъ быть легко; не надобно ни ума, ни знанія, ни силы душевной; стоитъ только слушаться любимыхъ нами склонностей, воспрещаемыхъ вѣрою. Чтобъ быть Христіаниномъ, должно съ ними сражаться, и когда я размышляю, съ какою священною строгостію Евангеліе осуждаетъ всѣ пороки, всѣ развратныя страсти,

гордость, сладострастіе, корыстолюбіе, то знаете ли, государи мои, чему я удивляюсь? Не тому, что много невѣрующихъ; но тому, что есть Христіане; да, да, все противъ вѣры, кромѣ одной правды.

Я довольно сказалъ для приведенія въ настоящее число тѣхъ, на которыхъ невѣріе можетъ опираться; теперь слѣдуетъ оцѣнить просвѣщеніе сихъ послѣднихъ временъ, похожихъ какъ бы на царствованіе безвѣрія. Прославляютъ до чрезвычайности открытія осьмагонадесять вѣка, успѣхи въ наукахъ, возвышеніе человѣческаго разума, словно какъ бы Европа доселѣ погружена была въ глубокомъ невѣжествѣ, и что солнце правды напослѣдокъ взошло надъ нею и разсыпало ея мраки. Я не намѣренъ у послѣдняго вѣка отнимать часть принадлежащей ему славы; это было бы сколько несправедливое, столько же и безполезное предпріятіе: не впадемъ здѣсь ни въ какое излишество; не предадимся покушенію чрезъ мѣру превозносить прошедшее, ни чрезъ мѣру уничижать нынѣшнее; будемъ справедливы, и скажемъ только то, чего всякой безпристрастной человѣкъ не отринетъ.

Я, больше нежели когда нибудь, позволю себѣ войти во всѣ подробности, свѣтскому языку и сочиненіямъ приличныя, до-

селѣ чуждыя духовнымъ во храмахъ проповѣдямъ; но польза того, что я защищаю, уполномочиваетъ меня, и даже дѣлаетъ необходимымъ сіе нововведеніе. Какимъ образомъ обратить къ закону обольщенную юность, напитанную предразсудкомъ, что вѣкъ невѣрованія есть вѣкъ просвѣщенія и разума, что прежде вѣровали по невѣжеству и простотѣ? Какимъ образомъ предразсудокъ сей, какъ онъ ни безуменъ, истребить, не сближаясь съ ихъ понятіями, не входя въ простыя вразумительныя для нихъ изслѣдованія? Почти сдѣлалось надобностію въ Евангельскія проповѣдыванія вводить языкъ прежде въ нихъ не существовавшій. Я испрашиваю свободы не употреблять, для украшенія рѣчи моей, ни иносказаній, ни многословій, которыя могутъ спутывать ее и затемнять. Представьте себѣ, государи мои, что я бесѣдую съ вами въ свѣтскомъ обществѣ, гдѣ родъ поученій нашихъ терпитъ обыкновенное просторѣчіе.

И такъ, станемъ называть вещи по именамъ ихъ, и скажемъ, что въ сіи ближайшія къ намъ времена Экспериментальная Физика, Астрономія, Химія, Ботаника, Натуральная Исторія, далеко распространили свои предѣлы; что разныя части Математики обогатились новыми познаніями, простѣйшими вычисленіями, счастливѣйшими приложенія-

ми; что науки въ подробностяхъ своихъ приведены въ лучшее совершенство; что замысловатыя замѣчанія и опыты много принесли пользъ земледѣлію, искуствамъ, Механикѣ, мореплаванію, это неоспоримо. Открытіе четырехъ новыхъ планетъ, чудеса притяженія тѣлъ, рудокопство приведенное въ науку, знаменитыя вокругъ свѣта путешествія, учрежденія для глухонѣмыхъ, для слѣпыхъ, и даже, если хотите, путеплавательные по воздуху шары, вотъ вещи больше или меньше славныя осьмнатцатаго вѣка. Вы видите, что я преимуществъ его не скрываю; но отдавая ему справедливость, не будемъ несправедливы къ прежнимъ вѣкамъ; признаемся, что поприще искуствъ и наукъ открыто было прежде сего послѣдняго вѣка; что самыя величайшія открытія сдѣланы были до него, и что проницательность протекла уже со славою какъ высочайшія области естественнаго, такъ и умственнаго міра: книгопечатаніе, компасъ, порохъ, законы движенія свѣтилъ, тяжесть воздуха, приложеніе Алгебры къ Геометріи, логарифмы, интегральныя и диференціальныя вычисленія, всеобщее тяготѣніе, раздробленіе лучей, исчисленіе кометъ, барометръ, термометръ, микроскопъ, телескопъ, воздушные насосы, всѣ сіи толь славныя откровенія, споспѣшествовавшія человѣче-

скому разуму преуспѣвать въ Математическихъ и Физическихъ наукахъ, относятся ко временамъ предшествовавшимъ осьмомунадесять вѣку. Я въ доказательство привожу здѣсь то, что въ сущемъ дѣлѣ было, и что не подлежитъ ни какому опровержению. Правда, въ послѣднемъ вѣкѣ, искусные, терпѣливые, трудолюбивые художники, умѣли всѣ части зданій располагать съ лучшимъ искуствомъ, съ лучшею соразмѣрностію, и придѣлываніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ столповъ приспособлять оныя къ удобнѣйшему обитанію; но и прежде того были зодчіе, умѣвшіе искусною и смѣлою рукою приготовлять для нихъ чертежи *). Да позволено мнѣ будетъ, для подкрѣпленія себя, привесть здѣсь слова г. Монтюкла, который въ своей *Исторіи Математики* **), отдавая справедливую похвалу геометрамъ своего времени, присовокупляетъ: »однакоже, когда обратить »вниманіе на высокій полетъ наукъ, а осо-

---

*) Старинное наше слово *чертоги*, согласно сему показываетъ, что имя сіе дано имъ по словопроизводству отъ *черты*, *начертанія*, *чертежа*, по которому оные строились. *Примѣч. переводчика*.

**) Histoire des Mathématiques, par M. Montucla. part. IV, liv. 1. n. 7.

»бливо Математическихъ, въ седмомънаде-
»сять вѣкѣ, то признаться должно, что какъ
»ни много усовершенствовались онѣ въ по-
»слѣдовавшее время, но великую часть сла-
»вы надлежитъ приписать тому, кто такъ
»щастливо открылъ имъ путь.«

Ежелибъ сказали мнѣ, что въ послѣднемъ вѣкѣ Естественныя и Математическія науки вообще превосходнѣйшимъ числомъ людей обработываемы были, я бы на ѣто охотно согласился; но въ тоже время отвѣчалъ бы, что не столько по множеству любителей, сколько по ихъ дарованіямъ, не столько по числу людей, сколько по высотѣ ума ихъ, вещи сіи оцѣниваются. Невтонъ больше дѣлаетъ чести наукамъ, нежели пятьдесять ученыхъ, меньше его проницательныхъ. Боссюетъ больше дѣлаетъ чести краснорѣчію, нежели сто посредственныхъ словесниковъ. Я ѣамѣчу еще, что буде Математика есть прекрасная наука, то однакоже не даетъ она человѣку познаній ни въ должностяхъ его, ни какъ ему вести себя въ домашнемъ и гражданскомъ быту; а изъ всѣхъ предметовъ человѣческихъ самоважнѣйшій есть самъ человѣкъ, и можно не безъ разсудка повѣрить, что науки нужны для нѣкотораго, тѣлесные труды для множайшаго числа людей, а добродѣтели для всѣхъ, и что осьмнатцатому вѣку, старавшемуся

по видимому Математику учинить всенародною, скорѣе надлежитъ стыдиться, нежели тщеславиться чрезвычайнымъ прилѣпленiемъ своимъ къ счетамъ. И такъ думать, что поприще наукъ едва до послѣдняго вѣка было извѣстно, есть прегрубое заблужденiе.

Но скажутъ, это былъ вѣкъ розысканiй, философiи, разума, врагъ предразсудкамъ, и потому законы его должны предпочитаться всѣмъ предшествовавшихъ вѣковъ законамъ. Хорошо, государи мои, посмотримъ, какое мнѣнiе надлежитъ имѣть о семъ послѣднемъ вѣкѣ и о названiи его философскимъ вѣкомъ.

Ежели философiя состоитъ въ духѣ безбожничества, твердящемъ безпрестанно о природѣ, чтобъ тѣмъ удобнѣе Творца ея привесть въ забвенiе; ежели духъ сей, оправдывая всѣ пороки и уничижая всѣ добродѣтели, дѣлаетъ изъ человѣка родъ машины, растенiя, или много сказать твари, покоренной законамъ принужденiя; ежели онъ, изгоняя Бога изъ сердецъ и всей вселенной, разрушаетъ сiи внушаемыя вѣрою чувства, которыми, больше нежели чѣмъ нибудь другимъ, просвѣщаются дикiе и сохраняются просвѣщенные народы; ежели философiя состоитъ въ семъ духѣ киченiя и дерзости, который не считаетъ ни во что опытъ вѣ-

ковъ, презираетъ одобряемое великими мужами, насмѣхается надъ освященными временемъ постановленіями, хочетъ повсюду новостей, и не видитъ во всемъ существующемъ ничего, кромѣ простоты и невѣжества; ежели философія состоитъ въ семъ духѣ распутства, который искажаетъ и безобразитъ священныя книги для содѣланія ихъ странными, переиначиваетъ и перетолковываетъ ихъ со всею самовольностію развращеннаго воображенія, собираетъ съ удовольствіемъ въ церковныхъ лѣтописяхъ пороки и соблазны, дабы очернить ими вѣру, съ сожалѣніемъ осуждающую ихъ; злоумышленно умалчиваетъ о высокихъ добродѣтеляхъ, которыми она единая подаетъ примѣръ землѣ, бросая покровъ на безчисленныя блага, коими человѣчество ей обязано; словомъ ежели философія есть не иное что, какъ безбожничество, отрицаніе бытія души, рокопочитаніе, сомнительство, безвѣріе, о! тогда я соглашусь, что осмнатцатой вѣкъ есть подлинно философской! Никогда въ Христіанской державѣ не было толь великаго числа писателей, изрыгавшихъ изъ устъ своихъ, что нѣтъ Бога, что Провидѣніе одно пустое слово, что будущая жизнь мечта, что человѣкъ есть тварь, не имѣющая собственной своей воли, что порокъ и добродѣтель суть выдумки человѣческія, что

Христіанство есть сборище предразсудковъ. Всѣ сіи поученія были такъ гласно и часто въ послѣднемъ вѣкѣ произносимы; онѣ во многихъ славящихся сочиненіяхъ проповѣдывались; дѣло это такъ извѣстно, такъ разносится врагами вѣры, такъ выше всякаго оспориванія, что утверждать оное доказательствами было бы излишно.

Нѣтъ, мы не въ этомъ ученіи, развращающемъ человѣчество, полагаемъ философію. Не поддадимся злоупотребленію словъ, пріемля безумныя наставленія за благія потому только, что имъ даны красивыя имена; не станемъ отдѣлять философію отъ мудрости, отъ здраваго разума, отъ правды, отъ нравоученій, дѣлающихъ человѣка добрымъ и счастливымъ. Шестдесятъ лѣтъ ложная философія усыпляла Европу шумомъ своихъ системъ и возглашеніями противъ предразсудковъ; не пора ли намъ наконецъ проснуться и посудить о тѣхъ, которые, безъ всякихъ порученій и данной имъ власти, судили вселенную. Одно что нибудь: или мы, говоря о философіи, сами себя не разумѣемъ, или философія для народа состоитъ въ томъ, чтобъ здраво мыслить и разсуждать о разныхъ вѣтвяхъ человѣческихъ познаній. Чѣмъ больше въ государствѣ будетъ общежитія, нравственности, истыхъ понятій, удобныхъ содѣлать миръ, правосудіе, законы,

процвѣтающими, и чѣмъ больше государство будетъ просвѣщенно, благоразумно, тѣмъ больше оно любомудро. И такъ не исключительно склонность къ точнымъ и естественнымъ наукамъ, ниже господствующая любовь къ искуствамъ и словесности, составляютъ философію; не будешь философъ, сколько ни читай Боссюета, ни учись у Локка, ни углубляйся въ Монтескье; умъ философскій не состоитъ ни въ разсѣченіи растеній, ни въ теоремѣ, ни въ силлогизмѣ; можно набить голову свою техническими словами всѣхъ наукъ, всѣми именами, всѣми методами, всѣми учеными формулами; можно всю свою жизнь проводить въ отыскиваніи чувственности и понятій, въ естественности и нравственности человѣческой, въ политикѣ и правительствахъ, и со всѣмъ тѣмъ быть худымъ логикомъ, жалкимъ разсуждателемъ, кривомысленнымъ умникомъ, и слѣдовательно быть софистомъ, а не философомъ; свидѣтели тому тѣ писатели, которые сочинили цѣлыя книги въ доказательство безбожія, сего крайняго степени заблужденій человѣческихъ, или которые о законахъ, власти, нравственности, воспитаніи, словесности, насказали столько философскихъ пустословій, упавшихъ нынѣ въ презрѣніе, и надъ которыми опытъ произнесъ славный свой судъ. Тотъ, государи мои, кто, въ

какомъ бы ни было родѣ знанiй, любитъ правду, ищетъ ее съ жаромъ, выбираетъ ведущiе къ ней пути; тотъ, кто въ дѣянiяхъ своихъ, равно какъ и въ рѣчахъ, оказываетъ истинныя и здравыя мысли, тотъ благоразуменъ, тотъ философъ: умъ справедливый, честный, благомыслящiй, философскiй, суть нераздѣльныя вещи. Какой вѣкъ есть наиболѣе добродѣтельный? Не тотъ, въ которомъ говорятъ много о добродѣтели, но тотъ, въ которомъ ее больше исполняютъ. Какой вѣкъ есть болѣе философскiй? Не тотъ, въ которомъ больше твердятъ о философiи; но тотъ, въ которомъ существенно лучше думаютъ, лучше разсуждаютъ о разныхъ свѣденiю нашему подлежащихъ предметахъ; это такъ ясно, что истину сiю, лишь только сказать объ ней, весь свѣтъ почувствуетъ. И такъ вотъ правило, по коему судить должно, былъ ли осмойнадесять вѣкъ больше философской, чѣмъ предшествовавшiе ему? Сего ради взглянемъ кратко на разныя знанiй нашихъ части.

Восходить къ причинамъ, къ началамъ вещей, отличать истинный свѣтъ отъ кажущагося таковымъ, взвѣшивать на вѣсахъ разума людскiя мнѣнiя, и начертать умамъ путь къ отысканiю истины, вотъ настоящая въ умственныхъ вещахъ философiя: кто по симъ чертамъ не узнаетъ Бакона, Декарта,

Лейбница, Малебранша, Локка, не принадлежащихъ осмомунадесять вѣку?

Примѣчать природу, учиться дѣйствіямъ и явленіямъ, оставя тщетныя умозрѣнія вопрошать опытъ, искать такимъ образомъ не то, что быть можетъ, но то, что въ самомъ дѣлѣ есть, не гадательныя предположенія, но сущую основу законовъ природы, вотъ настоящая философія въ естественныхъ наукахъ: какъ не вспомнить при семъ Коперника, Кеплера, Галилея, Паскаля, Боиля, Невтона, не принадлежащихъ осмомунадесять вѣку?

Разсматривать историческія ученія и древности съ тѣмъ яснымъ и строгимъ, но безъ излишней смѣлости, разборомъ, который открываетъ истину, оцѣниваетъ правдоподобное и отвергаетъ ложное; извлекать изъ народныхъ бытописаній, какъ изъ глубокихъ свѣденій людскихъ, великіе и достопримѣчательные уроки, вотъ философія въ исторіи и политикѣ: какъ же при семъ случаѣ не выставить Мабиліона, Пето, Тиллемонта, Флери, Боссюэта, не принадлежащихъ осмомунадесять вѣку?

Наконецъ открыть тайны человѣческаго сердца и правилы нравовъ, объяснить съ глубокою прозорливостію совокупность, разумъ и связь законовъ, вотъ философія въ нравоученіи и законовѣденіи: кому жъ не

придутъ здѣсь на память Массиліоны, Бурдалуи, Брюйеры, Доматы, принадлежащіе вѣку Людовика XIV?

Я спрашиваю васъ, государи мои, съ такими великихъ умовъ людьми, и многими другими, о которыхъ я здѣсь не упомянулъ, съ такими свѣденіями и дѣяніями, чего не достаетъ вѣку, чтобъ умѣть здраво разсуждать, и слѣдовательно быть философскимъ? Конечно тогда, какъ и нынѣ, можно было обманываться; слабость ума человѣческаго существовала во всѣ времена и вездѣ: нѣтъ философіи, предостерегающей отъ всякой погрѣшности; но явно, что умѣніе разсуждать обо всемъ, могшемъ упражнять земнаго обитателя, доведено было и прежде послѣдняго вѣка до высокой степени.

Что такое выдумали для униженія вѣка Людовика XIV и возвышенія послѣдовавшаго за онымъ? Сравнили полагаемыя господствовавшими качества обоихъ вѣковъ, но такъ, чтобъ послѣдняго изъ нихъ были преимущественнѣе; сказали, что седмойнадесять вѣкъ блестѣлъ вымыслами, воображеніями, краснословіемъ, а осмойнадесять разумомъ, и какъ всѣ погрѣшности держатся рука за руку, то и придумали въ пользу невѣрія замѣтить, что оно въ сей то вѣкъ разума и восторжествовало. Таково есть основаніе

мыслей представленныхъ въ разныхъ видахъ, и которое мы попытаемся разсмотрѣть.

Говорятъ, что вѣкъ Людовика XIV былъ вѣкъ воображенія. Правда, государи мои, ежели съ однимъ воображеніемъ можно угадать Математику, какъ Паскаль; изобрѣсть новую философію, или лучше сказать возстановить истинную, какъ Декартъ; открыть, какъ Невтонъ, систему, которая, еслибъ и не была справедлива, то была бы совершенство ума человѣческаго; ежели съ однимъ воображеніемъ можно было, какъ Тюрень, составить воинственныя предначертанія, по коимъ совершались происшествія и побѣды; придумать сіи славныя узаконенія, бывшія плодомъ совѣщаній, державныхъ Сегюерами и Талонами; царствовать, какъ Людовикъ XIV; управлять, какъ Колбертъ; укрѣплять мѣста, какъ Вобанъ; ежели съ однимъ воображеніемъ можно было сочинить, какъ Боссюэтъ, сіе славное, толь ученое, толь красноречивое, толь гражданственное *слово* на *Всеобщую Исторію*, или, какъ Фенелонъ, давать Царямъ и народамъ толь убѣдительныя наставленія; ежели одного воображенія довольно было для сихъ высокоумныхъ мужей, или для ихъ сочиненій, или безсмертныхъ дѣлъ, то пресчастливъ вѣкъ воображенія! Да возобновится и продолжится онъ навсегда во всѣхъ державахъ свѣта! И не

видите ли вы, что всѣ сіи упомянутыя мною превосходныя и прекраснѣйшія вещи требуютъ того, чтобъ въ творцахъ ихъ была сила разсудка, проницательность ума, ученость сужденія, глубокость умозрѣнія, кои суть величайшія усилія человѣческаго разума?

Говорятъ, что вѣкъ Людовика XIV былъ вѣкъ краснословія; хорошо! Довольно мнѣ сего вынужденнаго отъ противниковъ нашихъ признанія, чтобъ съ успѣхомъ ихъ опровергнуть. Вы соглашаетесь, скажу я имъ, что жезлъ Словесности остается при вѣкѣ Людовика; не нужно мнѣ больше для доказательства, что симъ самымъ непремѣнно былъ онъ вѣкъ разума. Не знаю, не покажется ли нѣкоторымъ людямъ предложеніе сіе страннымъ, ибо со времени царствованія софистовъ, и съ тѣхъ поръ, какъ разсѣяли они безчисленное множество предразсудковъ, здравый смыслъ сдѣлался необыкновеннымъ. Да! я утверждаю, что вѣкъ изящества въ Словесности есть необходимо вѣкъ доброй философіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ изящной Словесности предполагается всегда глубокое чувство честности и добродушія, великаго въ разборчивости и справедливости ума, который избираетъ соотвѣтствія и приличія, отвергаетъ ложное, придерживается истины, и соединяетъ всѣ части, дабы составить изъ

нихъ прекрасную совокупность: во всемъ оправдывается у него правило Римскаго стихотворца, что разумъ есть источникъ и начало прекраснаго. Какое странное понятіе имѣли бы о краснорѣчіи, когда бъ полагали оное токмо въ скудномъ дарованіи прибирать слова и размѣрять выраженія? Правда, мысли не блистаютъ иначе, какъ выраженіями, равно и предметы не представляются иначе ясны очамъ, какъ освѣщающимъ ихъ свѣтомъ; но также и слова безъ истины въ мысляхъ суть не иное что, какъ пустой, исчезающій шумъ. Тотъ, кто не умѣетъ основывать началъ, ни въ доводахъ своихъ наблюдать хорошій порядокъ, ни живо объяснять свои понятія, ни поражать сильными изображеніями, тотъ можетъ быть говоруномъ, но никогда витіею. Прекрасная рѣчь, прекрасная поэма, не требуютъ ли изложенія, распорядка, тѣснаго соединенія частей, которыя бы составили одно цѣлое, основанное на совершенной правдѣ и свойствахъ? Ежели отдѣлить логику отъ краснорѣчія, отложить, такъ сказать, въ одну сторону слова, а въ другую вещи, то какое выдетъ понятіе о дарѣ писать? Ничто ни добротно, ни прекрасно, какъ токмо правдою; вотъ почему философія послѣдняго вѣка не можетъ величаться ни добротою, ни красотою, и вотъ почему столько сочиненій вѣка лю-

довика XIV ознаменованы печатію безсмертія.

Откуду могъ взяться сей родъ раздѣленія дарованій и способностей, по коему сочли за должное вѣкъ Людовика XIV называть вѣкомъ воображенія, а слѣдующій за нимъ вѣкомъ разума? отъ того ли, что нѣкоторымъ писателямъ угодно было вообразить систематическую человѣческихъ знаній картину, въ которой однимъ, какъ-то историкамъ, приписываютъ память, а другимъ, какъ то искуственникамъ и стихотворцамъ, воображеніе? Но да не ослѣпимъ себя сими раздѣленіями, больше хитрыми, нежели основательными: я скажу, что оныя не только безполезны, неспособны ни на одинъ шагъ подвигнуть человѣческій умъ, но что онѣ ложны, и тѣмъ самымъ опасны. Такимъ образомъ въ *фигуральной системѣ*, которую весь свѣтъ могъ имѣть передъ глазами, относятъ исторію къ памяти; но не естьли это сущая мелочь? конечно, память много значитъ, безъ ней ничего не льзя знать; но довольно ли памяти безъ разсудка, чтобъ сочинить историческую книгу? Съ памятью ли одною Тацитъ, Боссюэтъ, Робертсонъ, писали исторію? И кто не видитъ, что безъ здраваго сужденія, безъ различенія лицъ съ вещами, словомъ, безъ весьма просвѣщеннаго разума, историкъ не былъ бы выше обыкновеннаго

писателя? Относятъ поэзію къ воображенію; но воображеніе, отдѣленное отъ здраваго смысла, похоже на сумазбродство: какими блистающими красками ни распещряй свои мысли, но естьли нѣтъ въ нихъ правды, то въ чемъ же состоитъ достоинство сочиненія? Съ воображеніемъ ли однимъ Римскіе и Французскіе стихотворцы, коихъ почитаютъ законодателями въ республикѣ Словесности, могли удостоиться быть названы поэтами разума? Раздѣлять душевныя качества, назначая каждому изъ нихъ особенную область, есть выдумка больше странная, нежели философическая. Одинъ здравый смыслъ, безъ воображенія, хотя и не можетъ человѣка вывесть изъ посредственности; но также и воображеніе, безъ здраваго смысла, есть скороисчезающая глупость. Всѣ наши качества связуются и взаимно держатся между собою; изъ ихъ-то согласія и соединенныхъ силъ происходитъ дарованіе, а въ комъ всѣ оныя вмѣстѣ восходятъ на весьма высокую степень, тотъ называется геній. Еслибъ захотѣлъ я все сказанное мною привесть въ одинъ образъ заключенія, то сказалъ бы: хорошо мыслить и хорошо разсуждать, вотъ истинная философія; правило это ясно и очевидно. А какъ въ вѣкъ Людовика XIV также хорошо думали, также хорошо разсуждали; это доказано; то столько же было

философіи въ первомъ, сколько и во второмъ вѣкѣ; и вы видите, что мои заключенія весьма умѣренны.

Теперь да позволено мнѣ будетъ сдѣлать предложеніе, которое можетъ быть покажется страннымъ, но на которое я отважусь, потому что оно яснѣе покажетъ выводы изъ сего и предшествовавшаго разсужденія. Оживимъ мысленно и сблизимъ всѣ поколѣнія отъ возрожденія письменъ, отъ царствованія Франциска I; поставимъ въ одну сторону умниковъ, опровергавшихъ Откровеніе, а въ другую тѣхъ, кои въ теченіе трехъ вѣковъ защищали оное. Я воображаю два храма отверстые предо мною; надъ дверями одного изъ нихъ читаю: *храмъ разума*, а надъ дверями другаго: *храмъ Христіанства*.

Я вхожу сперва въ храмъ разума; нахожу въ немъ проповѣдующее подъ именемъ философіи безвѣріе, нравоученіе легкое, въ существѣ своемъ не иное что, какъ любовь къ самому себѣ и ко всѣмъ утѣхамъ, обѣщающее послѣдователямъ своимъ въ награду ничтожество, или кой-гдѣ не знаю что-то неясное и невразумительное. Вижу тамъ премножество учениковъ почти совсѣмъ незнаемыхъ, другихъ нѣкоторое число побольше извѣстныхъ, и нѣсколько третьихъ знаменитыхъ. Сіи послѣдніе обратили на себя мое

вниманіе: это Бель, держащій въ рукѣ перо, которое казалось плавало въ пустотѣ и разливало вокругъ себя много дыму съ просіявающимъ иногда сквозь него живымъ свѣтомъ. Тамъ Волтеръ, надъ всѣми издѣвающійся, надъ Богомъ и людьми, хвастающій, что онъ соучаствовалъ въ таинствахъ вѣры, не вѣря имъ; одною рукою представлялъ онъ законныя права свои на славу, а другою сочиненія свои, въ коихъ распутство безпрестанно подслащивается богохуленіемъ, и вдругъ, изрыгнувъ противъ Христіанства нечестивыя брани, возгласилъ: *друзья, растолчемъ проклятое!* Сей крикъ всю толпу слушателей пробудилъ и ободрилъ. Дидеротъ, бѣшеной любитель вольности, языкомъ, котораго я не могу повторить, распѣваетъ, что свѣтъ тогда только будетъ счастливъ, когда истребятся изъ него Духовенство и Цари *). Сочинитель *Натуральной системы* изъясняетъ всѣ склонности сердечныя, чувства любви и ненависти, силу притяженія и отраженія, и время отъ времени обращается

---

*) Дидеротъ сей будучи у насъ въ Москвѣ и увидясь съ Митрополитомъ Платономъ, спросилъ у него: Вы человѣкъ умный, не правда ли, что Богъ есть выдумка человѣческая? Платонъ отвѣчалъ ему изъ псалма Давидова: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ нѣсть Богъ,* и пошелъ отъ него прочь. *Примѣч. переводчика.*

къ природѣ, аки великому цѣлому, къ отвлеченности и жаркимъ прерывамъ. Даламбертъ вытаскиваетъ изъ подъ философскаго плаща своего тайную переписку, преисполненную ѣдкой грубости; онъ хочетъ, чтобъ всѣ знали участіе, какое принималъ онъ своими темными происками въ разрушеніи *предразсудковъ*. Реналь громко величается своимъ двоякимъ отступленіемъ отъ вѣры; онъ въ отношеніи къ торгу и конторамъ пышетъ изливаемымъ въ высокопарныхъ восклицаніяхъ безбожіемъ; однакожъ утихаетъ, приходитъ кажется въ раскаяніе и нѣкоторою какъ бы честною платою выкупаетъ свою запальчивость и гнѣвъ. Каждый въ свою очередь хочетъ говорить: ничего тутъ нѣтъ, кромѣ толковъ о постановленіи нравственности, объ учрежденіи общежительствъ, воспитанія, искуствъ и словесности; короче сказать, дѣло шло не менше какъ о томъ, чтобъ переиначить человѣка и весь общественный порядокъ. Изъ среды сей пустословной смѣси мнѣній незнакомое лице возвысило свой голосъ: *народы, хотите ли быть счастливы? опрокиньте престолы и храмы.* Тутъ нѣкто сѣверный Король, великій воинъ и политикъ, долгое время самъ придерживавшійся безбожія, но которому отнюдь не хотѣлось сойти съ престола, насупилъ брови и произнесъ слѣдующія собственныя его слова: »по мое-

»му мнѣнію дать бы въ управленіе симъ гос»подамъ такую область, которая заслуживаетъ »быть наказанною.« Самъ Жанъ-Жакъ, впрочемъ довольно сговорчивый, выслушавъ сіи чудовищныя мнѣнія, осердился и закричалъ: »убѣгайте сихъ людей, сѣющихъ въ сердца »ядовитыя поученія.« Оглушенный симъ шумомъ, я взглянулъ еще на сихъ обожателей разума; мнѣ показалось на лицахъ ихъ напечатлѣніе гордости съ наглостію, и я, съ стѣсненнымъ сердцемъ ото всего видѣннаго и слышаннаго мною, ухожу оттуда.

Вхожу въ храмъ Христіанства, нахожу въ немъ сѣдящую на престолѣ вѣру; въ одной рукѣ держитъ она Евангеліе, а другою вѣрнымъ исполнителямъ ея законовъ раздаетъ вѣнцы безсмертія; вижу множество окружающихъ ее великихъ умовъ, три вѣка блиставшихъ въ Европѣ; считаю между философами: Бакона, Декарта, Малебранша и Лейбница; между перваго степени знатоками: Дюперона, Бошарта, Тиллемонта, Пето, Мабиллона; между нравоучителями: Николя Рошефокольда, Брюйера, Бурдалу и Массиліона; между высокаго знанія градоначальниками: Лопиталя, Талона, Сегюера, Биніона, Домата, Дагессо; между судебными защитниками: Гроціуса, Паскаля, Аббадія, Фенелона, Аддиссона; между учеными: Коперника, Кеплера, Галилея, Невтона, Эйлера: я

вижу всѣхъ сихъ великихъ мужей, сіяющихъ свѣтомъ ума и добродѣтелей. Правда и здѣсь, какъ и вездѣ, оказываются недостатки человѣческіе: сіи знаменитые мужи не всѣ согласны на всѣ части ученія объ Откровеніи; но Бога, Провидѣніе, будущую жизнь, нравоученіе, пороки и добродѣтели, всѣ они признаютъ единодушно, и также всѣ единодушно исповѣдаютъ вѣру, яко самимъ Богомъ данную. Все что благо, все что честно, все что можетъ прилѣплять къ добродѣтели, утѣшать въ несчастіи, очищать законныя склонности, освящать домашнія и гражданскія обязанности, возбуждать любовь къ Богу и людямъ: вотъ что прославляютъ они и гласно проповѣдуютъ. Если бы я съ слабыми моими понятіями захотѣлъ идти противъ Христіанства, Баконъ бы мнѣ сказалъ, что малое знаніе философіи дѣлаетъ невѣрующимъ, а многое въ ней знаніе возвращаетъ къ вѣрѣ. Если бы я усыпилъ себя спокойнымъ равнодушіемъ, Паскаль бы мнѣ сказалъ, что можно не помышлять о Коперниковой системѣ, но что нужно знать смертна ли душа или безсмертна; ибо, смотря потому, всѣ наши дѣйствія и чувства берутъ различные пути. Если бы я далъ себя поколебать умствованіями какихъ нибудь невѣрующихъ вольнодумцевъ, Массиліонъ бы меня предостерегъ, сказавъ, что страсти суть колыбель

безвѣрія, что человѣкъ не свергаетъ съ себя ига вѣры иначе, какъ для сверженія съ себя ига должностей, и что вѣра не имѣла бы никогда враговъ, естьли бы не была она врагомъ распутству и порокамъ. Но вотъ что въ знаменитомъ собраніи семъ, первѣйшій изъ всѣхъ благоразуміемъ мужъ, произнесъ; онъ возвысилъ голосъ противъ дерзкихъ, пріемлющихъ сумазбродство за силу разума, и почитающихъ необузданность его свободою своею. Боссюетъ говоритъ имъ, что даже и въ несуществованіи, въ этой бѣднѣйшей участи своей, которая, послѣ сей жизни, составляетъ всю ихъ надежду, не могутъ они быть увѣрены, и что сіе сомнѣніе и неизвѣстность повергаютъ ихъ въ бездну безбожества, ищущихъ спокойствія своего въ бѣшенствѣ, едва находящемъ мѣсто въ умѣ человѣческомъ; что нелѣпости, въ какія впадаютъ они отвергая вѣру, больше неудобовразумительны, нежели высота удивляющей ихъ правды, и что, дабы не вѣрить непонятнымъ таинствамъ, предаются они одному за другимъ непонятнымъ заблужденіямъ. Какъ не быть поражену вѣрованіемъ столькихъ великихъ мужей? Какое согласіе и какая сила свидѣтельствъ! Видя ихъ поклоняющихся вѣрѣ, сей спасительницѣ и просвѣтительницѣ смертныхъ, я убѣждаюсь благоговѣніе мое соединить съ ихъ благоговѣні-

емъ, и говорю самъ себѣ: правду сказать, ежели надобно рѣшиться по словамъ вѣрующихъ принять вѣру, или по словамъ невѣрующихъ отрещись отъ ней, то я не колеблюсь болѣе: прочь отъ меня безвѣріе, слава Христу Богу, я Христіанинъ.

О КНИГАХЪ,

противоборствующихъ вѣроисловѣданію.

Есть зло, опустошающее нынѣшнія и могущее совсѣмъ разрушить будущія племена; зло, которое, какъ язва, простираясь отъ столичныхъ до уѣздныхъ городовъ, оканчевается тѣмъ, что не меньше того заражаетъ села и деревни, высокое и низкое состояніе людей, и которое, хотя по обширности и глубокости своей кажется неизлѣчимо, однакожъ надлежитъ искать способовъ, естьли не вовся искоренить оное, то по крайней мѣрѣ ослабить силу его, буде не хотѣть дать ему совершенно погубить и нравы, и законы, и учрежденія, и царства: я хочу говорить о умножающемся отчасу больше распущеніи противоборствующихъ

вѣроисповѣданію книгъ. Уже сіе ужасное разстройство подвигло благочестивую ревность Святѣйшаго Отца на пятидесятомъ году славнаго пастырства своего громогласно возстать противу неистовствъ сего вѣка; можетъ быть единственно изъ уваженія къ сему долженствовали бы мы хранить молчаніе; но мы подумали, что не должно уставать въ противуборствованіи злу, стремящемуся подъ тысячами разныхъ видовъ безпрестанно распространяться, и что всему священному сану по мѣрѣ силъ и способностей своихъ надлежитъ защищать вѣру; и должно ли слову Божію онѣмѣть послѣ толь славнаго гремѣнія его въ устахъ Боссюетовъ и Массиліоновъ?

Въ первый разъ, государи мои, особою рѣчью моею нападаю я прямо на словесныя произведенія новоразлившагося безбожія. Я почитаю это долгомъ, сколько по назначенію и собственному желанію моему быть посреди васъ проповѣдникомъ вѣры, столько же и по любви моей къ вамъ, безъ сомнѣнія ожидающимъ сего отъ меня благочестивымъ слушателямъ, и вообще ко всѣмъ единоземцамъ моимъ, твердо увѣренный, что съ разрушеніемъ Христіанства неразрывно сопряжено разрушеніе нашего отечества.

Нынѣ такое своевольство умовъ, такая наглость думать, говорить, дѣйствовать безъ

всякихъ правилъ и воздержанія, сочинять, читать, разглашать, держать у себя самыя преступнѣйшія произведенія, что ревность моя покажется можетъ быть нѣкоею странностію, или по крайней мѣрѣ весьма отдаленною отъ безпредѣльной терпимости, какою вѣкъ сей хвалится. Сколько предубѣжденій надлежитъ мнѣ разрушить, какъ въ тѣхъ, кои посрамляютъ занятія и дарованія свои толь гнусными писаніями, такъ и въ тѣхъ, которые съ постыднымъ успѣхомъ распускаютъ ихъ, или съ ненасытною жадностію питаютъ ими свой умъ! Съ прискорбіемъ признаюсь, что возвышая голосъ мой противъ сихъ злочестивыхъ сочиненій, не смѣю надѣяться, чтобъ онъ силенъ былъ поставить оплотъ сему опустошительному наводненію: по крайней мѣрѣ мы возбудимъ попеченіе въ отцахъ семействъ, въ общественныхъ и частныхъ наставникахъ, предувѣдомимъ слабоумную неосторожность юношей. Нѣтъ, слова наши не тщетно прозвучатъ въ семъ собраніи; нѣтъ, не всѣхъ сердца заградятся отъ услышанія правды.

Безъ сомнѣнія, государи мои, вы позволите мнѣ употребить въ сей рѣчи всю свободу моего пастырскаго званія; при всемъ томъ я не позволю себѣ быть дерзкорѣчивымъ; уста мои не произнесутъ ничего грубо укоризненнаго. Но хотя оскорбленная

вѣра и не требуетъ, чтобъ мстить за нее бранями и личностями, однакожъ она не признаетъ защитниками своими тѣхъ робкихъ умовъ, кои дрожатъ предъ ея врагами, и которыхъ ласковое снисхожденіе походитъ на соучастіе.

Что должно думать о писателяхъ, что должно думать о распространителяхъ, что должно думать о читателяхъ безбожныхъ книгъ? Сіи три вопроса надлежитъ намъ разсмотрѣть.

Ежели бы я поставилъ въ одинъ рядъ всѣхъ враждующихъ Христіанскому закону писателей, ежели бы всѣхъ ихъ осудилъ равно достойными проклятія, то можно бы меня было обвинить излишествомъ и несправедливостію. Я соглашаюсь, что почитающихъ нѣкоторыя священныя истины не должно смѣшивать съ тѣми, которые никакихъ не признаютъ; одни колеблютъ столпы зданія, а другіе основаніе онаго потрясаютъ; и такъ раздѣлимъ ихъ на два разряда. Есть писатели, не признающіе инаго творца кромѣ природы, не видящіе въ человѣкѣ ничего кромѣ тѣлесныхъ орудій, въ будущей жизни кромѣ пустой мечты, въ добрѣ и злѣ кромѣ людскихъ вымысловъ; сіи, правилами своими, устраняютъ, разрушаютъ всѣ благоговѣйныя къ божеству чувствованія: я даю имъ общее имя безбожниковъ. Есть писатели,

которые может быть и находять въ Христіанствѣ полезное установленіе, но не видять въ немъ Божескаго творенія; они не вѣрять небесному посольству Іисуса Христа, отвергають Откровеніе: сихъ называю я просто невѣрующими. Разсмотримъ, до какой степени виновны тѣ и другіе.

Явитесь сперва безбожные писатели, я хочу представить васъ суду человѣческаго рода. Здѣсь, далеко отъ шумной толпы соблазненныхъ или развращенныхъ вами последователей вашихъ, отнимутся отъ васъ пышныя ваши лжеумствованія и блескъ пустозвенящихъ словъ; вы останетесь подъ однимъ тяжкимъ бременемъ вашихъ ученій, и я хочу обнаружить всю ихъ черноту. Я не стану вопрошать о частной вашей жизни; не хочу знать, точно ли сіе необузданное разума вашего своевольство имѣло источникъ свой въ вашей душѣ; не хочу даже требовать у васъ отчета о безбожныхъ чувствахъ, заключавшихся тогда въ вашемъ сердцѣ; довольно для меня повсюднаго вами обнародованія ихъ, и по сему единому справедливѣйшимъ образомъ обвиняю я васъ содѣлавшими самое величайшее преступленіе.

Вы убѣдитесь въ томъ со мною, государи мои, когда только захотите сравнить оное съ преступленіями тѣхъ людей, которыхъ преслѣдуетъ и наказуетъ человѣческое

правосудіе. Безъ сомнѣнія виновенъ предъ законами тотъ, кто похищаетъ имущество другихъ; однакожъ могъ онъ быть принужденъ къ тому голодомъ, нищетою, воплемъ умирающей жены и дѣтей своихъ, просящихъ у него куска хлѣба. Но что дѣлаетъ злочестивый писатель? Безъ нужды, безъ пользы, безъ всякой извинительной причины, проповѣдуетъ, возвѣщаетъ, и тщеславится быть провозгласителемъ поученій, свергающихъ узду закона, потушающихъ искру совѣсти, ослабляющихъ ужасъ преступленія, и симъ образомъ старается содѣлать ихъ болѣе общественными и даже оправдывающими всякое грабительство и несправедливость. Возмемъ еще большаго преступника, того, кто дерзаетъ посягать на жизнь подобнаго себѣ; однакожъ можетъ быть совершилъ онъ убійство въ бѣшенствѣ исторгнутаго оскорбленіемъ мщенія, или во взаимномъ преступленіи одинъ палъ жертвою другаго. Но что дѣлаетъ злочестивый писатель? Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, посреди безмолвія наукъ и размышленій, хладнокровно опровергаетъ истины, бывшія у всѣхъ народовъ священными; онъ употребляетъ всѣ свои знанія и разумъ, чтобъ украсить, буде возможно, гнусное безбожіе; симъ вымысломъ, дающимъ волю всѣмъ страстямъ и дѣлающимъ ихъ дерзновеннѣйшими

на всякое злотвореніе, насаждаетъ онъ въ общественное тѣло сѣмена пагубы и смерти, убивая такимъ образомъ не одного члена общества, но цѣлое общество. Тотъ конечно еще большій злодѣй и преступникъ, чѣмъ простой убійца, кто положа въ пищу ядъ, въ одинъ день низвергаетъ во гробъ и отца и мать и дѣтей и служителей; при всемъ томъ сіе ужаснѣйшее смертоубійство по крайней мѣрѣ имѣетъ нѣкоторой предѣлъ; но злочестивый писатель что дѣлаетъ? онъ разсѣваетъ по городамъ, по цѣлымъ областямъ, ядовитую отраву душъ, изсушающую самый корень добродѣтели. Возмемъ обыкновенныхъ злодѣевъ: преступленія ихъ преходятъ и умираютъ съ ними; но безбожный писатель хотя и кончитъ вѣкъ свой, однакожъ безбожество его еще живетъ; оно и послѣ него существуетъ, распространяется, и можетъ быть, переведенное на разные языки, пойдетъ заражать чужеземныя державы и потомство. Да! безбожество его повсюдно, вредоносностію своею безпредѣльно, и едва долговременностію не безсмертно. Всѣ неистовства, всѣ преступленія, какія нанесетъ святотатственная книга, падаютъ на ея сочинителя. Злочестивые писатели, вотъ какими лаврами увѣнчается гробъ вашъ!

Не станете ли вы оправдываться тѣмъ,

что вы такъ думали и одно только мнѣніе свое излагали? Но скажите правду, точно ли и совершенно ли увѣрены вы были, что нѣтъ Бога? совѣсть ваша засвидѣтельствуетъ ли то, что вы твердо, непоколебимо убѣждены были безбожіемъ своимъ, больше нежели всѣми тѣми истинами, въ которыхъ никто не сомнѣвался? Чистосердечно ли и спокойно ли пребывали вы въ мысляхъ своихъ, что народы дѣйствительно будутъ благополучнѣе безъ Бога и безъ вѣры? Вы не безъизвѣстны были о бытописаніи рода человѣческаго, о томъ сіяніи стольких на землѣ безсмертныхъ умовъ, которыми кажется подобно свѣтильникамъ, въ нѣкоемъ разстояніи одинъ отъ другаго разставленнымъ, освѣщались царства и вѣки. Вы лучше насъ знаете и сихъ чудесныхъ мужей, просвѣтившихъ грады и народы, и сихъ высокихъ умовъ, начиная съ Платона и окончевая Боссюэтомъ, время отъ времени писавшихъ о многотрудномъ искуствѣ управленія людьми; не безъизвѣстны вамъ также и сіи чрезвычайные, три вѣка тому назадъ появившіеся въ Европѣ нашей мужи, коихъ и понынѣ почитаемъ мы основателями человѣческихъ наукъ, отъ Галилея до Невтона; и сіи удивленія достойные благотворители человѣчества, которые, подобно Винцентамъ де

Поль*), были Ангелы, утѣшавшіе всякую бѣдность и несчастіе. Вы очень хорошо знаете, что всѣ они въ чувствахъ своихъ, больше или меньше чистыхъ, почитали вѣру; что ихъ писанія, ихъ законы, ихъ уставы, ознаменованы священною печатію; что всѣ они такъ думали, какъ одинъ изъ нихъ сказалъ, что *безъ вѣры столько же не льзя основать общества, сколько на воздухѣ построить городъ;* вы все это знали, и не устрашились одни противуборствовать человѣческому роду и заблуждаться во мракѣ, презирая идти по свѣтозарнымъ слѣдамъ сего безсмертнаго полчища назидательныхъ умовъ. Не говорите мнѣ о силѣ вашихъ доказательствъ: упомянутые мною великіе мужи столько же вѣдали ихъ, какъ вы; но вы не умѣли разрѣшать ихъ, какъ они; вы, взявъ слабость свою за силу, побѣждены были трудностями, надъ коими они восторжествовали. Ахъ! не стыдитесь признаться: вѣрно не одинъ разъ чувствовали вы тайный трепетъ, помышляя о томъ Богѣ, котораго вы злословили; можетъ быть перо падало иногда изъ рукъ вашихъ; никогда по крайней мѣрѣ не могли вы превознестись надъ не-

---

*) *Vincent de Paul:* извѣстный во Франціи благотворными дѣяніями своими мужъ, причисленный тамъ къ лику святыхъ.

объятною безвѣстностію, и даже въ самомъ сомнѣніи вашемъ не убѣждалъ ли васъ здравый разсудокъ отступиться отъ сихъ нелѣпыхъ мечтаній? Но нѣтъ, вы противились гласу человѣческой природы и вопіянію сердца своего, бросаясь безумнымъ образомъ въ чудовищную нелѣпость.

Теперь я обращаюсь къ писателямъ, почитающимъ нѣкоторыя священныя истины, таковыя, какъ бытіе Бога, Провидѣніе, будущую жизнь; но отвергающимъ въ сочиненіяхъ своихъ Христіанскую вѣру, не признающимъ Откровенія, и скажу имъ: ежели, какъ вы утверждаете, всѣ вѣроисповѣданія въ глазахъ вашихъ и предъ Богомъ равны, то почто же съ такою жадностію разрушаете основаніе онаго въ землѣ вашей? Ежели общество, какъ вы сами говорите, не можетъ обойтись безъ вѣры, для чего же съ такимъ неистовствомъ силитесь вы уничтожить ее, четырнатцать вѣковъ существующую въ отечествѣ вашемъ, содѣлавшуюся наслѣдственнымъ достояніемъ всѣхъ семействъ, и которая, просвѣтя отцевъ нашихъ, пришла въ толь тѣсное соединеніе со всѣми ихъ установленіями? Не должно ли вамъ было страшиться, потрясая вѣру, потрясть государство, и не ужъ ли вы думали, что можете замѣнить ее своей выдумки вѣрою,

больше нравственною, больше утѣшительною, и больше спасительною? Ежели всѣ просвѣщенные народы, по собственному вашему признанію, имѣли свои положительныя правила вѣры, свои законоученія, свои обряды, то зачѣмъ съ такимъ упрямствомъ хотите вы проповѣдовать намъ нѣкоторыя о Богѣ и Провидѣніи умозрительныя истины, отъемля у нихъ то, что дѣлаетъ ихъ ощутительными, удобопонятными, и даетъ имъ такое могущество? Не ужели не видите вы, какую сіи первыя истины получаютъ силу отъ нашихъ таинствъ, нашихъ обрядовъ, нашихъ духовныхъ дѣйствій и обыкновеній? такъ что подрывать Христіанство есть въ сущемъ дѣлѣ почти тоже, что подрывать вѣрованіе въ тѣ истины, которыя вы сохранять хотите. Что пользы въ томъ, что вы уважаете Евангельское нравоученіе, когда отдѣляете оное отъ того, что служитъ ему подпорою и къ вѣрному наблюденію онаго больше способствуетъ? Знайте же, что если мнѣніе нѣкоторыхъ философовъ ограничивалось однимъ токмо признаваніемъ Бога, то не было и никогда не можетъ это быть истиннымъ богопочитаніемъ, и что естественный законъ, меньше въ умозрительности противный, есть почти столько же тощъ добродѣтелями и столько же пагубенъ въ по-

слѣдствіяхъ своихъ, какъ и самое рѣшительное безбожіе *).

Я не удивляюсь симъ часто повторяемымъ словамъ Боссюета, что одно токмо признаваніе Бога есть не иное что, какъ скрытное безбожіе; я не удивляюсь, что въ сіи послѣдніе вѣки церковные пастыри и служители, страшась возрастающихъ отчасу болѣе успѣховъ безвѣрія, предвѣщали злыя изъ того послѣдствія, и представляли враговъ Христіанства врагами и царскихъ престоловъ. Краснорѣчивыя ихъ провозглашенія въ присутствіи сильной дышущей на нихъ вражды проистекали отъ ихъ усердія и преданности къ правдѣ; рвеніе ихъ было безполезно; пророчественный гласъ ихъ въ борьбѣ и тревогѣ безпутныхъ мнѣній оставленъ безъ вниманія: это былъ легкій шумъ, исчезающій въ свистаніи бурь. При отверженіи всѣхъ истинъ и принятіи всѣхъ лжей за правила, умы становятся необузданными, и тогда, какъ настанетъ часъ, всѣ страсти, усиливающіяся оправдывать нелѣпости свои лжеумствованіями, вдругъ возникаютъ: тогда нѣтъ ничего священнаго, все ниспровер-

*) Мысль сія справедлива: всѣмъ дикимъ народамъ не чуждо понятіе о Богѣ, но чувства ихъ основаны на одномъ токмо страхѣ къ Его могуществу, а не на любви къ неизрѣченному Его милосердію. *Примѣч. переводчика.*

гается, общество распадается на части и ежели безвѣріе не одно причиною сего безпредѣльнаго дѣйствія, называемаго *революціею* *), то по крайней мѣрѣ оно дало ей свойство лютости и разрушенія, небывалое въ бытописаніяхъ свѣта. Писатели, отвергающіе вѣру, вотъ отчасти каковы дѣла ваши! Вы осуждаете писателей, непризнающихъ ни Бога, ни вѣры, но мы имѣемъ право почитать васъ ихъ сообщниками.

Что должно думать объ отвергающихъ вѣру сочинителяхъ книгъ? Мы это сей часъ видѣли. Что должно думать о распространятеляхъ ихъ? Это второй вопросъ.

Въ наши дни между врагами вѣры возгорѣлось ужасное соревнованіе; они кажется какъ будто спорятъ о чести, кто нанесетъ ей больше язвительныхъ и тяжкихъ ударовъ. Ежели не преслѣдуютъ они ее съ оружіемъ въ рукахъ, то жадничаютъ гнусной славы опроверженіемъ ея ученій погасить ее въ умахъ народныхъ, и приведеніемъ священнодѣйствователей ея въ ненависть и презрѣніе, на нее падающія, содѣлать и ее не-

*) Слава тебѣ Руской языкъ, что не имѣешь ты равнозначащаго сему слова! Да не будетъ оно никогда въ тебѣ извѣстно, и даже на чужомъ языкѣ не иначе, какъ омерзительно и гнусно! *Примѣч. переводчика.*

навистною и странною. Сего еще недовольно, что она поруганная изгнана была изъ храмовъ своихъ, что ученики ея вмѣстѣ съ пастырями своими были умерщвлены, и кровь первосвященниковъ смѣшена съ кровію царей, какъ бы въ изліяніе вина и елея предъ жертвенниками *разума;* безвѣріе, утомленное мужественнымъ терпѣніемъ жертвъ, падшихъ въ семъ кровавомъ сраженіи, прибѣгаетъ снова къ иному оружію: оно призываетъ на помощь всѣ искуства, и дѣлаетъ ихъ способствующими своимъ намѣреніямъ. Перо писателей, и печатаніе произведеній онаго, сильно вспомоществуется рѣзцемъ и кистію, яко средствами наиболѣе удобными ускорить и повсюду распространить дѣйствіе богопротивныхъ книгъ. Злочестіе не довольствуется однѣми нынѣшнихъ проповѣдниковъ своихъ сочиненіями, оно оживляетъ и тѣхъ, которые въ прошедшемъ вѣкѣ писали, и ничего не щадитъ, чтобъ какъ наискорѣе съ успѣхомъ распустить ихъ по всей Франціи. Ежели число книгъ устрашало, то они уменьшали оное, извлекая изъ нихъ все наиболѣе развратное и злонамѣренное; ежели высокая цѣна могла отвлекать многихъ покупщиковъ, то находили способъ сбавлять ее такъ, чтобъ каждому легче было купить; ежели толщина книги дѣлала затрудненіе обращаться съ нею, то приводили ее въ

самый удобнѣйшій для чтенія образъ. Словомъ, злочестіе письменное, рѣзное, живописное, распѣваемое, обтекаетъ наши области, является жителямъ городовъ и селъ, говоритъ очамъ, ушамъ великаго множества невѣждъ, понятнымъ для сердецъ ихъ языкомъ. Всѣхъ сихъ, подобнымъ или инымъ образомъ способствовавшихъ обнародывать, разглашать, прославлять, распространять противныя вѣроисповѣданію сочиненія, называю я расплодителями зла. И какъ же не обвинять ихъ преступными сообщниками, хотя не всѣ они равно виновны? Можно сказать имъ: доколѣ злочестивыя писанія лежатъ у сочинителя ихъ рукописныя, до тѣхъ поръ онѣ ему одному вредны, или немногимъ знающимъ объ нихъ; онѣ скрыты во мракѣ, и ядовитая ихъ зараза едва ощутительна; но вы даете ей жизнь, выпускаете въ большой свѣтъ, облегчаете, расширяете пагубныя ея дѣйствія; изъ огня скрытаго въ пеплѣ, или отъ котораго сгорѣлъ бы одинъ только домъ, вы раздуваете пламя, пожирающее цѣлыя области. Какое постыдное ремесло расточать щедро всякую порчу умовъ и сердецъ, внося въ семейства пороки, развраты, свары, и наставленія, питающія ихъ!

Чѣмъ могутъ извинить сіи достойные осужденія поступки? Скажутъ ли, что сего требуютъ искуствы и торговля? Но не дол-

жно славу искуствъ полагать въ ихъ срамотѣ. Изображать прекрасную природу и даже украшать ее, стараясь достигнуть до сей неудобоопредѣлительной прелести, какую мы въ душахъ чувствуемъ смутно, и которая существуетъ больше въ нашемъ воображеніи, нежели въ созданномъ предметѣ: вотъ это цѣль изящныхъ художествъ; все прочее лишаетъ ихъ достоинства. Ваятель, живописецъ, писатель и стихотворецъ, уничижаютъ свои дарованія, устранясь отъ склонности толь чистой и возвышенной. Можетъ ли злочестіе быть путемъ славы? Нѣтъ; Фидіасы и Рафаели не безбожными произведеніями своими достигли до безсмертія.

Это, скажутъ, отрасль полезная торговлѣ. Правда, я не долженъ вдаваться въ напрасныя и несправедливыя вопіянія противъ торговли и промысловъ, и не признавать приносимыхъ ими выгодъ; рѣчь идетъ не о томъ, чтобъ Французовъ сдѣлать затворниками, и дать царству сему воспрещающіе всякую роскошь законы древней Лакедемоніи. Величайшій и святѣйшій изъ нашихъ Царей умѣлъ искуствамъ и торговлѣ давать всякое по тогдашнему состоянію преуспѣваніе, а между тѣмъ повѣствуется о немъ, что онъ въ свое время былъ, когда надлежало, великолѣпнѣйшій изъ Государей. Но должно подниматься выше вещественности;

не станемъ почитать гражданское общество толпою животныхъ, коихъ природныя побужденія не простираются далѣе естественныхъ нуждъ; будемъ видѣть въ немъ собраніе одаренныхъ разумомъ существъ, не однимъ токмо грубымъ хлѣбомъ питающихся, но также и духовнымъ хлѣбомъ. Я не спорю, пускай быкъ находитъ отечество свое единственно въ пастьбѣ, дающей ему сытость и жиръ; но мое отечество не въ одной почвѣ, которую я топчу ногами; оно въ моей вѣрѣ, въ моемъ Царѣ, въ законахъ нашихъ, въ постановленіяхъ, во нравахъ, обычаяхъ, въ сохраненіи почтительной памяти къ предкамъ нашимъ: вотъ для чего, когда въ общественномъ тѣлѣ потребно жить нѣкоторымъ образомъ жизнію животныхъ, еще болѣе нужно вести жизнь нравственную, приличную разумнымъ существамъ, и потомъ остерегаться отъ всякихъ зловредныхъ и пагубныхъ соблазновъ и внушеній.

Я пойду далѣе, и не обинуясь скажу, что величайшая польза торговли состоитъ въ вѣроисповѣданіи. Торговля процвѣтаетъ симъ праводушіемъ, которое уклоняется отъ незаконныхъ прибытковъ, отъ обмановъ, отъ нарушенія условій; она процвѣтаетъ сею умѣренностію, которая препятствуетъ гоняться за счастіемъ по бугристымъ путямъ, часто ознаменованнымъ бѣдственными паденія-

ми не токмо самихъ дерзкихъ корыстолюбцевъ, но и многихъ соучаствовавшихъ съ ними семействъ; она процвѣтаетъ сею благоразумною бережливостію, не позволяющею по прихотямъ разорительной роскоши расточать въ одинъ день накопленное многими годами, и чрезъ то предохраняетъ отъ плачевныхъ превратностей. Наконецъ она процвѣтаетъ сею общею безопасностію, приглашающею даже и самыхъ благоразумнѣйшихъ людей дѣлать безъ всякаго опасенія свои на предбудущее время расчеты: но всѣ имства сіи, праводушіе, умѣренность, бережливость, безопасность, основываются на самотвердѣйшей подпорѣ своей, вѣроисповѣданіи. И что подумать о человѣкѣ, который, для сохраненія здравія своего и силы одѣвался бы въ пребогатое платье и убиралъ голову свою драгоцѣнными камнями, не страшась принимать ядъ, долженствующій, рано или поздо, приключить ему жесточайшую судорожную смерть? Таковъ точно народъ, который, ослѣпляясь блескомъ искуствъ и успѣхами промышленности, взираетъ равнодушно на распусканія злочестивыхъ ученій, кои, нечувствительно подрывая нравы и законы, производятъ наконецъ всеобщее разрушеніе.

Но скажутъ, что я строже закона, и что терпимое имъ надлежало бы и мнѣ терпѣть.

На это я отвѣчаю: конечно, не мое дѣло предписывать правительствамъ путь, какимъ должно имъ идти для остановленія успѣховъ, которыхъ торжество непремѣнно разрушитъ ихъ власть; но защищающему Христіанское нравоученіе долгъ мой велитъ мнѣ сказать о томъ, что позволяетъ оно и что запрещаетъ. Святый Павелъ научаетъ меня, что небеса осуждаютъ не токмо творящаго зло, но и тѣхъ, кои одобряютъ его, и какое же можно дать ему еще большее одобреніе, какъ не стараніемъ распространять оное! Развѣ не знаютъ впрочемъ, что у всѣхъ народовъ существовали пороки и безпорядки, терпимые законами, но чрезъ то не меньше осуждаемые здравымъ разумомъ? Неблагодарность и скупость меньше ли отъ того постыдны и презрительны, что въ законахъ нѣтъ за нихъ наказанія? Распутство почитается ли невиннымъ, потому что не отдаютъ его подъ судъ; или должно ли на позорныхъ игрищахъ оправдывать соблазнительныя похабства подъ тѣмъ предлогомъ, что театры терпятся?

Удивляются и даже негодуютъ на ревность нравоучителей, вопіющихъ противъ худыхъ книгъ; посмотримъ, сколько мы въ этомъ неосновательны и легковѣрны. Когда заразительная болѣзнь угрожаетъ нашимъ странамъ, какія заботливыя предосторожно-

сти берутся для спасенія себя отъ ней! Какая ужасная строгость въ наблюденіи принятыхъ мѣръ! Желали бы, естьли бъ возможно было, поставить непреодолимыя преграды: все это внушается просвѣщеннымъ человѣколюбіемъ, и составляетъ часть отеческаго попеченія правительства. Все дѣлается для тѣла, но что же дѣлается для души? Сія нравственная чума, заражающая умы, портящая или истребляющая жизненныя соки общества; сіе распусканіе ядовитыхъ писаній, злочестивыхъ книгъ, не только не пугаетъ насъ, но находитъ почти равнодушными, и мы не боимся, что общественное тѣло, напитанное сими ядами, по истощеніи въ судорожныхъ движеніяхъ всей остальной силы своей, напослѣдокъ истлѣетъ и согнившее падетъ.

Отцы и матери, воспитатели юношества, всѣ вы, которымъ небо поручило попеченіе о первомъ возрастѣ, трепещите своей безпечности, трепещите сдѣлаться сообщниками злочестія. Вы конечно вырвали бы изъ дѣтскихъ рукъ ядовитую чашу, удобную приключить имъ смерть, и оставляете предъ ихъ очами книги, могущія развратить разумъ ихъ и сердце, возрастить чудовищныхъ дѣтей къ злополучію ихъ семействъ, и худыхъ гражданъ къ несчастію государства; вы тщательно сохраняете сіи нечестивыя сочине-

нія, наслѣдственную отраву, переходящую изъ рода въ родъ, и такимъ образомъ становитесь распространителями безбожія.

Я перехожу къ третьему вопросу. Что должно думать о читающихъ противныя вѣроисповѣданію книги?

Не то нынѣ время, когда вѣра была весьма обычайна, а безвѣріе весьма рѣдко въ людяхъ; когда Французы ужасались богохуленія, аки нѣкоего зловѣщаго слова; когда противныя вѣрѣ писанія таились во мракѣ, или, когда послушные гласу пастырей своихъ Христіане уважали ихъ заповѣданія; сіе повиновеніе исчезло и уступило мѣсто гордому любопытству, а особливо юношество ропщетъ на самую даже законную узду, налагаемую на неукротимыя его желанія. Подъ какими предлогами читатели позволяютъ себѣ сіи чтенія? Иные изъ нихъ отнюдь не безбожники, и не хотятъ сдѣлаться таковыми; но думаютъ быть столько твердыми въ вѣрѣ, что подобныя чтенія для нихъ не опасны; дерзкое самонадѣяніе! Другіе, скрывая отъ самихъ себя тайныя расположенія своего сердца, увѣряютъ, что они не имѣютъ инаго намѣренія, какъ только просвѣтиться и пріобрѣсть нужныя свѣденія, дабы лучше судить о состязаніяхъ между Христіаниномъ и безвѣріемъ; извиненіе мечтательное! Наконецъ есть такіе, которые ска-

зываютъ, что они ищутъ только пріятностей слога, не желая остаться въ невѣденіи о произведеніяхъ, надѣлавшихъ и дѣлающихъ еще столько шуму; извиненіе весьма неосновательное.

Да! неблагоразумны и дерзки тѣ, кои безъ нужды позволяютъ себѣ читать опровергающія вѣру книги, подъ предлогомъ своей въ оной твердости. Въ самомъ дѣлѣ, государи мои, разумъ нашъ возмущается высотою Христіанскихъ таинствъ; наша лѣность охотно свергаетъ съ себя иго поученій; намъ трудно наблюдать ихъ и поступать по нимъ; сверхъ сего наши священныя книги преисполнены такими сказаніями, которыя, по недостатку разумѣнія къ истолкованію оныхъ, легко могутъ приводить насъ въ затрудненіе. Мы вмѣстѣ слабые и гордые, безпечные и любопытные, должны остерегаться отъ тайныхъ расположеній нашего сердца. А вы, что дѣлаете? Вмѣсто чтенія книгъ, подкрѣпляющихъ вашу вѣру и дающихъ вамъ въ руки оружіе на защиту ея, вы ищете того, что ослабляетъ ее въ душѣ вашей, и охлаждаетъ усердіе ваше къ ея пользамъ. Какъ! вы станете противъ божественныхъ таинствъ читать лжемудрствованія, которыхъ можетъ быть не способны вы хорошенько разобрать, и вы не опасаетесь, что сіи утонченные вымыслы ослѣпятъ васъ ложнымъ своимъ блес-

комъ, нападутъ на вашъ разумъ, затмятъ, утомятъ его, и охладятъ ваше сердце въ тотъ самый мигъ, когда бы наиболѣе долженствовало оно уничтожиться предъ всемогуществомъ Трисвятаго Бога! Вы станете читать книги, напичканныя Эпикуріанскими правилами, по коимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, Христіанское нравоученіе должно казаться несовмѣстнымъ съ нашею слабостію; и вы, съ такимъ ужѐ трудомъ носящіе иго простаго естественнаго закона, не покуситесь ли свергнуть съ себя бремя чистѣйшаго и совершеннѣйшаго закона Евангельскаго? Эпикуріанскія книги разливаютъ странность и презрѣніе на самыя достопочитаемыя дѣянія Христіанскаго благочестія, и насмѣхаются надъ простотою ученыхъ людей, повинующихся тому подобно простолюдинамъ; не должны ли вы опасаться, чтобъ это не внушило въ васъ отвращенія къ симъ богоугоднымъ ихъ наблюденіямъ, и чтобъ вы наконецъ сіи простонародныя благоговѣнія не стали почитать недостойными васъ? Книги, въ коихъ перемѣшаны ученость и остроуміе съ почтительными иногда чувствованіями, но тутъ же вмѣстѣ и съ язвительными кощунствами, представятъ вамъ Священное Писаніе въ ложномъ и ненавистномъ видѣ; не ужъ ли думаете вы, что не поколеблютъ они вашего къ нему уваженія? Бойтесь скорѣе,

чтобъ, вкуся отъ запрещеннаго плода, не были вы еще строже наказаны за ваше любопытство, и чтобъ, начавъ отсутствіемъ ума, не кончили вы отступленіемъ отъ вѣры. Но положимъ, что она и не погаснетъ въ васъ, однакожъ лишится жара и будетъ только блѣдный свѣтъ. Священныя истины, уменьшаясь въ очахъ вашихъ, потеряютъ много власти своей надъ вашимъ сердцемъ. Силу души составляетъ увѣренность, которая чѣмъ живѣе и тверже, тѣмъ больше внушаетъ великодушныхъ рѣшимостей. Человѣкъ сомнѣвающійся не способенъ ни къ чему; когда онъ колеблется, то до половины уже побѣжденъ, и поступки его столь же слабы, какъ и мысли, дѣла столько же вялы, какъ и вѣра, и естьли древо не засохло въ корнѣ, то по крайней мѣрѣ потеряло оно свою плодовитость.

Но не льзя ли спросить, послушать прекословящихъ вѣрѣ, чтобъ узнать, что такое они противупоставляютъ ей? Это второй вопросъ, который надлежитъ изслѣдовать. Христіанство, безсомнѣнія, не есть мрачное законоученіе; оно любитъ ясный свѣтъ; оно не стыдится, ни начала своего, ни распространенія, ни поученій, ни побѣдъ своихъ; пороки многихъ послѣдователей его не очерняютъ онаго, равно какъ испаренія земныя не очерняютъ солнечныхъ лучей; самые уче-

ники его перестаютъ быть достойными сего имени, какъ скоро сдѣлаются порочны. Естьли что печалитъ его и подаетъ причины къ жалобамъ, такъ это беззаботность тѣхъ, которые не внемля ему осуждаютъ его. Наше повиновенiе есть достодолжное разумнымъ существамъ, не иначе уступающимъ, какъ токмо извѣстной истинѣ, и, чтобъ сказать согласно съ величайшими Христiанскими учителями, основанiемъ нашей вѣры долженъ быть разумъ; но будетъ ли она таковою, когда разумъ въ ней ни во что почитается? Однакожъ остережемся: станемъ судить, я согласенъ, но не назовемъ именемъ суда то, что составляетъ только призракъ онаго; есть сужденiя пристрастныя и несправедливыя: отъ нихъ стали прельщаться книгами противъ вѣры, плодить изъ того разговоры, охотно подкрѣплять впечатлѣнiя, внушаемыя тѣми, которые сами получили ихъ отъ подобныхъ же чтенiй; но на писанiя защитниковъ вѣры едва ли взглянули; но доводы, коими сiи совращающiе съ истиннаго пути толки сильно опровергаются... объ нихъ и не знаютъ! отселѣ и самъ тотъ становится на неправеднаго судiю похожимъ, кто преклоняетъ ухо свое къ шумнымъ глаголамъ обвиняющаго, и всегда отвращаетъ оное отъ кроткаго гласа обвиняемаго. Есть преисполненные гордостiю суды: въ над-

менной къ самому себѣ довѣренности презираютъ просвѣщеніе другихъ; думаютъ унизить знаніе свое, совѣтуясь съ законоучителемъ; почитаютъ себя во всемъ верховными знатоками; даже иногда тѣмъ больше бываютъ презорливы, чѣмъ больше надлежало бы имѣть кротости. Есть также слабыя сужденія: боятся вѣру, чистую въ своихъ ученіяхъ, находить правою; учатся ей съ тайнымъ желаніемъ найти силу въ опроверженіи оной, и слабость въ защищеніи; желали бы избѣгнуть отъ свѣта правды ея, дабы избавиться отъ налагаемыхъ ею должностей, и, какъ пишутъ священныя наши книги, не хотятъ разумѣть, чтобъ не дѣлать добраго. noluit intelligere, ut bene ageret *). Ежели такимъ образомъ судите вы, какая же изъ того можетъ родиться увѣренность? Тайна правды состоитъ въ желаніи узнать оную; кто любитъ ее, тотъ и найдетъ; она является чистымъ сердцамъ, прячется отъ гордыхъ, и наказуетъ кичливое презрѣніе ихъ оставленіемъ ихъ во мракѣ лжи.

Вы говорите, что желаете разбирать, судить; хорошо; но судите же о доводахъ вѣры такъ, чтобъ почувствовать ихъ силу; взвѣсьте, оцѣните свидѣтельства; велите умолкнуть въ себѣ омрачающимъ васъ стра-

---

*) „Не восхотѣ разумѣти еже ублажити.“

стямъ, разсмотрите свои сомнѣнія, объясните свои затрудненія. Вы хотите судить о вѣрѣ; но нѣтъ, вы не хотите: вы дѣлаете точно то, что надобно, дабы остаться невѣрующими, естьли вы уже таковы, или сдѣлаться такими, естьли еще не сдѣлались. Что для васъ наши священныя книги, наше ученіе, наши преданія, наше богослуженіе? Что для васъ бытописанія Христіанства? Вы ищете познанія объ нихъ въ сочиненіяхъ, исполненныхъ горечи и желчи, мрака и богохуленія, можетъ быть въ шутовскихъ и распутныхъ толкованіяхъ Волтеровыхъ, и послѣ того, какъ уже почерпнете изъ нихъ ненависть и презрѣніе къ вѣрѣ, придетъ вамъ въ голову прочитать ея защитниковъ, и тогда все, что важно, степенно, глубоко, наводитъ вамъ скуку. Я хочу, чрезъ нѣкоторое уподобленіе, дать вамъ почувствовать странность вашего поведенія.

Нѣкто молодой человѣкъ, оконча въ одномъ изъ нашихъ городовъ Словесныя свои науки, пріѣзжаетъ въ здѣшнюю столицу, чтобъ обучиться многосложному искуству, столь трудному, столь вмѣстѣ драгоцѣнному и страшному, искуству лѣчить. Чтожъ онъ дѣлаетъ? Онъ начинаетъ читать всѣ древнія и нынѣшнія на лѣкарей сатиры, все, могшее увѣрить его, что это пустая, мнимая наука, основанная на невѣжествѣ и легковѣріи, про-

изводимая обманщиками надъ простаками, часто бывающими ихъ жертвою. Наполненный сими мыслями, напитанный всѣми сими предразсудками, онъ безъ вниманія прочитываетъ нѣсколько книжекъ о своей наукѣ, разговариваетъ о ней съ такими же, какъ самъ, молодыми людьми, не столько для убѣжденія себя въ важности оной, сколько для посмѣянія надъ нею; вотъ все его ученіе, и вотъ онъ лѣкарь! Это басня, естьли хотите, но это вѣрный образецъ тѣхъ молодыхъ людей, которые, чтобъ узнать законъ, ищутъ его во врагахъ онаго, въ писателяхъ часто столько же развратныхъ, сколько и безбожныхъ.

Вы правительствомъ опредѣлены защищать сиротъ и утѣсняемыхъ; бѣдная вдова ввѣряетъ вамъ свою и дѣтей своихъ участь, она предаетъ въ руки ваши доказательства, свидѣтельствующія справедливость ея дѣла, по коимъ должна она получить отъемлемое у ней, и полагается на вашу честность и правоту; а вы что дѣлаете? Вмѣсто прилѣжнаго прочтенія и вразумленія въ жалобы поручившей себя въ защиту вашу, вы слегка ихъ пробѣгаете; а напротивъ того глубоко вникаете въ доводы ея соперника, не приготовясь ни мало къ возраженіямъ противъ нихъ. Между тѣмъ назначенный день тяжбы настаетъ; вотъ вы передъ сопротивникомъ

своимъ стоите, какъ обезоруженный солдатъ передъ непрiятелемъ: какимъ образомъ можете вы отразить удары наступленiй его, и естьли правая сторона падетъ подъ ними, кто будетъ тому виновникъ? Это одно уподобленiе, но которое можетъ быть не безъ отношенiя къ нашему собранiю.

Наконецъ, по словамъ вашимъ, вы ищете только прiятностей слога: и такъ васъ больше прельщаютъ нѣкоторыя суесловныя украшенiя, нежели отвращаетъ богохуленiе, и враги Божiи перестаютъ для васъ быть таковыми, какъ скоро будутъ умѣть забавлять васъ. Вы очень знаете, что писатель нравящiйся недалекъ отъ писателя соблазняющаго: нужды нѣтъ, желанiе читать какiя нибудь остроты ума, какiя нибудь блестящiя выраженiя, колеблетъ, перевѣшиваетъ даже въ глазахъ вашихъ приносимую нравами и вѣрою важную пользу; пагубное любопытство тянетъ васъ самихъ собою узнавать то, чего не можете вы узнать безъ собственной своей опасности. Я спрашиваю васъ: когда разнесутся слухи о жестокой опустошительной язвѣ, не удовольствуетесь ли вы похвалою усердiя тѣхъ, которые, по распоряженiю правительства, или по человѣколюбiю, пойдутъ спасать несчастныхъ отъ заразы? Пойдете ли вы туда лично изъ одного любопытства дышать ядовитымъ воздухомъ?

Вы ищете пріятностей чтенія: какъ это! Вѣкъ Перикловъ, Августовъ, и Людовика XIV, науки и словесность, стихотворство и краснорѣчіе, повѣствованія путешественниковъ, бытописаніе людей, природы, священныя книги съ ихъ естественными прелестями и величественной простотою, все это не представляетъ ли избиранія чистыхъ красотъ, удобныхъ удовольствовать разумъ, воображеніе, сердце; понравиться всякому вкусу, усладить всякую праздность? По истинѣ, весьма жадны тѣ, которымъ недовольно сихъ сокровищъ.

Я описалъ вамъ, государи мои, все, что нахожу преступнаго въ писателяхъ, въ распространителяхъ, въ читателяхъ книгъ противныхъ вѣроисповѣданію; вы по опыту знаете, какія пагубныя слѣдствія происходили отъ сихъ безбожныхъ произведеній, и что должно видѣть въ нихъ самыхъ опаснѣйшихъ общежитію враговъ.

Да! неукротимое смятеніе существуетъ и нынѣ въ неукротимомъ выпусканіи всякаго рода развратныхъ и злочестивыхъ писаній, ежедневно подстрекающихъ къ возмущенію и безвѣрію. Могло бы сіе привесть въ отчаяніе о спасеніи отечества, когда бы небо столькими чудесами не изъявляло милосердія своего къ Франціи. Ни въ какое время, правда, не было столько развращенныхъ

молодыхъ людей, какъ въ наши дни; но не было также и столько между юношами благомыслящихъ и великодушныхъ Христіанъ. Изъ давнаго времени возстала сильная распря между правдою и ложью, между Христіанствомъ и безвѣріемъ, между властію и непокорствомъ; добро и зло предстоять другъ другу; зло съ крайнею яростію, добро съ мужествомъ: кто побѣдитъ? Не сомнѣвайтесь: Іисусъ Христосъ и его вѣрные послѣдователи, законный престолъ и его вѣрноподданые служители. То, что сказали мы, назадъ тому нѣсколько времени, посреди угрожавшихъ бѣдствій, говоримъ и теперь, съ бóльшею еще увѣренностію, послѣ столькихъ милосердій Божескихъ, оказанныхъ и оказываемыхъ намъ ежедневно.

Нѣтъ, не упразднятся необходимо нужныя для соблюденія законовъ, для обузданія пагубныхъ своевольствъ, для единодушія и спокойствія народовъ, уставленныя Богомъ верховныя власти!

Нѣтъ, не погибнетъ Вѣра; она восторжествуетъ надъ прошедшими и нынѣшними оскорбителями своими, надъ перомъ лжеумствователей и надъ желѣзомъ палачей. Да будетъ пролитая верховныхъ и другихъ пастырей кровь, аки вновь возраждающее ихъ сѣмя! Да соединяя сіяніе наукъ съ сіяніемъ добродѣтелей, спасетъ она благіе нравы, да

утвердить торжество благочестивыхъ ученій для временнаго и вѣчнаго блаженства!

О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ *).

Если мы взглянемъ на видимое въ семъ мірѣ, то поражены будемъ двумя зрѣлищами: безчисленностію трудовъ, какими человѣкъ, какъ говоритъ мудрый, во всю свою жизнь мучится, и краткостію бренныхъ его судебъ. Сколько заботъ, сколько безпокойствъ на сей обитаемой нами землѣ. Здѣсь, то мірскія попеченія, то обширныя намѣренія, отъ коихъ надѣется онъ получить славу; тамъ, ученыя и трудныя изысканія, чтобъ наслаждаться наконецъ громкими именами; индѣ расчетливые люди гонятся смѣло за какимъ то убѣгающимъ отъ нихъ добромъ, въ надеждѣ вкушать нѣкогда спокойствіе въ нѣдрахъ

---

*) Двѣ предыдущія бесѣды были напечатаны, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, въ изданіяхъ Россійской Академіи. Слѣдующая переведена изъ того же писателя, Фрейсину, недавно, и помѣщается здѣсь съ такимъ же намѣреніемъ и желаніемъ какъ и первыя. *Прим. перевод.*

изобилія; повсюду цѣлые народы, предаваясь безпрестаннымъ движеніямъ, живучи для искуства и торговли, полагаютъ въ какомъ то неудающемся имъ благѣ верховное счастіе. Такъ все вертится въ вѣчномъ вихрѣ предпріятій, дѣлъ и забавъ. Между тѣмъ сколько обманутыхъ надеждъ! Все то, въ чемъ люди на свѣтѣ семъ упражняются, блеститъ одинъ только мигъ; все, чѣмъ дышемъ мы сегодня, завтра исчезнетъ. Народы нынѣшніе перейдутъ къ народамъ прошедшимъ; все умираетъ, какъ царства такъ и люди; и сами мы попираемъ ту землю, которая должна быть нашимъ гробомъ. И такъ, посреди сихъ безпрестанныхъ перемѣнъ народовъ живущихъ и народовъ прошедшихъ, не благоразумно ли будетъ спросить намъ у самихъ себя, подлинно ли все кончится съ нашимъ тѣломъ.

Сіи особы, прославившіяся своими добродѣтелями, сіи знаменитые люди, о коихъ память живетъ въ лѣтописяхъ народовъ, отцы наши, которыхъ кости покоятся между нами: не уже ли они не иное что какъ ничтожный прахъ? Не уже ли все существованіе мое заключено будетъ подъ камнемъ гроба? будетъ ли за предѣломъ жизни, въ коей я существую, новая жизнь? Что найду я тамъ: несчастіе или благополучіе? Государи мои, былъ ли когда вопросъ, приличнѣйшій для человѣка здраво разсуждающаго? И гдѣ тотъ,

кто бы могъ, въ какомъ бы ни было времени и мѣстѣ, изгнать оный изъ своей мысли? Паскаль сказалъ: »безсмертіе души есть предметъ столь для насъ важный и столь сильно тревожащій насъ, что надлежитъ быть совершенно безчувственнымъ, дабы съ равнодушіемъ взирать на незнаніе, что съ нами будетъ.«

Всѣ наши дѣянія, всѣ наши мысли должны стремиться къ избиранію различныхъ путей, смотря потому, будетъ ли вѣчное благо или нѣтъ, ибо нельзя съ умомъ и разсудкомъ согласить, чтобъ мы поступковъ своихъ не располагали по симъ двумъ видамъ, долженствующимъ быть первымъ для насъ предметомъ. И такъ, что величественнѣе и достойнѣе можно представить умамъ вашимъ и мыслямъ, какъ не напомнить имъ о ихъ безсмертіи. Посмотримъ, какимъ образомъ одно простое воззрѣніе можетъ дать намъ понятіе о сущности будущей жизни, гдѣ дадутся награды за добродѣтель и наказанія за пороки. Сильные доводы, какіе имѣемъ мы представить къ утвержденію сего, почерпнемъ мы изъ глубокихъ изслѣдованій и соображеній о человѣкѣ и Богѣ. Таковъ есть предметъ сихъ размышленій. Если мы захотимъ сойти во глубину души нашей, дабы вникнуть и узнать ее, мы найдемъ въ самой природѣ, въ чувствахъ, въ желаніяхъ, въ вѣ-

рованіяхъ ея, самое рѣшительное убѣжденіе о ея безсмертіи.

Первое убѣжденіе слѣдуетъ изъ естественности самой души, потому, что она есть духъ. Мы видимъ, что тѣло человѣческое умираетъ, разрушается, и, не со всѣмъ исчезая, дѣлается чѣмъ-то такимъ, чему нѣтъ названія; воздухъ, вода, огонь, всѣ сіи дѣйствій природы исполнители, совершаютъ надъ нимъ свое владычество, равно какъ надъ растеніемъ или надъ тѣломъ животныхъ; но что касается до души, она поставлена внѣ круга тѣлесныхъ ощущеній; чистая, безъ всякой примѣси, она не имѣетъ въ себѣ никакихъ началъ разрушенія; цѣлая, безъ всякаго раздѣленія, она какъ мысль безплотна; нѣтъ стихіи такой дѣятельной и тонкой, которая бы могла ее осязать; смертію называется только то, что разрушаетъ бренныя части, но душа не имѣетъ ни частей, ни образа, ни сложности связующихся между собою частей; ежели тѣло, лишаясь совмѣщенія различныхъ членовъ, можетъ распадаться и умирать, то душа, не имѣющая ничего подобнаго въ образѣ своего существованія, естественно не должна быть подвержена таковому сокрушенію. Такъ конечно, когда единожды точное раздѣленіе между тѣломъ и духомъ установлено, когда несомнѣнно признано, что сіи суть два разные

по свойству и природѣ своей существа, то весьма удобопонятно, какимъ образомъ истребленіе одного, не истребляетъ другаго.

И такъ, не льзя утверждать, что бытіе души, созданное для тѣла, съ нимъ погибнетъ, и какъ бы по волѣ Божіей съ нимъ престанетъ существовать. Откуда берутъ сію нелѣпую мысль, что будто Богъ опредѣлилъ душѣ существовать токмо со времени пребыванія ея въ тѣлѣ? Смѣю сказать, что все вопіетъ противъ сего предположенія. Тѣло, безъ сомнѣнія, меньше совершенно, чѣмъ душа: и слѣдовательно, когда смерть расторгнетъ ихъ соединеніе, то тѣло существуетъ еще во всѣхъ своихъ частицахъ; оно перемѣняетъ образъ свой, измѣняясь во многія превращенія, но при всемъ томъ неисчезаетъ; а вы хотите, чтобъ душа, самое благороднѣйшее для насъ дарованіе, столь много качествами своими превосходнѣйшее тѣла, обратилась въ небытіе! Неоспоримо, я имѣю право думать, что душа человѣческая состояніемъ своимъ не хуже вещественной былинки, и ежели уничтоженію малѣйшей былинки не было примѣра во всей вселенной отъ сотворенія міра, то не вправѣ ли я вѣрить, что душа также никогда неподвержена опасности погибнуть. Вотъ, сказалъ Фенелонъ, предувѣреніе самое благоразумное, самое постоянное, самое вѣрное; пусть

будущіе наши противники опровергнутъ его доводами ясными и рѣшительными. Главный законъ отъ самаго міроздания есть, что никакое существо не исчезаетъ, и ежели Богъ исключилъ душу изъ сего закона, пусть вещественникъ докажетъ намъ сію особую волю Создателя.

Также да не скажутъ, что душа отлученная отъ тѣла будетъ безчувственна, лишена жизни, въ состояніи ничтожества и смерти; на чемъ такую мысль основать могутъ? Правда, въ порядкѣ нынѣшнихъ вещей, душа для употребленія качествъ своихъ зависитъ отъ служенія и дѣйствія членовъ; отъ нихъ получаетъ она тысячу разныхъ впечатлѣній, кои дѣлаются для ней богатыми источниками многихъ познаній; но впрочемъ не окомъ чувствуется свѣтъ, ниже ухомъ звукъ: они суть токмо препроводители, а не гнѣздилища нашихъ ощущеній; орудія, а не источникъ нашихъ свѣдѣній.

И кто же намъ сказалъ, что душа не можетъ никогда обойтись безъ ихъ внушенія, и что Богъ не столько могущественъ, чтобъ могъ производить безъ нихъ то, что Онъ въ здѣшнемъ свѣтѣ посредствомъ ихъ производитъ? Воззрите какъ душа, даже и на земли, отрывается иногда отъ впечатлѣній чувствъ и воображенія; какъ она исходитъ изъ тѣснаго круга ощущеній и частныхъ испытаній, чтобъ

возвыситься до общихъ познаній объ истинѣ, порядкѣ, красотѣ и правдѣ.

Взгляните, какъ, по собственной своей дѣятельности, способна она къ самымъ высокимъ созерцаніямъ, какъ она время отъ времени входитъ въ себя, въ нѣкоторой родъ святилища, недоступнаго чувственнымъ вещамъ, дабы тамъ питаться созерцаніемъ единой истины. И можете ли вы узнать, что сіе владычество, сія независимость не должна еще возрасти, когда будетъ она освобождена отъ узъ тѣла? Душа и тѣло естественно *состязуются* противоположными своими качествами; ежели что нибудь удивительно, такъ это то, что два столь различныя существа согласно между собою дѣйствуютъ, и находятся во взаимной соотвѣтственности: неиначе какъ Божія власть могла ихъ соединить. По смерти тѣло подчинено движеніямъ чуждымъ дѣйствію души, которая не управляетъ имъ болѣе; и душа въ свою очередь живетъ мыслями и познаніями, неподвластными впечатлѣнію тлѣнныхъ орудій. Сами язычники чувствовали необходимость сего, чтобъ по смерти душа расторгнувъ узы своей темницы, вознеслась болѣе просвѣщенная и совершеннѣйшая въ небесное обиталище. Цицеронъ въ опытѣ своемъ о старости, напоминая ученія Пиѳагора, Сократа, Платона, умирающаго Кира, замѣчаетъ, что при-

рода помѣстила насъ скорѣе въ шатрѣ раскинутомъ на время, нежели въ жилищѣ постоянномъ; и приводитъ слова Катоновы: »О пресчастливый день тотъ, въ который, изшедъ изъ блата сей земли, вознесусь я въ божественное обиталище предшествовавшихъ мнѣ блаженныхъ душъ.« И такъ, чтобъ короче сказать о семъ первомъ изслѣдованіи, поелику душа наша есть существо несложное, то смерть, разрушающая тѣло, существо сложное, не влечетъ за собою разрушеніе души, и все ведетъ насъ къ удостовѣренію, что она не уничтожается непреложною волею Создателя.

Вотъ какимъ образомъ духовность ея внушаетъ въ насъ сильное удостовѣреніе о ея бытіи по смерти.

Второе изслѣдованіе почерпаю я изъ нѣкоторыхъ всѣмъ людямъ свойственныхъ чувствъ. Да, мы имѣемъ въ себѣ нѣкое предусмотрѣніе и предчувствіе будущей жизни. Для чего подлинно сіе тайное желаніе пережить самихъ себя, увѣковѣчить имя наше въ памяти подобныхъ намъ?

Земледѣлецъ чувствуетъ это равно, какъ ученой и воинъ. Ученый желаетъ быть безсмертнымъ своими трудами, воинъ своими подвигами, земледѣлецъ по крайней мѣрѣ хочетъ жить въ памяти своихъ дѣтей: онъ огорчается мыслію, что можетъ вскорѣ ими

быть забыть, онъ желалъ бы предоставить имя свое строенію имъ оканчиваемому, древу имъ посаженному; землѣ неблагодарной, сдѣланной имъ плодоносною; особливо же взгляните на славныхъ мужей, въ коихъ любовь къ знаменитости простирается до самаго поздняго потомства, и кои питаются мыслію, что ихъ громкія дѣла будутъ прославляемы во всѣхъ вѣкахъ. Для чего это, ежелибь они не ласкались какою-то надеждою наслаждаться сами славою своею въ будущихъ вѣкахъ?

Во всѣ времена превозносили, и справедливо, усердіе тѣхъ, кои умерли за отечество, и ежели душа безсмертна, то я легко понимаю, по какой причинѣ можно жертвовать здѣшнею жизнію; но буде она во гробѣ уничтожится, то земное существованіе есть верховное благо.

Жизнь въ сравненіи съ ничтожествомъ есть безконечной цѣны: жить было бы верховнымъ закономъ: умирать за другихъ могло бы тогда быть неблагоразуміемъ. — Такъ, человѣкъ неиначе презираетъ смерть, какъ только потому, что видитъ въ томъ переходъ во вторую жизнь. Здѣсь разумъ увлекается чувствомъ, даже и въ томъ, кто по мнѣнію своему почиталъ бы себя безсмертнымъ. — Умирая за свое отечество, ты ищешь славы, скажу я ему; но ежели послѣ смер-

ти будешь ты не иное что какъ истуканъ, или изображенный на полотнѣ образъ твой, то какая тебѣ нужда въ стихотворческихъ пѣснопѣніяхъ, въ похвалахъ проповѣдниковъ, или въ повѣстяхъ бытописанія? Катонъ, не бывши одушевленъ сими внушаемыми Христіанствомъ чистыми упованіями, чистосердечно сказалъ: »Я бы никогда не предпринялъ столькихъ трудовъ гражданскихъ и воинскихъ, ежели бы думалъ, что слава моя кончится съ моею жизнію . . . . Но не знаю, какимъ образомъ разумъ мой возносясь выше себя, казалось, вѣрилъ, что по выходѣ изъ здѣшней жизни, онъ начнетъ жить.« Вотъ, государи мои, какъ въ знаменитыхъ людяхъ существовавшая въ нихъ любовь къ славѣ имѣла свой корень въ тайной надеждѣ на жизнь, начинающуюся по смерти.

Третіе разсужденіе въ пользу безсмертія души, почерпаю я изъ ея желаній: я объяснюсь: рожденный съ чувствомъ, человѣкъ желаетъ счастія, стремится къ нему аки къ послѣднему своему концу; и естьли не найдетъ его на землѣ, не долженъ ли находить въ лучшей жизни. Дадимъ этому понятію приличное истолкованіе. Я приглашаю васъ, государи мои, снизойти въ глубину вашихъ сердецъ, дабы въ безмолвіи чувствъ и воображенія внять въ нихъ гласу истины; и каждый изъ васъ охотно скажетъ со мною: Ду-

ша моя, не знаю по какому чувству, желаетъ быть счастлива, въ чемъ ничто земное не можетъ ее удовлетворить. Я съ безпокойствомъ ищу чего нибудь такого, чего тварь не можетъ мнѣ дать; я бѣгаю за тѣнью, всегда гоняюсь за ней, и никогда не могу догнать, неоднократно противъ воли моей грущу отъ досады и скуки; желаю удовольствія чистаго, несомнѣннаго и твердаго; я понимаю, что благополучіе состоитъ въ сердцѣ, коего всѣ желанія исполняются. Какъ найти спокойствіе? Какой смертный вкушалъ его на землѣ? Пусть откроетъ намъ сію тайну. Посреди пышныхъ увеселеній, прелестныхъ вертоградовъ, многочисленныхъ своихъ сокровищъ, во блескѣ славы своей, изобиліи утѣхъ, Соломонъ признаетъ себя злополучнымъ: отъ чего это такъ? отъ того, что ухо его не могло никогда услаждаться, ни око зрѣть, ни сердце желать.

Александръ завоевалъ весь міръ; земля молчала передъ нимъ, и что же? Александръ скорѣе утомился, чѣмъ насытился славою, онъ вздыхаетъ, онъ плачетъ посреди торжествъ завоеваннаго имъ міра. Тиверій, наскучивъ могуществомъ, идетъ заключиться на островъ Капрею, онъ ищетъ въ затѣйливыхъ распутствахъ того, чего не могъ находить въ величіи. Тиверій обманется, сча-

стіе не будетъ жить съ нимъ въ жилищѣ безчинствъ, онъ почувствуетъ свою нищету и принужденъ будетъ признаться въ томъ предъ цѣлымъ свѣтомъ. Какіе достопамятные примѣры ничтожества человѣческихъ вещей, недостатка ихъ сдѣлать насъ благополучными! Я напомнилъ о семъ для того, чтобы дать почувствовать, какъ велика жадность человѣческаго сердца и какъ на землѣ видитъ онъ себя обманутымъ въ своихъ надеждахъ.

Теперь обращаюсь я на самого себя и говорю: я желаю быть счастливъ; это есть самая сильнѣйшая потребность моей души, самая нужнѣйшая склонность моей природы. Не я самъ себѣ далъ сіе желаніе; я неволенъ освободиться отъ него; я получилъ оное отъ Бога съ моимъ бытіемъ и жизнію. Когда отъ самаго Бога получилъ я сей даръ, когда это цѣль, къ которой Онъ безпрестанно меня стремитъ, то не должно ли, чтобъ рано или поздно довелъ Онъ меня до ней? Былъ ли бы Онъ Богъ правды, если бы устремлялъ желанія мои на немогущій никогда сбыться предметъ; еслибъ Онъ назначилъ мнѣ срокъ, оставя меня въ невозможности онаго достигнуть, и ежели сіе благополучіе, для коего чувствую я себя отъ Него созданнымъ, не существуетъ для меня на свѣтѣ, то не надлежитъ ли, чтобъ Онъ

назначилъ оному быть за предѣломъ гроба? Во всей природѣ все идетъ къ своему концу: солнце и звѣзды правильнымъ движенiемъ своимъ совершаютъ свою судьбу; животные тоже совершаютъ свою, повинуясь чудеснымъ своимъ склонностямъ. Не уже ли человѣкъ, въ сей безмѣрной цѣпи существъ, одинъ только не исполнитъ своей, и могло ли Провидѣнiе осудить его безпрестанно стремиться къ природному своему быту, никогда до него не достигая? Да будутъ мнѣнiя наши и справедливѣе и утѣшительнѣе о намѣренiяхъ Творца и объ изяществѣ человѣческой природы!

Общее вѣрованiе человѣческаго рода снабжаетъ меня послѣднимъ разсужденiемъ. Это истина, утверждаемая бытописанiями древнихъ и новыхъ народовъ, что вѣрованiе въ будущую жизнь было всегда вѣрованiемъ всего свѣта. Суевѣрiе, пороки, невѣжество, могли весьма исказить оное; лжемудрствователи могли возставать противъ него: но оно всегда пребывало господствующимъ посреди всѣхъ народовъ свѣта. Дальнѣйшiя подробности излишни о дѣлѣ, толь единогласно признанномъ. Мы подкрѣпимъ еще нѣкоторыми токмо свидѣтельствами. Это было всеобщее въ древности ученiе, такъ что Цицеронъ, въ своемъ опытѣ о дружбѣ, не побоялся заставить Лелiя сказать: »Я не

могу похвалить сего нововводителя, утверждающаго о нашей жизни, что все кончится въ гробѣ, я несравненно больше убѣждаюсь сильными увѣреніями древнихъ, и нашихъ прародителей, также и знаменитыхъ особъ, бывшихъ украшеніемъ и славою Греціи, особливо того, кто провозглашенъ былъ мудрѣйшимъ всѣхъ!« Въ одномъ изъ своихъ посланій Сенека замѣчаетъ, что когда дѣло идетъ о безсмертіи души, то всеобщее согласіе людей, не малую имѣетъ власть надъ нашими умами. Я не увѣряю, что Цицеронъ и Сенека были толь просвѣщенны и тверды въ своемъ вѣрованіи, какъ Христіане; а говорю только, что они неоспоримо были свидѣтелями вѣрованія древнихъ. У сочинителей, писавшихъ о семъ, вы нашли бы точныя выписки о вѣрѣ древнихъ народовъ Египетскихъ, Халдейскихъ, Индійскихъ, Греческихъ, Римскихъ, Галльскихъ, Германскихъ. Говоря объ однихъ только Галлахъ, коихъ древнее вѣрованіе можетъ въ насъ Французахъ возбуждать больше любопытства, мы отъ Цесаря слышимъ, что Друиды одушевляли храбрость воиновъ, и поощряли ихъ презирать опасность, надеждою безсмертія. Въ сихъ-то чувствованіяхъ, говоритъ еще Лукіянъ, почерпаютъ они неукротимую ярость, стремящую ихъ на смерть; по мнѣнію ихъ всего нечестивѣе щадить

жизнь, которой не навсегда лишался. Подумайте впрочемъ о семъ вѣрованіи народовъ, оказывающемся даже въ ихъ суевѣріяхъ и самыхъ странныхъ обычаяхъ. О немъ напоминаютъ намъ обоготворенія знаменитыхъ людей послѣ ихъ смерти, лжеумствованіе о переселеніи душъ изъ тѣла въ тѣло, Елисейскія поля и Тартаръ, баснословный судъ Миноя и Родомантовъ, вызываніе тѣней, малодушная боязнь смерти.

Что касается до новѣйшихъ народовъ, то довольно повѣствованій путешественниковъ, бывшихъ въ разныхъ странахъ земнаго шара; вѣра въ безсмертіе души была въ новомъ свѣтѣ, прежде прибытія туда Христофора Колумба. »И мы нашли ее распространенною отъ одного края Америки до другаго, въ иныхъ областяхъ больше смутною и мрачною, въ другихъ больше очищенною и совершенною, но нигдѣ не остающеюся въ неизвѣстности,« сказалъ знаменитый Робертсонъ.

Послѣ сего, государи мои, кто не будетъ удивляться сему всеобщему согласію народовъ и вѣковъ? Чудное дѣло! И наши чувства не говорятъ намъ ничего о будущемъ нашемъ существованіи, и пребываніи душъ по разрушеніи тѣлъ. Въ очахъ нашихъ человѣкъ, кажется, умираетъ, какъ животное,

ничто внѣ насъ не показываетъ сей разности, опытъ временъ, вседневныя наблюденія не представляютъ намъ ничего кромѣ какъ токмо вещества и разрушенія частей.

Мы видимъ, что человѣкъ родится, живетъ и умираетъ какъ и всѣ другія твари. Кажется, повидимому безпрестанно нами, что родъ человѣческій долженствовалъ бы почитать себя составленнымъ изъ одного токмо тѣла. Откудажъ пришла къ нему толь странная мысль о безсмертіи нашихъ душъ? Какимъ образомъ изъ глубины развалинъ, изъ нѣдръ содѣянныхъ временемъ и смертію разрушеній, сей гласъ безсмертія могъ услышанъ быть во всей вселенной? — Не сомнѣвайтесь, государи мои, это отъ того, что Творецъ природы поселилъ чувство сіе въ наши души, равно какъ поселилъ въ нихъ разумъ и человѣколюбіе, и что столь же невозможно исторгнуть ихъ, какъ лишить насъ ума и мысли.

Наконецъ, государи мои, есть постоянное всеобщее, неоспоримое свидѣтельство чувствъ, надежды, вѣрованія человѣческаго рода, и которое особенно подтверждаетъ изложенное мною разсужденіе, это богослуженія по мертвымъ, извѣстныя по всей земли въ древнее, равно какъ и въ нынѣшнее время. Почто сіи почитанія къ ихъ праху? Сіи гробницы въ честь ихъ воздвигнутыя,

сіи надгробныя пѣнія, посвященныя воспоминанію объ нихъ, все это относится ли къ безчувственной и ничтожной пыли? Или, лучше сказать, все это неправдоподобнѣе ли соединяется съ тайною мыслію, что мертвые не равнодушны къ оказыванію имъ любви нашей, что они суть свидѣтели нашихъ слезъ и сожалѣній, и что мы можемъ продолжать родъ умилительнаго собесѣдованія съ тою ихъ самихъ частію, которая живетъ еще.

На краю Востока, есть народъ, ставящій на могилахъ различныя яства для кормленія усопшихъ; у идолопоклонниковъ Перуанскихъ жены и дѣти Инковъ, дабы почтить ихъ похороны, сами себя приносили въ жертву, и провожали ихъ на тотъ свѣтъ. Оссіанъ, или тотъ, кто его именемъ пѣлъ, дѣлаетъ тѣни ловцевъ его блуждающими въ облакахъ, и думаетъ, что они чувствительны къ пѣснямъ Бардовъ, воспѣвающихъ славу ихъ? Все это не имѣетъ ли ясной связи съ мнѣніемъ о будущей жизни? Но по какому же непреодолимому очарованію полагаемъ мы такимъ образомъ жизнь въ жилищѣ смерти? »Здѣсь то», сказалъ нѣкто знаменитый писатель, »человѣческая природа является выше прочаго созданія, и оказываетъ высокую свою судьбу. Животное знаетъ ли гробъ, и безпокоится ли о своемъ

прахѣ? Что ему нужды до костей отца его? Или, лучше сказать, по прошествіи младенческихъ нуждъ своихъ, знаетъ ли оно, кто былъ его отецъ? Между всѣми созданными тварями, одинъ человѣкъ печется о прахѣ подобнаго себѣ и отдаетъ ему духовное почитаніе; въ очахъ нашихъ, господствованіе смерти имѣетъ въ себѣ нѣчто священное. Откуда же почерпаемъ мы сильную мысль о кончинѣ нашей? Малая щепотка песчинокъ стоитъ ли нашего уваженія? Конечно нѣтъ: мы по нѣкоему тайному гласу имѣемъ къ праху нашихъ предковъ почтеніе, потому что не полагаемъ его совсѣмъ изчезнувшимъ, и симъ то гласомъ обряды похоронные освящаются у всѣхъ земныхъ народовъ. Всѣ равно увѣрены, что сонъ, даже и во гробѣ, недолговремененъ, и что смерть не иное что есть, какъ благолѣпное превращеніе.«

Привязанность наша къ лежащимъ во гробахъ происходитъ отъ увѣренности въ безсмертіи; здѣсь разумъ подкрѣпляется опытомъ. Никогда въ самомъ дѣлѣ прахъ мертвыхъ не былъ столь недостойнымъ образомъ поруганъ какъ во время, когда самая гнусная мысль о несуществованіи души усилилась между нами. Когда въ умирающемъ человѣкѣ видятъ только одно разстроивающееся сооруженіе, или распадающееся растеніе,

когда думаютъ, что ничего инаго не останется отъ него, кромѣ отвратительной глыбы, то какое почтеніе можно къ нему питать? не побуждаемся ли мы тогда смотрѣть на него какъ на самую нечистую падалину? Ежели четырнадцать вѣковъ набожнаго благоговѣнія не могли спасти отъ оскорбленія смертные остатки покровителя сей столицы, ежели мы видѣли нѣсколько времени трупъ Тюреновъ лежащимъ между костями слона и крокодила, ежели столько знаменитыхъ мертвецовъ могли быть изгнаны изъ ихъ обиталищъ, то самая вѣра не имѣла тогда больше пристанища, и превратныя ученія истребили почти чувствованіе безсмертія. Святотатственное помышленіе объ одномъ токмо вещественномъ существованіи осквернило гробы, кои одна вѣра въ будущую жизнь дѣлаетъ почтенными.

Вотъ, государи мои, какимъ образомъ разсуждая о духовности нашей души, о самыхъ искреннѣйшихъ чувствованіяхъ, о самыхъ ревностнѣйшихъ желаніяхъ, о самыхъ глубочайшихъ вѣрованіяхъ ея, открываемъ мы въ насъ самихъ начало и залогъ безсмертія.

Посмотримъ, не можемъ ли мы почерпнуть еще болѣе рѣшительнаго изъ разсужденій о познаніи Бога и Его совершенствахъ.

Дерзнете ли сказать, что нѣтъ Бога? То будетъ чудовищная крайность, какую

умъ человѣческій не можетъ никогда себѣ представить безъ смущенія и безпокойствія. И гдѣ есть безбожникъ, который бы внутренно увѣренъ былъ въ несуществованіи Бога? и самое богохульство сіе измѣняетъ вѣрѣ его, кроющейся во глубинѣ его сердца; частые разговоры его противъ Божества обнаруживаютъ внушаемый имъ въ него ужасъ. Монтескю сказалъ: »Набожный человѣкъ и безбожникъ говорятъ всегда о вѣрѣ; одинъ о томъ, что любитъ; а другой о томъ, чего страшится.«

Нѣтъ, государи мои, безбожіе не есть мнѣніе, но бредъ и бѣшенство.

Признавать Бога безъ Провидѣнія есть грубая несообразность; это значитъ дѣлать Бога Царемъ безъ подданныхъ, владыкою безъ власти, отца безъ любви къ дѣтямъ, законодателя безъ намѣренія и мудрости, оставляющаго дѣла свои и законы игрѣ случая.

И такъ есть Богъ, управляющій родомъ человѣческимъ, пекущійся о судьбахъ его съ толикою же правдою, какъ и премудростію: какъ же въ мірѣ семъ признавать правосуднаго и премудраго Бога, если сей міръ не сопряженъ съ будущимъ міромъ?

И вопервыхъ чего требуетъ правосудіе Божіе? Разумъ говоритъ намъ, что Богъ, справедливый цѣнитель вещей, не можетъ

одинакимъ окомъ взирать на отцеубійцу и покорнаго сына, на вѣрнаго и коварнаго друга, на безжалостнаго скупягу и щедролюбиваго мужа, на лютаго человѣкоубійцу и на спасающаго подобныхъ себѣ. Думать иначе, было бы предполагать Бога меньше человѣка совершеннаго. Да конечно, не смотря на недостатокъ природы своей, человѣкъ не можетъ защищаться отъ тайнаго ужаса предаваться порокамъ, даже и тогда, когда по слабости своей впадаетъ въ нихъ, ни отъ тайной любви къ добродѣтели, хотя и не имѣетъ мужества послѣдовать ей. Такъ, я нахожу во глубинѣ моей совѣсти, что добродѣтель почтенна, достойна похвалы и награды; что порокъ презрителенъ, достоинъ поруганія и наказанія: таковъ есть гласъ природы, таково взываніе истины, вопіющее въ душахъ нашихъ. — И такъ въ слѣдствіе понятій, сопрягающихся одно съ другихъ, я убѣждаюсь въ томъ, что нѣтъ Бога безъ правосудія, ни правосудія безъ награды за добродѣтель и безъ наказанія за порокъ.

Такимъ образомъ тщетно будете вы искать сего порядка на землѣ, единственнаго, сообразнаго съ строгою истиною. Правда, что для ободренія добрыхъ и для устрашенія злыхъ, дабы дать болѣе почувствовать людямъ, что Провидѣніе бодрствуетъ надъ ними, чтобъ вложить въ нихъ предусмотрѣ-

ніе ожидающей ихъ участи, Богъ оказываетъ иногда правосудіе свое благому человѣку ниспосыланіемъ на него многихъ благъ, а злому многихъ столь ужасныхъ и явныхъ бѣдствій, что невозможно не признать ихъ съ симъ намѣреніемъ посланными отъ Него.

Неоднократно унизительные и жестокіе недуги, смертельныя досады, снѣдающія печали, скорыя и совершенныя разоренія, давали чувствовать преступникамъ мстительную руку тяготѣющую надъ ихъ главами. Но надлежитъ признаться, не взирая на примѣры сего рода, что ежели бы настоящая жизнь не сопряжена была съ инымъ порядкомъ вещей, свѣтъ сей былъ бы не иное что какъ неустроенная смѣсь, какъ непонятная загадка, какъ непрерывный безпорядокъ, коимъ были бы Провидѣніе и Его правосудіе обвиняемы.

Что такое бытописаніе представляетъ намъ во всѣ времена у всѣхъ народовъ? Часто добродѣтели непознаваемыя, пороки съ почестями, преступленія избѣгнувшія отъ меча человѣческаго правосудія, семейства разоренныя обманами, несчастныя жертвы невинности и зависти, невинность страждущая въ темницахъ, лобныя мѣста, гдѣ гибнетъ добродѣтель. Сіи безпорядки столь разительны, что слабые, нетерпѣливые умы возмнили вывесть изъ того богохульство

противъ Провидѣнія, взирать на Оное, какъ бы отстраненное отъ правленія человѣческихъ дѣлъ, почитать такимъ образомъ усилія добраго человѣка потерянными, и восклицать какъ сей погибающій на поляхъ Филиппинскихъ Римлянинъ: »О добродѣтель, ты стало быть не иное что какъ пустая мечта!« Безъ сомнѣнія, государи мои, таковое злочестіе всегда будетъ чуждо нашимъ устамъ, и еще болѣе чуждо нашимъ сердцамъ. Сіи неустройства, повсюду совершающіяся въ нашихъ очахъ, долженствуютъ напоминать намъ вѣчное устройство, которому Богъ есть источникъ. Знаю, что въ сокровищахъ могущества Его, Онъ имѣетъ чѣмъ поправить все разстроенное въ здѣшнемъ мірѣ. Я повергаюсь въ нѣдра вѣчности Его; оттолѣ низводя взоры мои на землю, зрю ее въ истинномъ ея видѣ. Я познаю, что все на ней разстроенное сперва входитъ во всеобщее согласіе, чрезъ сопряженіе ея съ вѣчными намѣреніями Того, Кто живетъ и владычествуетъ надъ временами. Терпѣніе добродѣтельнаго человѣка, въ глазахъ моихъ, не есть неправосудіе, но испытанія, но борьбы, ведущія къ славѣ; и когда сравниваю претерпѣваемое имъ съ предназначеннымъ ему вѣнцемъ, то вижу въ печаляхъ его, токмо скорби души, борющейся съ безсмертіемъ. Вотъ что хотѣлъ намъ ска-

зать мудрецъ сими важными словами: »Я видѣлъ подъ солнцемъ безбожіе вмѣсто суда, и беззаконіе вмѣсто правосудія; и сказалъ въ моемъ сердцѣ: Богъ будетъ судить праведнаго и неправеднаго, и тогда наступитъ время возстановленія всего.«

Но скажутъ можетъ быть, на что прибѣгать къ другой жизни, для оправданія Провидѣнія? Вы ищете награды за добродѣтель: онѣ въ мирномъ быту и въ свидѣтельствѣ доброй совѣсти; вы требуете за пороки наказаній: но онѣ состоятъ въ раскаяніи неразлучномъ съ нимъ.

Это не иное что есть, какъ тщетное умствованіе, по коему невозможно оправдать Божескаго правосудія, и котораго мы дадимъ почувствовать всю слабомысленность. Богъ не то, что человѣкъ; Его правосудіе столь же безпредѣльно какъ и могущество. Достойно Того, Кто все можетъ, и знаетъ награждать за всякое добро, и наказывать за всякое зло, назначать возмездіе за добродѣтель, а за порокъ непремѣнныя и достаточныя мученія, опредѣленныя по мѣрѣ содѣянной вины. И такъ не были бы они таковы, ежелибъ все ограничивалось спокойствіемъ души для праведнаго, и раскаяніемъ для преступника.

А между тѣмъ вы желаете, чтобъ душевное спокойствіе было единою токмо наградою для добродѣтели: но спокойствіе сіе

невсегда неразлучно съ нею: есть живущія посреди мятежа добродѣтельныя сердца, робкія до чрезвычайности, боящіяся тамъ, гдѣ нечего бояться. Нѣжность чувствъ ихъ служитъ имъ мученіемъ; воображеніе наводитъ имъ страхъ отъ сихъ чудовищныхъ мечтаній; оно изображаетъ имъ легкія погрѣшности самыми черными красками, и доброе превращаетъ въ худое. И такъ посреди сихъ треволненій колеблющагося человѣка, спокойствіе исчезло, и сіе то единое почитаете вы быть достаточною за добродѣтели наградою; это еще не все; надлежитъ чтобъ награда соразмѣрна была достоинству, но въ здѣшнемъ свѣтѣ сіе правило справедливости безпрестанно бываетъ нарушаемо. Въ самомъ дѣлѣ симъ спокойствіемъ совѣсти сопровождаются также добродѣтели, которыя впрочемъ хотя и весьма незыблемы, но меньше тягостны для природы, и я вопрошаю, какая будетъ награда симъ добродѣтелямъ болѣе сильнымъ и болѣе труднымъ? Я объяснюсь: человѣкъ сей рожденъ съ благополучными склонностями; по душевному расположенію своему, онъ тихъ, кротокъ, владѣетъ собою, ему естественно легко быть добродѣтельнымъ; другой обуревается сильными страстями: онъ долженъ усильнымъ образомъ преодолѣвать самаго себя, воздерживаться не взирая на буйство своихъ вожделѣній, быть

скромнымъ посреди шума самой громкой славы. Ежели тотъ и другой добродѣтеленъ, спокойствіе души должно быть ровнымъ удѣломъ на земли; но второй долженъ преодолѣвать гораздо болѣе препятствій, побѣждать чаще самаго себя; для него быть вѣрнымъ гораздо труднѣе; заслуга его слѣдственно уважительнѣе и достойна большей награды, но награда была бы таже, ежели бы состояла только въ душевномъ спокойствіи. Но вотъ новое, весьма важное разсужденіе: когда добрый человѣкъ по должности своей умираетъ, жертвуя скорѣе своею жизнію нежели совѣстію, то особливо тогда дѣлается угоднымъ своему Создателю и становится достойнымъ Его щедротъ; однакожъ ежели не получитъ инаго возмездія за свою добродѣтель какъ токмо спокойствіе совѣсти, гдѣ же будетъ награда за его мужественный подвигъ? Сіе спокойствіе души сойдетъ ли съ нимъ во гробъ? Вы поставлены, предполагаю я, между вѣроломствомъ и смертію; Богъ повелѣваетъ вамъ умереть въ угодность ему: симъ послѣднимъ дѣйствіемъ вашей жизни оканчиваются всѣ другія; это изъ всѣхъ прочихъ есть самое наидостойнѣйшее, и вы должны удовольствоваться тѣмъ безъ всякой надежды на воздаяніе? Что сего несправедливѣе? Нѣтъ! Богъ или не обязываетъ васъ умирать по должности, или дол-

женъ наградить васъ за повиновеніе, оказываемое ему вашею смертію: и еще повторю, гдѣ жъ будетъ награда; ежели смерть положитъ всему конецъ? Неосновательно также не признавать инаго наказанія за порокъ какъ токмо раскаяніе. Я согласенъ, что преступникъ находитъ первое себѣ наказаніе въ совѣсти своей, обвиняющей его и осуждающей; но если раскаяніе есть его единственное мученіе, то часто наиболѣе виновные меньше накажутся, потому что лучше чѣмъ другіе будутъ умѣть заглушать свою совѣсть подъ бременемъ множества преступленій своихъ. Да, первая вина сопровождается самымъ сильнымъ раскаяніемъ; но весьма часто дѣлаютъ привычку къ порокамъ, кончутъ же, по глаголу священнаго писанія, глотая мерзости аки воду, такъ что ежели раскаяніе есть единственная мука, то не будетъ больше соразмѣрности между преступленіемъ и наказаніемъ. Даже придется сказать, что раскаяніе послѣ всего, не иное что будетъ, какъ страшный предразсудокъ, отъ котораго надлежало бы отставать, ежелибъ за предѣломъ гроба нечего было бояться. Когда душа проникнута страхомъ мстителя Бога, то я признаю въ ней раскаяніе; но буде сей страхъ слабѣетъ и потухаетъ, то увидимъ раскаяніе слабѣющимъ и потухающимъ съ нею. А потому великіе преступники имѣютъ

тайную наклонность къ ученію одной роковой случайности, которая представляя преступленія ихъ аки бы нужными, тщится освободить ихъ отъ всякаго раскаянія; и чрезъ сію науку умираніе души совокупно съ тѣломъ обѣщаетъ имъ безнаказанность. Освобожденные отъ всякаго страха будущей жизни, они хотя и могутъ бояться казни или поруганія, но угрызенія совѣсти знать не будутъ. Извѣстно притомъ, что виновный неоднократно скрываетъ отъ самаго себя несправедливость и черноту своихъ дѣяній; что счастливыя преступленія престаютъ быть въ очахъ его преступленіями; что самое гнусное безчинство не кажется имъ больше безчинствомъ, когда смотрятъ на него сквозь прелести славы. И по правдѣ сказать, можно ли думать, чтобъ нѣкоторыя слабыя укоризны совѣсти были достаточнымъ наказаніемъ за дѣйствія, кои могутъ быть бичемъ семействъ, поколѣній и даже цѣлыхъ народовъ?

Наконецъ, въ опровергаемомъ мною мнѣніи людскомъ есть особенный родъ преступленія, который остался бы всегда ненаказаннымъ; я хочу говорить о семъ преступленіи, нѣкогда рѣдкомъ, нынѣ же весьма общемъ, объ искаженіи нравовъ и ужасѣ обществъ, о самоубійствѣ. Человѣкъ, принадлежащій обществу, воспитавшему его въ своихъ нѣдрахъ и пекшемуся о сохраненіи

его жизни; родственникамъ своимъ, съ которыми вступилъ онъ въ обязательства; во всякомъ же случаѣ Богу, Который даровалъ ему жизнь и Кто Единый имѣетъ право отнять у него оную; все это ничто, — онъ, не смотря на долгъ свой къ Богу и людямъ, лишаетъ себя жизни. — Ежели заблужденіе его не отъ сумасшествія происходитъ, ежели онъ въ полномъ разумѣ, то сіе послѣднее на самого себя покушеніе его есть можетъ быть слѣдствіе самой преступной жизни. Гдѣ же будетъ наказаніе, если нѣтъ инаго, кромѣ раскаянія? Вы полагаете, что душа больше не существуетъ, то какъ же раскаяніе можетъ прикоснуться къ тому, что не имѣетъ бытія? и такъ скажемъ, государи мои, что съ одной стороны спокойствіе утѣшающее праведника, съ другой раскаяніе терзающее грѣшника, есть въ свѣтѣ семъ начало тому разсмотрѣнію, какое долженствуетъ нѣкогда быть сдѣлано съ большею торжественностію и точностію; это предшествіе, а не мѣра Божескаго правосудія, такъ что утѣшеніе добродѣтели, и терзанія порока въ здѣшнемъ свѣтѣ, скорѣе устанавливаютъ, нежели потрясаютъ наставленія о будущей жизни.

И не скажемъ, что Правосудіе Божіе удовольствуется уничтоженіемъ преступника; тщетная хитрость умствованія: Божеское

правосудіе долженствуетъ дѣйствовать такимъ образомъ, чтобъ устрашать человѣка, содержать его въ должности, или обращать къ оной. Безъ того злые люди не будутъ бояться, ежели въ несуществованіи своемъ по смерти будутъ увѣрены. Не должно ли впрочемъ, чтобъ мученія были правосудно распредѣлены; соразмѣрны числу, природѣ и великости пороковъ; чтобъ было неравенство въ наказаніяхъ тамъ, гдѣ въ преступленіяхъ нѣтъ равенства? Можетъ ли верховное Правосудіе смѣшивать простую кражу съ отцеубійствомъ? и ежелибъ ничтожество было общимъ наказаніемъ за всѣ пороки, то бы всѣ они были одинаково наказуемы.

Здѣсь, государи мои, войдемъ еще нѣсколько въ разсмотрѣніе человѣческаго сердца, и тѣхъ мыслей, какія мы должны имѣть о Провидѣніи, управляющемъ симъ міромъ. Надежда и страхъ суть какъ два полюса нравственнаго міра; все основывается и обращается на семъ двойномъ чувствованіи: на немъ устанавливаются и навсегда утверждаются подчиненность и порядокъ въ обществахъ и семействахъ, въ войскахъ и городахъ. Сердце человѣческое въ одно и тоже время наполнено желаніями и слабостями; оно имѣетъ надобность быть подстрекаемо надеждою и воздерживаемо страхомъ. Покажи ему цѣну добродѣтели, ежели ты хо-

чешь, чтобъ оно ее исполняло, и наказаніе порока, чтобъ оно отъ него уклонялось. Что подумали бы о начальникѣ, который поступалъ бы равно съ робкимъ и храбрымъ войскомъ; о законодателѣ, который бы, обнародовавъ уложеніе законовъ, оставилъ ихъ на волю каждаго, не объясня, ни сдѣлавъ никакихъ сильныхъ побужденій къ вѣрному оныхъ исполненію, ни устрашивъ нарушителей своими угрозами. Тогда законы, непочитаемые болѣе священными, не останутся ли также безъ всякой силы и власти? И хотятъ, что бы Богъ, верховный Законодатель, оставилъ законы свои на волю каждаго, чтобъ въ очахъ Его были равны вѣрность и возмущеніе, чтобъ одними уставы Его были тщетно наблюдаемы, а другими безнаказанно нарушаемы. Если бы это такъ было, то Онъ ничего не сдѣлалъ бы для утвержденія надъ людьми владычества, и такъ уставъ Его не содѣйствовалъ бы ни Его премудрости, ни Его правосудію. Я очень знаю, что неистовая любовь къ независимости дѣлаетъ насъ противуборствующими всякому правилу, и что мы желали бы свергнуть съ себя иго онаго. Покоря Провидѣніе нашей волѣ, мы позволяемъ Ему приготовлять награду добродѣтели; но возмущаемся при мысли наказанія: мы хотимъ всего надѣяться отъ Его благости, и ни мало не страшимся

Его правосудія. Но правосудіе и премудрость никогда съ нимъ неразлучны, имѣя такое же право, какъ и благость Его: надлежитъ имъ сіять въ его дѣлахъ, дабы они въ исполненіи данныхъ отъ Бога законовъ удостовѣряли; я это доказалъ, что премудрость и Божеское правосудіе были бы нарушены, ежелибъ наказаніе виновнаго состояло въ единомъ его уничтоженіи.

И такъ, государи мои, справедливо, что гробъ не есть предѣлъ человѣческой жизни, и то что въ насъ живетъ и мыслитъ не умираетъ, равно какъ и сердце, жаждущее счастія, также и разумъ, алчущій правды, будутъ удовлетворены. И такъ да будетъ далеко отъ насъ помышленіе о обращеніи въ ничтожество, клонящее человѣка къ землѣ, къ той землѣ, къ которой мы токмо стопами прикасаемся, какъ бы для того, чтобы пріучать себя не уважать ее! какъ утѣшительны, какъ превосходны человѣческія судьбы, зовущія его жить за предѣлами всѣхъ временъ! Здѣсь дѣло идетъ не о томъ безсмертіи, какое посвящается памяти прославившихся на земли разумомъ и трудами; это не иное что, какъ тщетный образъ того истиннаго безсмертія, которое должно быть удѣломъ добродѣтели. Въ своемъ восторгѣ пѣснопѣнія, пѣвецъ Римскій, воспламененный своими твореніями, дерзнулъ воскликнуть:

»Я воздвигнулъ памятникъ тверже мѣди; нѣтъ, я не умру весь.« Государи мои, онъ сказалъ правду, имя его живетъ еще въ памяти народовъ: но что къ блаженству его служатъ похвалы потомства? онъ пріобрѣлъ себѣ славу, которой наслаждаться не можетъ; а мы возвѣщаемъ тому, кто будетъ добродѣтеленъ, славу, коей долженъ онъ быть вѣчнымъ обладателемъ. Въ какомъ новомъ видѣ мысль сія показываетъ все касающееся до человѣка. Сею свѣтозарностію, открываю я, что свѣтъ сей не есть зрѣлище временнаго сооруженія, долженствующее повсегда разрушаться, которое Творецъ устроилъ для игры своей и забавъ. Я напротивъ вижу, что безконечное Существо предположило въ намѣреніи своемъ содѣлать оное достойнымъ своей безконечности, что дары, данные душамъ нашимъ, не напрасны, и что, давъ имъ силу познать и прославлять его, Оно дѣйствительно желаетъ быть чрезъ нихъ извѣстнымъ и прославляемымъ во вѣки. Языческая древность вообразила себѣ никогда не зримаго ею мудреца, который былъ бы неподвижимъ посреди развалинъ вселенной; но сіе воображеніе дѣлается истиннымъ въ праведникѣ, коего поддерживаетъ и одушевляетъ надежда блаженной безсмертности. Тогда какъ тысячи обуреваній колеблютъ землю, когда все потрясается и падаетъ во-

кругъ него, стоя на созданныхъ вещахъ, онъ смотритъ на вѣчныя творенія. Самое чрезвычайное, могущее съ нимъ случиться, есть умереть; но что ему нужды до смерти, когда душа его безсмертна! И такъ, ученіемъ о безсмертіи души несчастіе утѣшается, добродѣтель ободряется, порокъ удерживается, Провидѣніе оправдывается, человѣкъ и нравственный міръ объясняются. Это есть аки тайная цѣпь, нисходящая отъ престола Создателя до насъ, да сопряжетъ небо съ землею, человѣка съ Богомъ, время съ вѣчностію.

РАЗГОВОРЫ СТАРЦА

съ

ЮНОЮ ДѢВИЦЕЮ.

КЪ СОНЮШКѢ.

Другъ мой, Сонюшка. Ты на девятомъ году возраста своего осталась круглою сиротою, неимѣющею ни пропитанія, ни пристанища. Изъ ближнихъ родственниковъ твоихъ былъ одинъ я, который могъ взять тебя къ себѣ; но какую могла ты имѣть надежду на старика, одержимаго болѣзнями, и стоящаго у дверей гроба? а по смерти моей, естьли бъ она скоро случилась, ты осталась бы въ прежнемъ своемъ безъ всякаго имущества и безпріютномъ состояніи. Вотъ какая была твоя участь! но теперь, по милостивому къ службѣ моей вниманію Государыни Императрицы, принята и воспитываешься ты въ Обществѣ Благородныхъ дѣвицъ. Богъ до сего времени продлилъ еще вѣкъ мой, чтобъ могъ я на будущее время сколько нибудь обезпечить твое состояніе. И такъ, мой другъ, помни это, и будь благодарна Богу, а благодарна ты къ Нему иначе быть не можешь, какъ благонравнымъ, добрымъ во всю жизнь твою поведеніемъ, согласнымъ съ Его святою волею, которая

должна быть неизгладимо вкоренена въ сердце твое и душу. Прости. Читай по временамъ сію книжку. Въ молодости моей писалъ я для дѣтей, а нынѣ въ глубокой старости моей написалъ нѣчто подобное же для тебя, чтобъ, когда я и въ гробѣ буду лежать, разговаривать съ тобою о твоей пользѣ.

А. Ш.

Разговоры осмидесятилѣтняго дѣдушки (А. Ш.) съ десятилѣтнею внучкою своею, Сонюшкою.

РАЗГОВОРЪ I.

О чувствахъ.

Дѣдушка.

Кто создалъ человѣка?

Внучка.

Богъ.

Дѣдушка.

Какія и сколько далъ онъ ему чувствъ?

Внучка.

Пять.

Дѣдушка.

Какъ называютъ первое изъ нихъ?

Внучка.

Зрѣніе.

Дѣдушка.

Что такое зрѣніе?

Внучка.

Способность зрѣть или видѣть всѣ тѣ вещи, которыя у насъ предъ глазами.

Дѣдушка.

Съ этою способностію соединяется ли способность различать ихъ?

Внучка.

Да, конечно.

Дѣдушка.

Не правда ли, что когда ты смотришь на разныя вещи, то онѣ, какъ будто называя себя, говорятъ тебѣ: я камень, я вода, я птичка, я собачка, я цвѣтокъ, и проч.?

Внучка.

Да, правда.

Дѣдушка.

Что ежели бы ты не имѣла глазъ, не имѣла зрѣнія?

Внучка.

Тогда бы я была слѣпа.

Дѣдушка.

Хуже чѣмъ слѣпа. Ослѣпнувшій человѣкъ имѣлъ нѣкогда зрѣніе, видѣлъ вещи, помнитъ, знаетъ ихъ образъ; а потому, хотя уже больше и не видитъ ихъ, но покрайней мѣрѣ можетъ воображать, представлять себѣ ихъ видъ, и различать одну отъ другой. Когда кто скажетъ ему: *вонъ летитъ голубь*, или: *вонъ мальчикъ читаетъ книжку*, онъ хотя не видитъ ни *голубя*, ни *мальчика*, ни *книжки*, однакожъ точно такъ представляетъ

ихъ себѣ, какъ бы видѣлъ, и знаетъ какъ *летаютъ*, какъ *читаютъ*. А ежели бы онъ созданъ былъ безъ глазъ, лишенъ зрѣнія, то не имѣлъ бы ни о какой вещи понятія, не могъ бы ни знать ихъ, ни различать.

Внучка.

Ахъ, какъ бы ему было скучно!

Дѣдушка.

Посуди же изъ сего, какъ Богъ милосердъ къ человѣку, и даже ко всѣмъ животнымъ, что далъ имъ зрѣніе! Ну, а какое же другое чувство?

Внучка.

Слухъ.

Дѣдушка.

Изъ какихъ словъ имя это составлено?

Внучка.

Я этова не знаю.

Дѣдушка.

Чѣмъ ты слышишь?

Внучка.

Ушами.

Дѣдушка.

Стало быть изъ *слышать ухомъ* составлено слово *слухъ*. Понимаешь ли теперь?

Внучка.

Понимаю.

Дѣдушка.

Какое же чувство это производитъ надъ тобою дѣйствіе?

Внучка.

Такое, что я слышу, когда мнѣ что говорятъ.

Дѣдушка.

А еще не слыхала ль ты чего?

Внучка.

Слыхала, когда кто чѣмъ нибудь стучитъ или гремитъ.

Дѣдушка.

Можешь ли ты по звуку вещи, не видя ее, узнавать какая она?

Внучка.

Могу.

Дѣдушка.

Напримѣръ, слыша въ церкви звонъ, узнаешь ли во что звонятъ?

Внучка.

Узнаю: въ колоколъ.

Дѣдушка.

Или играя въ жмурки, узнаешь ли, не развязывая глазъ, ту, которая говоритъ съ тобою начнетъ?

Внучка.

Узнаю.

Дѣдушка.

По чему?

Внучка.

По голосу.

Дѣдушка.

А ежели лежа въ постели услышишь двухъ звѣрей, изъ которыхъ одинъ лаетъ, а другой мяучитъ, различишь ли ты ихъ?

Внучка.

Различу: одинъ изъ нихъ собака, а другой кошка.

Дѣдушка.

Стало быть и звукъ или голосъ, исходящій отъ вещей, точно также говоритъ объ нихъ твоему слуху, какъ сами вещи, когда ты на нихъ смотришь, говорятъ твоему зрѣнію?

Внучка.

Да, и потому и по другому я ихъ узнаваю и различаю одну отъ другой.

Дѣдушка.

Что жъ, ежели бы ты была глуха?

Внучка.

Сохрани Богъ! я бы ничего не слыхала: ни музыки, ни концертовъ, ни голоса моихъ подругъ, ни пѣнія птичекъ; не могла бы ни съ кѣмъ разговаривать, ни учиться, ни танцовать. О какъ бы я была несчастлива?

Дѣдушка.

Подумай же опять, какъ Богъ милостивъ! Онъ далъ тебѣ другое чувство, различное съ первымъ, но которое, также какъ и то, служитъ къ умноженію твоихъ удовольствій и наслажденій въ жизни. — Ну! а третіе у тебя какое чувство?

Внучка.

Ахъ! какое бишъ? . . . я забыла.

Дѣдушка.

Не хорошо забывать то, что надобно твердо знать.

Внучка.

Да! вспомнила, вспомнила! *Вкусъ*.

Дѣдушка.

Что это за слово? откуду оно взято?

Внучка.

Не знаю. Я этому не училась.

Дѣдушка.

Правда, ты еще робенокъ и не можешь о томъ судить; однакожъ при возрастаніи надобно и объ этомъ иногда подумывать. Это называется *словопроизводство*, о которомъ ежели ты во весь свой вѣкъ никогда не станешь размышлять, то не будешь знать, какимъ образомъ человѣческимъ умомъ составлялся языкъ, то есть не будешь знать, почему ты какое слово говоришь, или поче-

му какую либо вещь называешь такимъ, а не другимъ именемъ.

Внучка.

Какъ по чему? Всѣ такъ говорятъ. Я переняла это у другихъ.

Дѣдушка.

Перенимаютъ и сороки, и дрозды, а особливо попугаи; они также, какъ человѣкъ, произносятъ выученныя ими слова, да не знаютъ, что онѣ значатъ.

Внучка.

Попугаи не знаютъ, а я знаю. Назовите мнѣ что нибудь; напримѣръ чернильница, перо; я вамъ укажу ихъ.

Дѣдушка.

Ты укажешь на перо, а коли у тебя спросить, по чему ты называешь это перомъ, то ты опять сошлешься на другихъ, что отъ нихъ слышала.

Внучка.

Да какъ же иначе?

Дѣдушка.

Также, что по наслышкѣ отъ другихъ ты переймешь только звукъ и значеніе слова, а когда станешь соображать съ другими словами, то собственнымъ разумомъ своимъ увидишь, почему оно такъ названо и какой имѣетъ смыслъ. Знаешь ли ты глаголъ *опираться* обо что нибудь?

Внучка.

Знаю.

Дѣдушка.

А когда птица летитъ, опирается ли она крыльями обо что нибудь?

Внучка.

Нѣтъ? она такъ летитъ.

Дѣдушка.

Какъ нѣтъ? она бы упала, естьлибъ воздухъ ее не поддерживалъ. На то даны ей крылья и хвостъ съ толстыми перьями, чтобъ она, распуская ихъ и махая ими, упиралась въ воздухъ и могла летѣть.

Внучка.

Да какъ же можно въ пустой воздухъ упираться ими?

Дѣдушка.

Нѣтъ, онъ не пустой, но состоитъ изъ самыхъ мелкихъ и мягкихъ частицъ. Вѣтеръ есть не иное что, какъ воздухъ. Ты не чувствуешь его, когда онъ не имѣетъ движенія, а когда сильно подуетъ, такъ врядъ устоишь ли ты на ногахъ.

Внучка.

Да, я однажды насилу прибѣжала отъ него домой и чуть не упала.

Дѣдушка.

Стало быть можешь и ты въ него и онъ

въ тебя *упираться*. Видишь ли теперь, что *перо* названо отъ глагола *переть*, *пру*?

Внучка.

Вижу.

Дѣдушка.

Такимъ же образомъ и слово *вкусъ* произведено отъ другихъ предшествующихъ ему словъ. — Но теперь ужъ становится поздно. Прощай. Завтра поговоримъ объ этомъ.

РАЗГОВОРЪ II.

Дѣдушка.

На чемъ бишь мы вчера остановились?

Внучка.

На словѣ *вкусъ*.

Дѣдушка.

Хорошо, мой другъ, что ты помнишь. Это показываетъ въ тебѣ охоту и вниманіе, безъ которыхъ, что кому ни говори, голова его по прежнему будетъ пуста, ничего въ ней добраго не останется. — Ну, такъ станемъ продолжать. Извѣстны ли тебѣ слова: *кусаю*, *кусать*, или *кушаю*, *кушать*?

Внучка.

И! дѣдушка, ужъ вы меня слишкомъ

глупою почитаете. Какъ не знать того, что я всякой день и за обѣдомъ и за ужиномъ дѣлаю?

Дѣдушка.

То есть ты кушаешь или вкушаешь пищу.

Внучка.

Да.

Дѣдушка.

Ну такъ то, что ты вкушаешь, есть *пища*, потому такъ называемая, что тебя *питаетъ*; а та сладость, или горечь, или кислота, и проч., какую пища эта во рту твоемъ производитъ, или какую ты, вкушая ее чувствуешь, отъ глагола вкушать или *вкусить* названа *вкусъ*.

Внучка.

Я давно это знала, да не умѣла, какъ объяснить.

Дѣдушка.

Старайся впредь то, что знаешь, умѣть и объяснять. Ясность и справедливость мыслей и рѣчей раждается отъ того, когда мы о томъ, что сказать хотимъ, прежде разсуждаемъ, нежели говорить начнемъ. — Ну, теперь скажи мнѣ, въ чемъ же это третіе чувство различествуетъ отъ двухъ первыхъ, о которыхъ мы разсуждали?

Внучка.

Въ чемъ различествуетъ? . . . . Ахъ! какъ бы сказать. . . . Да! въ томъ, что это третье чувство.

Дѣдушка.

Нѣтъ, мой другъ, это ты не различаешь ихъ, а только считаешь. Различіе вотъ въ чемъ состоитъ: *зрѣніе* посредствомъ очей твоихъ сказываетъ тебѣ о вещахъ или предметахъ, когда ты на нихъ смотришь, и то не иначе какъ при свѣтѣ. *Слухъ* тоже сказываетъ тебѣ о вещахъ, но посредствомъ издаванія отъ нихъ и приходящаго къ ушамъ твоимъ звука, равно при свѣтѣ какъ и безъ свѣта. *Вкусъ* также сказываетъ тебѣ о вещахъ, но посредствомъ гортани твоей, и не столько объ нихъ самихъ, сколько о питательныхъ сокахъ ихъ.

Внучка.

Да я никогда не слыхала, чтобъ вкусъ что нибудь сказалъ мнѣ о нихъ.

Дѣдушка.

Онъ, не такъ какъ первыя два чувства, не глазамъ и не ушамъ твоимъ говоритъ, а чувствамъ твоего языка или рта. Положимъ, что глаза у тебя завязаны, уши заткнуты, и въ это время кладутъ тебѣ въ ротъ, одинъ послѣ другаго, два кусочка; не ужъ ли бы

ты не узнала, которой изъ нихъ сахаръ, и которой соль?

Внучка.

Какъ не узнать? одинъ бы я съѣла, а другой выбросила изо рта.

Дѣдушка.

Кто жъ бы тебѣ объ этомъ сказалъ?

Внучка.

Да это бы я по вкусу узнала.

Дѣдушка.

Стало быть вкусъ, хотя не имѣетъ языка, однакожъ даетъ тебѣ чувствовать, то есть какъ бы говорилъ тебѣ: вотъ это сахаръ, а это соль.

Внучка.

Да, это правда; теперь я понимаю.

Дѣдушка.

И такъ, хотя это третіе чувство и различествуетъ съ двумя первыми, однакожъ согласно съ ними увеличиваетъ твои въ жизни услажденія. Безъ него не умѣла бы ты различить винограда съ рябиною, персика съ чеснокомъ; всякая пища была бы для тебя безъ вкуса; ты бы ѣла, не зная что ѣшь, ананасъ или рѣпу, и пила, не зная что пьешь, лимонадъ или простую воду.

Внучка.

Ахъ! сколькихъ услажденій была бы я лишена!

Дѣдушка.

Вездѣ и во всемъ Создатель міра, Богъ, является къ тебѣ милосердымъ. Какою любовію, благоговѣніемъ и благодарностію должна ты къ Нему дышать!

Внучка.

Ахъ! это правда.

Дѣдушка.

Онъ далъ тебѣ еще и четвертое чувство. Какое оно?

Внучка.

Обоняніе.

Дѣдушка.

Откуду это слово?

Внучка.

Не знаю право.

Дѣдушка.

Не мудрено, что ты не знаешь; многіе и постарѣе тебя не знаютъ. Оно происходитъ отъ слова *воня* или *воняніе*, означающаго духъ или запахъ, и чрезъ выпускъ буквы *веди* изъ *обвоняніе* (то есть окружающій, обносящійся вокругъ насъ запахъ) сокращено въ *обоняніе*.

Внучка.

Воля ваша, дѣдушка, это слово не хорошо.

Дѣдушка.

Ты судишь, какъ и многіе другіе, по употребленію онаго въ просторѣчіи, въ которомъ подъ словомъ *вонять* разумѣютъ одинъ только худой запахъ; но какъ въ самой природѣ бываетъ два запаха, пріятной и противной, то и въ языкѣ различаются они двумя именами: первый означается возвышенными словами *благовоніе* (или благоуханіе), а вторый *зловоніе*. Когда бы *воня* (или въ сложеніи съ другими словами *воняніе*, *воніе*) означало одинъ только худой или противный запахъ, то бы не льзя было оставить словъ *обоняніе*, *благовоніе*. Правда, простонародный языкъ изъ тѣхъ же самыхъ словъ, то есть изъ *зловонія* извлекъ въ одномъ низкомъ смыслѣ употребляемыя слова, таковыя, какъ *вонять*, *вонько*, и проч.; но смѣшивать высокія слова съ низкими, и не знать различія между ими, есть не знать языка, есть умѣть только такъ говорить, какъ говорятъ простолюдины. — Но я опять заболтался съ тобою о томъ, чего ты еще понимать не можешь. Возвратимся лучше на прежнее. Откуда приходитъ къ тебѣ тотъ духъ или запахъ, которой называешь ты обоняніемъ?

Внучка.

Какъ откуда? отъ цвѣтка, или отъ иной

какой вещи, которая чѣмъ нибудь пахнетъ.

Дѣдушка.

Ты ее нюхаешь?

Внучка.

Да, когда у ней хорошъ запахъ.

Дѣдушка.

То есть, сказать иначе, когда она благовонна, а когда зловонна?

Внучка.

Тогда я не стану ее нюхать.

Дѣдушка.

А чѣмъ ты нюхаешь?

Внучка.

И! какіе, дѣдушка, вы дѣлаете мнѣ вопросы! разумѣется носомъ.

Дѣдушка.

Такъ вотъ и носъ твой приноситъ тебѣ новое удовольствіе, зажми его, я принесу къ тебѣ ясминьчикъ.

Внучка.

Да что жъ мнѣ будетъ отъ него пользы, когда я съ зажатымъ носомъ не могу его понюхать?

Дѣдушка.

Видишь какъ ты прихотлива! Мало тебѣ смотрѣть на его красивой видъ: хочешь наслаждать вдругъ оба свои чувства и зрѣніе и обоняніе.

Внучка.

Да для чего жъ не такъ, когда это можно, и ничего въ томъ нѣтъ худаго?

Дѣдушка.

Можно. Да кто тебѣ далъ эту возможность?

Внучка.

Тотъ, какъ вы сами сказываете, кто далъ цвѣтку вмѣстѣ и красоту и благоуханіе, а мнѣ обоняніе.

Дѣдушка.

Такъ, моя милая, Богъ, насъ и всѣхъ нашихъ благъ творецъ. Хорошо, что ты это помнишь. За это, для услажденія твоего третьяго чувства, пришлю я тебѣ самую сочную грушу. — Ну, теперь скажи мнѣ, какъ называется пятое чувство?

Внучка.

Осязаніе.

Дѣдушка.

Не могу воздержаться, чтобъ опять не спросить, откуду сіе слово? Знаю, что ты не можешь мнѣ на это отвѣчать; но думаю, что ежели ты прилѣжно и со вниманіемъ меня выслушаешь, то хотя не будешь имѣть полнаго о томъ понятія, однакожъ нѣчто въ умѣ твоемъ останется, и дастъ тебѣ охоту впредь далѣе о семъ размышлять. Послушай же. Вить ты знаешь глаголы *сижу*, *сидѣть*?

Внучка.

Какъ не знать? я и теперь съ вами сижу.

Дѣдушка.

Въ нихъ хотя и перемѣняются гласныя и согласныя буквы *ѣ*, *и*, *а*, *я*, *д*, *ж*, потому что мы говоримъ *сѣсть*, *сидѣть*, *сажать*, *сяду*, и пр., однакожъ всегда изъявляютъ они одно и тоже дѣйствіе.

Внучка.

Зачѣмъ буквы въ нихъ перемѣняютъ?

Дѣдушка.

За тѣмъ, чтобъ въ одномъ и томъ же дѣйствіи, то есть въ *сидѣніи*, различать времена и лица. Вить ты говоришь: *она вчера сидѣла*, *ты сегодня сидишь*, *я завтра сяду*, или *буду сидѣть*. Такъ ли?

Внучка.

Такъ, такъ.

Дѣдушка.

Ну вотъ, ты видишь тутъ употребляемыя вмѣсто именъ *Параша*, *Лелинька*, *Сонюшка*, такъ называемыя *мѣстоименія: она*, *ты*, *я*, и притомъ перемѣною въ словѣ буквъ отличаешь прошедшее время отъ настоящаго и будущаго; а естьли бы ты, не дѣлая сихъ измѣненій, и о себѣ и о другихъ, и о сегоднишнемъ и о завтрешнемъ днѣ, говорила все одно и тоже: *сижу*, *сижу*, *сижу*, такъ

никто бы твоего болтанья разумѣть не могъ.

Внучка.

Да, это правда.

Дѣдушка.

Сверхъ того отъ глагола *сидѣть* или *садить* произведены многія имена, таковыя, какъ *сѣдалище*, *сѣдло*, *садъ*, *садокъ*, *осада*, *сосѣдъ*, и проч.

Внучка.

Какъ же, дѣдушка, да это совсѣмъ разныя вещи, и не похожи одна на другую? какимъ же образомъ даны имена имъ отъ одного и того же слова? будто *садъ*, гдѣ гуляютъ люди, и *садокъ*, въ которомъ держатъ рыбу, или *сѣдло*, на которомъ ѣздятъ, есть одно и тоже?

Дѣдушка.

Не одно и тоже, но по одинакой мысли такъ названы.

Внучка.

Я этова не понимаю.

Дѣдушка.

Трудно тебѣ и понять, однакожъ потолкуемъ, авось поймешь что нибудь. Видала ль ты дерево?

Внучка.

Дерево? да какъ не видать? я всякой день въ саду между деревьями бѣгаю.

Дѣдушка.

Видала, да можетъ быть не разсуждала о немъ. Изъ чего оно растетъ?

Внучка.

Изъ земли.

Дѣдушка.

А какъ называется та часть его, которая сидитъ въ землѣ?

Внучка.

Корень.

Дѣдушка.

Стало быть дерево растетъ изъ корня, питаемаго земными соками. Много ли на деревѣ бываетъ сучьевъ или вѣтвей?

Внучка.

Такъ много, что и не перечтешь.

Дѣдушка.

Всѣ ли они изъ него выросли и ему одному принадлежатъ.

Внучка.

Иввѣдомо, даже и листья на вѣткахъ.

Дѣдушка.

Точно такъ и въ языкѣ. Какъ дерево, растущее отъ корня, пускаетъ отъ себя вѣтьви, такъ и первообразное или коренное слово производитъ отъ себя многія другія слова, или вѣтви, всѣ одною и тою же мыс-

лію порожденныя, и потому, не смотря на разныя ихъ значенія, туже главную мысль въ себѣ заключаютъ.

Внучка.

Какая жъ это главная мысль?

Дѣдушка.

Въ глаголѣ *сидѣть* главное понятіе или мысль состоитъ въ томъ, что подъ онымъ разумѣется *неподвижное прикосновеніе одной вещи къ другой*, хотя бы сіе прикосновеніе и было различное. Напримѣръ, мы говоримъ: человѣкъ *сидитъ* на стулѣ, курица *сидитъ* на яицахъ, птичка *сидитъ* на вѣткѣ, деревцо *сидитъ* въ землѣ; во всѣхъ этихъ *сидѣніяхъ* есть нѣкоторое различіе: но при всѣхъ оныхъ непремѣнно разумѣется, что безъ прикосновенія человѣка къ стулу, курицы къ яицамъ, птички къ вѣткѣ, деревцу къ землѣ, *сидѣть* не льзя, потому что, отдѣлясь отъ нихъ, они не будутъ больше на нихъ *сидѣть*.

Внучка.

Да вить и стоять и лежать и ходить или бѣгать не льзя безъ того, чтобъ ни къ чему не прикасаться.

Дѣдушка.

Такъ, мой другъ, ты права; но на этотъ разъ мы разсуждаемъ только о глаголѣ *си-*

дѣть, то и станемъ разговоръ нашъ о немъ продолжать. Тажъ самая мысль о *непремѣнной прикосновенности* неразлучна и съ именами, происходящими отъ сего глагола. Можно ли не прикасаясь къ *сѣдлу* сидѣть на немъ? или садить *садъ* не прикасаясь къ землѣ? или *осаждать* крѣпость не прикасаясь (то есть не приступая) къ ней?

Внучка.

Нѣтъ, не льзя. Однакожъ *сосѣди* не прикасаются другъ къ другу. У насъ въ деревнѣ былъ сосѣдъ, который жилъ въ пяти верстахъ отъ насъ.

Дѣдушка.

Это дополняется воображенiемъ, какъ бы ваши домà стояли рядомъ, примыкая одинъ къ другому; или же тою мыслiю, что зéмли, которыми вы владѣете, смежны между собою, прикасаются одна къ другой.

Внучка.

А! вотъ что!

Дѣдушка.

Ну теперь понимаешь ли ты, чтò въ словѣ значитъ *корень* или *коренная*, главная мысль?

Внучка.

Немножко понимаю.

Дѣдушка.

Пойдемъ же далѣе, чтобъ намъ добраться до того, что́ собственно значитъ слово *осязаніе*. Я сказалъ тебѣ, что глаголъ *сидѣть* посредствомъ измѣненія въ немъ буквъ *а* въ *я* измѣняетъ нѣсколько значеніе свое: напримѣръ мы сами о себѣ говоримъ *сажусь*, а другому приказываемъ *сядь*, (а не *садь*). Помнишь ли?

Внучка.

Помню.

Дѣдушка.

Также и въ именахъ: плясать въ *присядку*, (а не въ *присадку*). Отселѣ изъ глагола *сажу́* могъ произойти глаголъ *ся́жу*, который, хотя нынѣ и не употребителенъ, такъ что значеніе онаго забыто; но вѣроятно употреблялся прежде, и означалъ почти тоже, что и *сажу* или *сажа́ю*.

Внучка.

По чему жъ вѣроятно, когда онъ не употребляется и значеніе его забыто?

Дѣдушка.

Потому, что онъ чрезъ измѣненіе буквы *а* въ *я*, какъ и въ другихъ употребительныхъ глаголахъ, легко могъ произведенъ

быть отъ глагола *сажу* и также означать близкое къ нему понятіе; а притомъ отъ него произошли вѣтви, которыя показываютъ сіе значеніе.

Внучка.

Какія жъ это вѣтви?

Дѣдушка.

Знаешь ли ты извѣстной длины шестъ, которымъ мѣряютъ землю, и считаютъ ихъ пять сотъ въ одной верстѣ?

Внучка.

Знаю.

Дѣдушка.

Какъ называется этотъ шестъ?

Внучка.

Сажень.

Дѣдушка.

Прежде, какъ то видно изъ старинныхъ книгъ, назывался онъ *сяжень*. Названіе сіе не могло ему дано быть иначе, какъ потому, что его, когда имъ мѣряютъ, кладутъ на землю, оборачивая разъ за разомъ и приставляя или *присаживая* конецъ длины его къ концу другой.

Внучка.

Да мнѣ кажется *класть* и *сажать* не значатъ одно и тоже.

Дѣдушка.

Такъ, ты права, когда разсуждать о глаголахъ сихъ по обыкновенному ихъ значенію, а не по началу ихъ происхожденія, безъ котораго никакъ не можно узнать, по чему два смысла ихъ соединяются въ одинъ и тотъ же. Это изъ многихъ случаевъ открывается. Напримѣръ, мы говоримъ: *сажаю* орѣхъ въ землю, а не *кладу*; и напротивъ: *кладу* яблоко въ мѣшечикъ, а не *сажаю*; между тѣмъ, какъ по круглому образу *орѣха* и *яблока*, ни тотъ ни другой не удобенъ ни *сидѣть*, ни *лежать* (ибо *класть* значитъ тоже, что *положить*). Или говоримъ о человѣкѣ: онъ *сидитъ* дома, предпочитая дѣйствіе *сидѣть* другимъ дѣйствіямъ его *стоять*, *лежать*, *ходить*, или подразумѣвая всѣхъ ихъ подъ однимъ дѣйствіемъ *сидѣть*. Одна привычка дѣлаетъ, что въ первомъ выраженіи кажется намъ яснѣе слово *сажаю*, а во второмъ *кладу*. Такихъ въ языкѣ, сдѣлавшихся свойственными ему рѣченій много, и ни одинъ языкъ безъ нихъ не бываетъ, только всякой составляетъ ихъ по особеннымъ своимъ понятіямъ и привычкамъ; знаешь ли ты слово *присягать*?

Внучка.

Знаю.

Дѣдушка.

Что оно значитъ?

Внучка.

Тоже что клясться.

Дѣдушка.

Почему слова сіи, толь различныя составомъ, такъ сходствуютъ между собою, что принимаются въ одинакомъ смыслѣ?

Внучка.

Охъ, дѣдушка! вы мнѣ дѣлаете такіе вопросы, на которые и большему человѣку отвѣчать трудно.

Дѣдушка.

Нужды нѣтъ, мой другъ; когда выростешь велика, то вспомнишь, что я еще и въ ребячествѣ твоемъ это тебѣ толковалъ. Присяга или клятва дѣлается такимъ образомъ, что человѣкъ кладетъ руку свою на Евангеліе и цѣлуетъ крестъ въ знакъ обязательства своего, что онъ даннаго имъ предъ самимъ Богомъ обѣщанія никогда не нарушитъ. Прикасаться устами ко кресту, или

рукою къ Евангелію, есть прикладываться къ нимъ, осязать ихъ.

Внучка.

Почему же прикладываться и осязать есть одно и тоже?

Дѣдушка.

Я уже толковалъ тебѣ это, но повторимъ еще. Не одно и тоже, но одно безъ другагò быть не можетъ. Разсмотримъ сперва сходство глагола *класть* съ глаголомъ *лежать*: развѣ не все равно о чемъ нибудь сказать: *уклади* или *уложи* это хорошенько? или не то ли же въ единственномъ *приложить* къ чему свою руку, чтò въ множественномъ *прилагать* или *прикладывать?*

Внучка.

Конечно, это все равно.

Дѣдушка.

Я говорилъ тебѣ также, что изъ глагола *сажý* или *сажáю* сдѣлался глаголъ *сяжу* или *сязаю*, неупотребительный безъ предлога, но употребительный съ предлогомъ *осязаю*, и какъ предлоги не перемѣняютъ въ словѣ кореннаго значенія онаго, то слѣдственно глаголъ *осязать*, какъ происходящій

отъ глагола *сажать*, сохраняетъ въ себѣ тожъ самое понятіе, по той смежности мыслей, что съ *сажаніемъ* или *сидѣніемъ* неразрывно понятіе о взаимномъ *прикосновеніи*, а съ прикосновеніемъ тожъ неразрывно чувствованіе, раждающееся въ насъ отъ прикосновенія какой нибудь вещи къ рукѣ нашей, или иной какой либо части нашего тѣла. Ежели посадить къ тебѣ на голову маленькую птичку, или положить въ руку мячикъ, или что иное, почувствуешь ли ты, что на головѣ у тебя нѣчто *сидитъ*, или въ рукѣ нѣчто *лежитъ?*

Внучка.

Какъ же не почувствовать.

Дѣдушка.

Итакъ ясно, что изъ имени *сажанія* намъ чего нибудь на руку, или на голову, или на плечо, и проч., произходитъ въ насъ чувствованіе отъ сего самаго названное *осязаніемъ*, подобно какъ *присяга* и *присяжный* названы отъ *присаживанія* (то есть употребительнѣе сказать отъ прилаганія, прикладыванія) устъ нашихъ ко кресту во время цѣлованія онаго при какой либо клятвѣ.

Внучка.

Да почему же *присягать* и *клясться* одно и тоже значатъ?

Дѣдушка.

Потому что *присяга* и *присяжный* (то есть *присаживавшій* или прикладывавшій уста свои ко кресту) происходятъ отъ одного и того же корня; но *присягать* и *клясться* суть два глагола разныхъ корней, и только по одному сходству изъявляемыхъ ими дѣйствій пріемлются за одно и тоже. *Присягать* (какъ я тебѣ толковалъ) есть *присаживать*, то есть прикладывать уста свои ко кресту или руку свою къ Евангелію; а глаголъ *клясться* составленъ изъ словъ *класть себя*, то есть повергаться предъ святынею, какъ бы отдавая себя въ залогъ непремѣннаго исполненія того жъ самаго или подобнаго обѣщанія съ какимъ кладутъ руку на Евангеліе или цѣлуютъ крестъ. Вотъ въ чемъ состоитъ сходство мыслей, по которому оба глагола *присягать* и *клясться* употребляются въ одинакомъ значеніи. Понимаешь ли теперь сколько нибудь?

Внучка.

Понимаю немножко.

Дѣдушка.

Впредь больше поймешь, когда станешь читать со вниманіемъ. Ну теперь обратимся

къ другому, о томъ же разсужденію. Чтò, ежели бы ты не имѣла осязанія?

Внучка.

Тогда бы я ничего не чувствовала.

Дѣдушка.

Конечно такъ. Ты была бы тоже чтò дерево или камень, которому все равно, муха ли по немъ ползетъ, или слонъ топчетъ его ногами; онъ ни того ни другаго не чувствуетъ.

Внучка.

Такъ я не была бы жива.

Дѣдушка.

И вѣдомо. Безъ всякаго другаго чувства можно жить, а безъ *осязанія* не льзя. Вотъ, мой другъ, съ какою къ тебѣ любовію сотворилъ тебя Богъ! далъ тебѣ пять чувствъ, изъ которыхъ каждое приноситъ тебѣ удовольствіе, услаждаетъ тебя, составляетъ твое благополучіе. По утомленіи дневными, послѣ ученія, движеніями, бѣганьемъ, играньемъ, забавами, сладкій сонъ приходитъ успокоить тебя и подкрѣпить твои силы. Поутру открываешь ты глаза и видишь сіяющее солнце, свѣтлыми лучами своими по-

злащающее и поля и горы и рѣки и долины и сады и куклы твои, словомъ все, на что ты ни взглянешь. Тутъ Китайская душистая трава, называемая *чай*, или привозимый изъ за моря родъ Арабскихъ бобовъ, изъ коихъ дѣлается пріятный подмѣшиваемый густымъ молочкомъ напитокъ, именуемый *кофіемъ*, съ разными при немъ закусками, булочками, крендельками, удовлетворяетъ твою прихоть. Потомъ, сытный обѣдъ, прохлаждаемый свѣжимъ питіемъ, утоляетъ твой голодъ и жажду. Потомъ часто во время игранія съ подругами твоими, сахарные леденцы, или сочные плоды, яблоки, груши, персики, бергамоты, виноградъ, разными соками своими услаждаютъ твой вкусъ; или же бѣгая по саду срываешь ты прекрасный видомъ, благоуханный цвѣтокъ, который вмѣстѣ и зрѣнію и обонянію твоему приноситъ удовольствіе. Тамъ опять проголодавшуюся бѣганьемъ ожидаетъ тебя ужинъ. Наконецъ, послѣ многихъ забавъ и утѣшеній, утомленная ими, идешь ты снова лечь на мягкій, какъ бы старающійся съ нѣжностію угождать твоему осязанію, пуховикъ, куда благодатный сонъ, вѣя надъ тобою маковыми вѣтвями, нисходитъ для подкрѣпленія ослабѣвшихъ силъ твоихъ, дабы съ новыми освѣжившимися чувствами возобновила и вкусила ты въ слѣдующій день всѣ свои прошед-

шаго дня удовольствія. Подумэй, сколько Богъ далъ тебѣ способовъ къ услажденію бытія твоего на свѣтѣ! не должна ли ты во всѣ дни и часы жизни твоей всею душою своею быть Ему благодарна?

Внучка.

Ахъ, да! я всегда ему молилась, а теперь еще больше молиться стану.

Дѣдушка.

Молись, мой другъ, молись, и помни, что ежели бы не даровалъ Онъ тебѣ чувствъ, то была бы ты хуже летающей мухи и ползающаго по земли червяка. Ну, прощай покамѣсть.

РАЗГОВОРЪ III.

Дѣдушка.

Здравствуй, Сонюшка! какъ ты себя чувствуешь? есть ли тебѣ получше?

Внучка.

Сегодня лучше; а вчера и третьягодня кашель меня мучилъ и голова очень болѣла.

Дѣдушка.

Какъ же быть, мой другъ, надобно иногда и потерпѣть.

Внучка.

Вотъ, дѣдушка, вы столько мнѣ о чувствахъ нашихъ наговорили, что онѣ всегда приносятъ намъ удовольствіе, а иногда мы и мученіе отъ нихъ терпимъ.

Дѣдушка.

Страданіе ты даже и минутное помнишь и жалуешся на него, а цѣлые годы здравія и веселія забываешь.

Внучка.

Да! хорошо, что я недолго была больна; а вотъ на этихъ дняхъ видѣла я слѣпую старушку; ходитъ, бѣдная, на костыляхъ, и то съ провожатымъ: какое жъ можетъ она чувствовать удовольствіе?

Дѣдушка.

Ты смотришь на вещь съ одной стороны, а на другую не взглянешь, и отъ того криво толкуешь. Старуха твоя слѣпа глазами, а ты слѣпа разсудкомъ.

Внучка.

Да что жъ, дѣдушка, развѣ это не правда?

Дѣдушка.

Гораздо больше неправда, чѣмъ правда, вотъ почему: первое, старуха эта можетъ быть въ молодости своей наслаждалась жизнію не меньше твоего; второе, она уже стара, и не скаканьемъ и прыганьемъ утѣшается, но другихъ родовъ удовольствіями, столько же или еще болѣе усладительными, чѣмъ рѣзвые восторги юности. Хотя напослѣдокъ и лишилась она одного чувства, но другіе четыре у ней остались и приносятъ ей отраду. Напримѣръ, она не видитъ своихъ ближнихъ, но слышитъ ихъ разговоры, и бесѣдованіемъ съ ними безъ скуки провождаетъ время; не видитъ цвѣтка, но обоняетъ пріятный его запахъ; не видитъ пищи, но утоляетъ ею свой голодъ и вкусъ; не видитъ своей постели, но ощупавъ мягкость ея, ложится на нее охотно и сладко засыпаетъ. Какъ же все это забудетъ она для одного случившагося съ нею несчастія? Положимъ, что тебѣ подарилъ кто нибудь прекрасную куклу, громко поющаго соловья, горшечикъ душистыхъ травъ, корзинку винограда, и мягкую для сидѣнія на ней подушечку, и положимъ, что кукла твоя какимъ нибудь образомъ, можетъ быть и отъ собственнаго небреженія твоего о ней, пропала: не ужъ ли бы ты, не видя ее больше

ни о чемъ другомъ не думала, ко всему охладѣла, и только объ ней одной сокрушаясь, даже и тому, кто тебѣ всѣ эти вещи подарилъ, сдѣлалась неблагодарною?

Внучка.

Нѣтъ, я конечно потужила бы нѣсколько объ ней, однакожъ не перестала бы и соловья, и травку, и виноградъ, и подушечку, по прежнему любить, и тому, кто мнѣ подарилъ ихъ, была бы всегда благодарна.

Дѣдушка.

Я назвалъ изъ всѣхъ вещей, услаждающихъ наши чувства, только по одной, которыя подарилъ тебѣ человѣкъ не свои собственныя, а чужія, поелику онъ не можетъ созидать ни животныхъ, ни растеній; но въ природѣ ихъ несмѣтныя тысячи и всѣхъ ихъ создалъ Тотъ *Единый*, Кто создалъ солнце, луну, звѣзды, землю, и тебя на ней, дабы все это питало жизнь твою и приносило тебѣ пользу и удовольствіе. Какое же сравненіе между Всемогущимъ Богомъ и ничтожнымъ предъ Нимъ, но господствующимъ на земли сотвореннымъ Имъ человѣкомъ? между богатствомъ Божескихъ и скудостію человѣческихъ даровъ? и ежели ты человѣку за благодѣянія его, какъ и должно, по-

читаешь себя обязанною и благодарною, то какими же благоговѣйными и горячими чувствованіями душа твоя должна быть преисполнена къ Создателю всего, Богу?

Внучка.

Вы, дѣдушка, не давно прислали ко мнѣ двѣ пары чулокъ, рубль денегъ, и пять булочекъ; не ужъ-то вамъ это Богъ пожаловалъ?

Дѣдушка.

А кто же, какъ не Онъ?

Внучка.

Я думала, что чулки и булочки вы купили, а деньги отъ кого нибудь получили.

Дѣдушка.

Такъ, это правда: вещи я купилъ, и деньги получилъ. Но какіе бишь, не помню я, были эти чулки?

Внучка.

Шолковые.

Дѣдушка.

А откуда берутъ шолкъ?

Внучка.

Я этова не знаю.

Дѣдушка.

Намъ даютъ его черваки.

Внучка.

Какъ червяки? вы, дѣдушка, шутите.

Дѣдушка.

Да, червяки: они выпускаютъ изъ себя нити, служащія къ составленію изъ нихъ всѣхъ нарядовъ и одеждъ, которыми особливо женщины щеголяютъ, и которыми и ты бѣлизною чулокъ своихъ украшаешь пляшущія свои ножки. Вотъ какъ щедро даритъ, самъ ничего не имѣя, ползающій по земли червякъ! онъ безъ всякой для себя корысти и не требуя благодарности одѣваетъ и обуваетъ многія тысячи людей. Кто жъ, кромѣ Бога, могъ создать сего червя и дать ему такую способность? должны ли мы, забывая отъ кого и какъ получаемъ сіи дары, дарить ими другихъ, и. какъ бы собственно нашими, тщеславиться своею щедротою?

Внучка.

Ахъ! какъ это чудно. Я этова не знала.

Дѣдушка.

А какой былъ твой рубль?

Внучка.

Серебряной.

Дѣдушка.

Знаешь ли ты какимъ образомъ серебро и золото составляются и откуда ихъ достаютъ?

Внучка.

Нѣтъ, не знаю.

Дѣдушка.

Глубоко роются въ землю и находятъ тамъ такъ называемую золотую и серебряную руду, которая не иное что есть, какъ скипѣвшаяся и отвердѣвшая на подобіе камня глыба или кипа земли, смѣшенная съ блестящими, какъ искры, желтыми и бѣлыми частицами. Сіи глыбы или куски достаютъ оттуда, и очищая ихъ отъ прочихъ слипшихся съ ними грубыхъ частицъ, куютъ изъ нихъ серебро и золото. Подумай же опять, кто, кромѣ Бога, могъ повелѣть глыбамъ симъ въ земной утробѣ скипаться, собирать въ себя сіи драгоцѣнныя частицы, служащія

къ обогащенію народовъ и къ тому, чтобъ посредствомъ превращенія ихъ въ деньги способствовать торговлѣ, то есть удобному на нихъ обмѣну товаровъ и распространенію ихъ по всѣмъ царствамъ и землямъ?

Внучка.

Да какъ же это глыбы слушаются Бога, вить у нихъ нѣтъ ни слуха, ни чувствъ?

Дѣдушка.

Ему столько же и безчувственныя творенія повинуются, сколько и живыя.

Внучка.

Ахъ, дѣдушка! чѣмъ больше слышу я отъ васъ, тѣмъ больше удивляюсь премудрости и милосердію Божію!

Дѣдушка.

Ну теперь скажи изъ какой муки испечены были твои булочки?

Внучка.

Изъ пшеничной.

Дѣдушка.

А знаешь ли ты что такое пшеница?

Внучка.

О! это я знаю. Сѣмечки.

Дѣдушка.

Почему ты называешь ихъ сѣмечками?

Внучка.

Потому что ихъ сѣютъ въ землю.

Дѣдушка.

Зачѣмъ сѣютъ?

Внучка.

За тѣмъ, чтобъ онѣ выросли и каждое сѣмечко въ колоскѣ своемъ принесло десятокъ или больше такихъ же другихъ сѣмечекъ.

Дѣдушка.

Кто понуждаетъ ихъ расти?

Внучка.

Никто, онѣ сами растутъ.

Дѣдушка.

А для чего жъ не растутъ онѣ, покуда не посѣяны будутъ въ землю? Стало быть земля побуждаетъ ихъ расти.

Внучка.

Да, конечно.

Дѣдушка.

Какимъ же образомъ она, будучи сама столько же, какъ онѣ, безчувственна, можетъ побуждать ихъ?

Внучка.

Не знаю. Это для меня непонятно?

Дѣдушка.

Послушай, я тебѣ растолкую. Но сперва отвѣчай мнѣ: ежели сѣмечки, посѣянныя въ землю, равно какъ и всѣ другія сидящія въ ней растенія, таковыя какъ деревья, травы, и проч., не могутъ иначе произрастать, какъ только въ ней, такъ стало ихъ бы не было, когда бы не было земли?

Внучка.

Конечно бы не было.

Дѣдушка.

Такъ стало быть для нихъ надлежало сотворить землю, то есть шаръ земной?

Внучка.

Да вить шаръ бываетъ круглой, такъ

не ужъ ли и земля такая же, какъ мой мячикъ, круглая?

Дѣдушка.

Точно такая.

Внучка.

Да почемужъ это узнали?

Дѣдушка.

По величинѣ ея, намъ, живущимъ на ней, не льзя того примѣтить; но мы видимъ первое, что всѣ небесныя свѣтила круглы, а потому заключаемъ, что и она тоже; второе, что тѣнь ея въ лунѣ зрится круглымъ пятномъ; и наконецъ третье, что нѣкоторыя замѣчанія и вычисленія тожъ самое показываютъ. — Однако объ этомъ рано еще съ тобою разсуждать. Итакъ возвратимся къ нашимъ сѣмечкамъ. Этова мало, что надобно было создать для нихъ землю; надлежало создать и солнце, которое бы лучами своими согрѣвало ихъ, потому что безъ сей теплоты не могли бы онѣ расти и дѣлаться плодоносными. Этова также мало: безпрестанное сіяніе солнца сожгло бы ихъ въ землѣ, и такъ надлежало время отъ времени распускать надъ ними облака, чтобъ прохлаждать ихъ отъ излишняго жара солнеч-

ныхъ лучей. И этова мало: онѣ бы въ землѣ засохли; и такъ надлежало наполнить воздухъ росою, то есть, влажными частицами, которыя, поднимаясь вверхъ и тамъ соединяясь въ капли, называемыя дождемъ, падали бы оттуда на землю и сообщали ей нужную для питанія сихъ растеній влагу. Вотъ какія надлежало создать громады и направить всѣ ихъ дѣйствія къ тому, чтобъ сдѣлать для тебя булочки твои вкусными! разумѣется не для одной тебя, и не для однихъ твоихъ булочекъ, но для всякаго рода безчисленныхъ произрастеній и плодовъ земныхъ, питающихъ во всѣхъ странахъ свѣта людей и животныхъ. Кто жъ, кромѣ Бога, могъ все сіе создать, устроить и учредить? Какой другой власти огромныя небесныя свѣтила и малѣйшія земныя травки могутъ такъ повиноваться, что ни на единую точку отъ предписанныхъ имъ законовъ не отступаютъ?

Внучка.

Ахъ, дѣдушка! теперь я какой кусочикъ ни съѣмъ, какой подарокъ ни получу, сверхъ благодарности къ тому, кто это мнѣ далъ, стану всякой разъ благодарить Бога, зная, что безъ Него не могла бы я ничего имѣть.

Дѣдушка.

Утверждайся, мой другъ, въ этихъ мысляхъ, наполняй ими твой умъ и душу. Помни всегда, что безъ любви къ Богу и безъ исполненія заповѣдей Его, каковъ бы ни былъ твой жребій, ты не будешь спокойна и счастлива.

РАЗГОВОРЪ IV.

Дѣдушка.

Здравствуй, Сонюшка! я тобою не очень доволенъ: вчера наставница твоя сказывала мнѣ, что ты урокъ свой худо знала, весь день прорѣзвилась и легла спать, не помолясь Богу.

Внучка.

Виновата, дѣдушка.

Дѣдушка.

А недавно ты обѣщалась всякой день поутру и вечеру молиться Тому, Кто далъ тебѣ жизнь и столько наслажденіями всѣхъ твоихъ чувствъ тебя облагодѣтельствовалъ.

Внучка. (Сквозь слезы).

Виновата, виновата, дѣдушка! простите меня.

Дѣдушка.

Я не могу тебя простить: ты не передо мною виновата, а передъ Богомъ.

Внучка. (Прослезясь еще больше и поднявъ руки къ небу).

Боже милосердый, прости меня!

Дѣдушка.

Хорошо, что ты чувствуешь раскаяніе; это значитъ, что ты сама себя не прощаешь.

Внучка. (Задумавшись).

Ну, нѣтъ! сказать правду; сама-то себя можетъ быть я бы и простила.

Дѣдушка.

Ты бы опять худо сдѣлала: Богъ не прощаетъ тѣхъ, которые сами себя прощаютъ.

Внучка.

По чему жъ это?

Дѣдушка.

Потому, что чѣмъ больше прощаемъ мы себя, то есть извиняемъ наши пороки, тѣмъ больше заражаемся ими, впадаемъ въ нихъ, становимся невоздержны, попускаемъ усиливаться нашимъ слабостямъ. Вотъ ежели бы ты сегодня худо училась и легла спать не помолившись Богу, завтра тоже, послѣзавтра тоже, ни мало не помышляя о худости своихъ поступокъ, или всегда себѣ прощая, то бы ты отчасу становилась виноватѣе предъ Богомъ и предъ собою, такъ что напослѣдокъ лѣность и всѣ пороки взяли бы надъ тобою совершенную власть.

Внучка.

Я слыхала, что тѣмъ, которые сдѣлаютъ что нибудь худое, говорятъ. »Бога ты не боишься.« Я стану бояться Бога и не дѣлать худова.

Дѣдушка.

Да имѣешь ли ты хорошее понятіе о томъ, какъ должно бояться Бога?

Внучка.

Какъ же не имѣть? имѣю.

Дѣдушка.

Скажи мнѣ что нибудь подобное къ этому.

Внучка.

Подобное?—дайте немного подумать. — Ну вотъ, напримѣръ, я боюсь рѣки, такъ ни зачто не поѣду по ней въ лодкѣ.

Дѣдушка.

Отъ чего жъ въ тебѣ этотъ страхъ?

Внучка.

Отъ того, чтобъ не утонуть.

Дѣдушка.

А когда ты въ саду сидишь въ бесѣдкѣ, думаешь ли ты объ рѣкѣ?

Внучка.

Да что мнѣ объ ней думать? развѣ изрѣдка вспомню, да и тогда она меня пугаетъ.

Дѣдушка.

А впрочемъ никакой тебѣ до нее нужды нѣтъ?

Внучка.

Никакой.

Дѣдушка.

Вить ты также, какъ рѣки, и волка и медвѣдя боишься?

Внучка.

Конечно: вить они также съѣсть меня могутъ.

Дѣдушка.

Изъ этова можешь ты сама увидѣть, что ты худо понимаешь выраженіе: *бойся Бога.*

Внучка.

Да какъ же это иначе понимать?

Дѣдушка.

Ты боишся рѣки, или какова хищнаго звѣря, тогда только, когда они угрожаютъ отнять у тебя жизнь; а впрочемъ тебѣ до нихъ и дѣла нѣтъ. Стало быть ты въ этомъ случаѣ любишь одну только себя, а ихъ не только не любишь, да еще боязнь твоя влагаетъ въ тебя и отвращеніе отъ нихъ. Но страхъ или боязнь наша въ отношеніи къ Богу имѣетъ совсѣмъ иное основаніе. Послушай, я раскажу тебѣ случившуюся быль: въ деревнѣ въ одинъ прекрасной вечеръ

молодая, немного постарѣе тебя, дѣвушка, барышня, пошла съ матерью своею въ отстоящій неподалеку лѣсокъ. Онѣ ходятъ, гуляютъ, рвутъ ягодки, подбираютъ грибки. Вдругъ дѣвушка видитъ, что на мать ея бросился изъ за куста волкъ.

Внучка.

Ахъ! какой страхъ!

Дѣдушка.

Вотъ ты и отъ одного расказа испугалась: каковъ же долженъ быть испугъ этой дѣвушки?

Внучка.

Я чаю, она обмерла отъ ужаса.

Дѣдушка.

По чему же ты это думаешь? вить волкъ не на нее бросился; она была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ матери.

Внучка.

Да вѣрно ужъ она любила свою маминьку: какъ же ей не испугаться?

Дѣдушка.

Любила, это правда, и какъ еще любила? она, забывъ собственную свою опасность быть съѣденою отъ волка, не побѣжала отъ него прочь, но кинулась въ объятія своей матери.

Внучка.

Ахъ, Боже мой!

Дѣдушка.

Не бойся; имъ ничего худаго не сдѣлалось: работавшій по близости мужикъ, увидя это, прибѣжалъ къ нимъ съ топоромъ и прогналъ волка.

Внучка.

Ухъ! слава Богу. Насилу я отдохнула.

Дѣдушка.

Теперь посуди сама, что это не такой страхъ, какимъ пугала тебя твоя рѣка: тамъ ты, любя свою жизнь, боялась собственно за себя; боязнь твоя, раждающаяся въ насъ отъ любви къ самимъ себѣ, была естественная, сродная вмѣстѣ со всѣми животными всякому доброму и худому человѣку, и по-

тому незаключающая въ себѣ никакого особеннаго достоинства или добродѣтели; но здѣсь любовь къ матери, нравственное, благородное чувство, свойственное однимъ благимъ душамъ и нравамъ, преодолѣваетъ естественную къ самому себѣ любовь; сіе нѣжное къ матери чувство и отъ него происходящій страхъ, не о самомъ себѣ, но о той, которая носила насъ въ утробѣ своей и печется о нашемъ благѣ, есть достохвальное въ сердцахъ добрыхъ дѣтей чувствованіе, внушаемое имъ благодарностію. Нѣкто стихотворецъ объяснилъ оное слѣдующимъ прекраснымъ стихомъ:

Тебя нашъ любитъ страхъ, сама любовь страшится.

Вотъ какимъ страхомъ должны мы бояться Бога, а не тѣмъ однимъ, что онъ можетъ ниспослать на насъ какое либо бѣдствіе, или казнь. При томъ подумай еще: когда мы родителей своихъ обязаны такимъ образомъ любить и бояться, за то, что они даруютъ намъ жизнь и воспитаніе, то какою же любовію и страхомъ должна быть преисполнена душа наша къ Тому, Кто создалъ всю вселенную и одарилъ живущихъ въ ней всѣми небесными дарами и благотвореніями?

Внучка.

Я стану всемъ сердцемъ и душою любить Бога, стану бояться его и просить, чтобъ Онъ, когда я въ чемъ провинюся, меня помиловалъ и на меня не гнѣвался.

Дѣдушка.

Хорошо, мой другъ; но и объ этомъ, что̀ такое значитъ гнѣвъ Божій, надлежитъ тебѣ также имѣть должное понятіе. Не бось ты думаешь, что ты Ему досадила, и Онъ на тебя сердится, какъ человѣкъ?

Внучка.

Да какъ же?

Дѣдушка.

Правда, мы въ простомъ нашемъ понятіи называемъ всѣ случающіяся съ нами бѣды и напасти гнѣвомъ Божіимъ, но не должно разумѣть подъ онымъ такой же гнѣвъ, какъ человѣческій. Человѣкъ дѣйствительно досадуетъ на насъ, сердится, хочетъ намъ отмстить, и часто безъ всякой нашей передъ нимъ вины, даже иногда за правду нашу, оскорбляющую его неправду. Можетъ ли Богъ такимъ образомъ гнѣваться? Первое, Богъ есть духъ, существо безтѣлесное, не-

постижимое человѣческому уму; второе, Онъ весь любовь и милосердіе, недоступное ни ненависти, ни гнѣву: какъ же ему гнѣваться, подобно человѣку? и наконецъ что такое человѣкъ передъ Нимъ? несравненно меньше, чѣмъ муха передъ солнцемъ.

Внучка.

А развѣ солнце такъ велико?

Дѣдушка.

Въ тысячу тысячь разъ больше, чѣмъ нашъ земной шаръ, на которомъ простираются столько царствъ и областей; разливаются столько озеръ и морей, усѣянныхъ большими и малыми островами; построено столько городовъ, и обитаютъ столько народовъ.

Внучка.

А я думала, что солнце меньше, чѣмъ нашъ домъ.

Дѣдушка.

Почему ты это думала?

Внучка.

Потому что его изъ за дома не видно.

Дѣдушка.

Это отъ того, что домъ твой стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ передъ тобою, а солнце удалено отъ тебя на такое множество верстъ, что ты и сосчитать еще не можешь. Случалось ли тебѣ примѣтить, что величина вещей въ отдаленіи кажется намъ уменьшающеюся?

Внучка.

Случалось. Анагдась я видѣла на самомъ верху колокольни человѣка: онъ мнѣ показался мальчикомъ, а какъ сошелъ оттуда, такъ я увидѣла, что онъ пребольшой мужичина.

Дѣдушка.

Ну такъ разсуди же сама, какой ужасной величины долженъ быть этотъ огненный шаръ, который, въ безмѣрномъ отъ тебя разстояніи, стоя посреди вселенной, освѣщаетъ ее своими лучами.

Внучка.

Да, по этому онъ долженъ быть очень, очень большой! такъ, что я и представить себѣ не умѣю.

Дѣдушка.

Однако жъ, какъ онъ ни великъ, но нѣкто человѣкъ глубоко размышляющій, увидя поутру восхожденіе его, съ благоговѣніемъ воскликнулъ:

Се солнце! искра славы Бога.

Вотъ что передъ Богомъ самое огромнѣйшее свѣтило! одна искра славы Его! и подлинно искра въ сравненіи со всею вселенною, гдѣ столько подобныхъ солнцу міровъ, называемыхъ планетами, кометами, звѣздами, горятъ созданные, возженные десницею Всевышняго Творца, и которые всѣ передъ Нимъ не иное что суть, какъ малыя искры.

Внучка.

Какъ? и звѣзды такъ же велики, какъ солнце?

Дѣдушка.

Да, и онѣ; но потому кажутся намъ меньше, что отстоятъ отъ насъ еще гораздо отдаленнѣе.

Внучка.

Растолкуйте мнѣ, дѣдушка; вы сказали:

десница Всевышняго; да вить десницею называется правая рука у человѣка, такъ развѣ и у Бога есть руки?

Дѣдушка.

Богъ есть духъ, непостижимое намъ существо, и потому не можемъ мы его представлять себѣ иначе, какъ въ человѣческомъ образѣ, приписывая ему части нашего тѣла, какъ то: *десница* или *рука Божія*, и даже страсти и дѣянія наши, какъ то: *Богъ гнѣвается*, *Богъ созидаетъ*; но Онъ неодержимъ страстями, не колеблется ими, не трудится, не работаетъ, какъ мы, въ потѣ лица. Созданіе всего міра легче для него, нежели для насъ сорвать травку, или ступить одинъ шагъ. Священное писаніе говоритъ о немъ: *словомъ Господнимъ небеса утвердишася и духомъ устъ Его вся сила ихъ*, или изображаетъ дѣянія Его симъ высокимъ выраженіемъ: *Господь рече, да будетъ свѣтъ, и бысть.* Вотъ что Богъ! размышляй о Немъ, благоговѣй къ Нему, и знай, что при отступленіи отъ воли Его Святой, при безчувственномъ невниманіи данному намъ отъ Него гласу совѣсти, какъ бы жизнь твоя на здѣшнемъ свѣтѣ ни была счастлива и долговременна, она пролетитъ подобно одной минутѣ, и ты съ позднымъ и безполезнымъ

раскаяніемъ погрузишься въ вѣчную муку и страданіе. Помни мои слова. Прощай.

РАЗГОВОРЪ V.

Внучка.

Ахъ! зравствуйте, милой дѣдинька! я давно васъ дожидалась.

Дѣдушка.

Мнѣ самому хотѣлось скорѣе съ тобою увидѣться, да нельзя было: слабость здоровья моего не позволяла мнѣ выѣзжать. Я хотѣлъ послать за тобою, пользуясь Всемилостивѣйшимъ позволеніемъ Государыни Императрицы отпускать тебя изъ Общества Благородныхъ дѣвицъ ко мнѣ, когда я сего пожелаю; но подумалъ, что можетъ быть Богъ подкрѣпить мои силы, и тогда я, не отрывая тебя отъ твоихъ ежедневныхъ занятій, самъ у тебя побываю. Ну что жъ между тѣмъ ты дѣлала?

Внучка.

Училась по Французски, по Нѣмецки, играть на форте-пьяно, танцовать.

Дѣдушка.

Это хорошо, пріобрѣтать дарованія, украшающія жизнь нашу въ молодости; но не надобно, предпочитая попеченіе о тѣлесныхъ попеченію о душевныхъ качествахъ, забывать того, что всегда, а особливо подъ старость всего намъ нужнѣе.

Внучка.

Что жъ такое?

Дѣдушка.

Быть благонравною, доброю Христіанкою. Учишься ли ты вѣроисповѣданію? знаешь ли ты молитвы, заповѣди Господни?

Внучка.

Учусь. Вотъ третьяго дня Священникъ толковалъ намъ религію.

Дѣдушка.

Скажи лучше православную вѣру. На что намъ въ такой важной наукѣ употреблять иностранное слово. Чтожъ онъ такое вамъ толковалъ?

Внучка.

Вотъ видите: Богъ создалъ два человѣка, Адама да Эву, и велѣлъ имъ жить въ раю.

Дѣдушка.

Что такое рай?

Внучка.

Это самое пріятное на земли мѣсто, большой, прекрасный садъ, въ которомъ всего было много: всякихъ птицъ, звѣрей....

Дѣдушка.

Какъ звѣрей? не ужъ ли были тамъ и львы и тигры?

Внучка.

Я думаю.

Дѣдушка.

Какъ же они этихъ двухъ созданныхъ людей не растерзали?

Внучка.

Всѣ звѣри были тогда кротки и послушны человѣку.

Дѣдушка.

Что жъ еще было въ этомъ саду?

Внучка.

Всякія травы, цвѣты, растенія, деревья съ фруктами . . . .

Дѣдушка.

Опять съ *фруктами?* для чего не съ плодами? за чѣмъ въ свой языкъ мѣшать чужія слова?

Внучка.

Да всѣ называютъ ихъ фруктами, а не плодами, и я такъ привыкла говорить.

Дѣдушка.

Худая привычка. Старайся отучиться отъ ней.

Внучка.

Да чтожъ въ томъ худова?

Дѣдушка.

То, что ты языкъ свой и себя уничижаешь, какъ будто бы въ богатѣйшемъ изъ всѣхъ языкѣ твоемъ не было словъ, а въ тебѣ ума, на немъ объясняться. Для чего жъ Французы, у которыхъ переняли мы

это слово, не говорятъ, перенимая у насъ: *les arbres avec beaucoup des plodi?*

Внучка.

Да это было бы смѣшно.

Дѣдушка.

Такъ они не позволяютъ тебѣ надъ ними, а ты позволяешь имъ надъ собою смѣяться. — Но оставимъ это. Продолжай свой расказъ о томъ, что ты слышала отъ Священника.

Внучка.

Ну вотъ видите: Богъ позволилъ имъ всѣми плодами питаться, только запретилъ имъ рвать и вкушать съ одного дерева.

Дѣдушка.

Что жъ, исполнили ль они Его повелѣніе?

Внучка.

Нѣтъ: Эвѣ захотѣлось отвѣдать этихъ запрещенныхъ плодовъ. Она прельстила Адама, и оба они сорвали ихъ и вкусили.

Дѣдушка.

Какое безразсудное дерзновеніе! недо-

вольствоваться всемъ позволеннымъ, захотѣть имянно того, что одно только запрещено, и ослушаться, кого же? создавшаго ихъ Бога! — ну что жь потомъ съ ними сдѣлалось?

Внучка.

Богъ прислалъ Ангела и приказалъ ихъ выгнать изъ рая. Они сдѣлались совсѣмъ иными людьми, познали зло, стали смертны, подверглись трудамъ, болѣзнямъ, страданiямъ и всякимъ несчастiямъ.

Дѣдушка.

Вотъ какъ тяжко преступать заповѣди Господни! — ну, а потомъ что?

Внучка.

Люди скоро сдѣлались такъ злонравны, что изъ дѣтей Адамовыхъ — ахъ, дѣдушка, подумайте, какая жалость! — Каинъ убилъ брата своего Авеля.

Дѣдушка.

Отнять жизнь у подобнаго себѣ человѣка! и что еще? у роднаго брата своего: какое ужасное преступленiе!

Внучка.

Люди, спустя долго послѣ сего, сдѣла-

лись всѣ развратны, злочестивы, такъ что Богъ повелѣлъ разлиться морямъ и потопить всю землю. Одинъ только по волѣ Его спасся Ной съ семействомъ своимъ въ ковчегѣ, въ которомъ плавалъ сорокъ дней, и напослѣдокъ ковчегъ его, когда вода стала сбывать, остановился на горѣ.... какъ бишь ее зовутъ?... да, да: Араратъ.

Дѣдушка.

Хорошо, мой другъ, что ты все помнишь, о чемъ тебѣ толковано было, даже и словъ тѣхъ придерживаешься. Это показываетъ, что ты прилѣжно слушала. Ну! а что жъ далѣе?

Внучка.

Вотъ еще долго, долго спустя, люди опять народились, умножились, и опять забыли Бога, стали покланяться ложнымъ Богамъ, истуканамъ, и даже звѣрямъ; стали между собою ссориться, драться, убивать невинныхъ младенцевъ, обманывать другъ друга, лгать, и словомъ впадать во всѣ непотребныя дѣла, такъ что надлежало всѣхъ ихъ истребить; но Богъ явилъ неизрѣченное милосердіе: Самъ для спасенія ихъ сошелъ на землю, воплотился, родился отъ дѣвы Маріи, сталъ человѣкомъ, возросъ, и

наконецъ замученъ былъ злочестивыми людьми, которыхъ пришелъ спасать, распятъ ими на крестѣ, умеръ и погребенъ. Такимъ образомъ пострадалъ за всѣхъ, принялъ на себя грѣхи всего міра, воскресъ въ третій день, и вознесся на небо, по писаніямъ.

Дѣдушка.

Очень хорошо, моя милая; поцалуй меня за то, что ты съ такою подробностію умѣла мнѣ это пересказать. Теперь подумай о неизрѣченномъ милосердіи Всемогущаго Бога, который благоволилъ Самого Себя предать на мученіе и смерть порочнымъ людямъ, дабы спасти ихъ отъ заслуженной ими всеобщей погибели.

Внучка.

Да, это меня такъ удивляло и въ такую приводило жалость, что я, слыша это, плакала. Но между тѣмъ сказать вамъ правду, дѣдушка, иное я тутъ по моему слабому разсудку не очень понимаю.

Дѣдушка.

Что такое, мой другъ? скажи мнѣ, безъ всякаго опасенія, твои мысли.

Внучка.

Да вотъ, напримѣръ: кто жъ остался на

небесахъ управлять свѣтомъ, когда Богъ сошелъ на землю и воплотился?

Дѣдушка.

Богъ есть духъ, обьемлющій всю вселенную. Онъ и тогда не переставалъ быть тѣмъ же Богомъ; но духомъ своимъ Святымъ, въ видѣ единороднаго сына своего Іисуса Христа, сошелъ на землю. Онъ единъ, вездѣсущій, нераздѣльный; но съ того времени представляется въ образѣ Святыя Единосущныя Троицы, то есть, Отца, Сына, и Святаго Духа. Понимаешь ли теперь?

Внучка.

Понимаю; но вотъ что еще приводитъ меня въ сомнѣніе: для чего Богъ воплотился и предалъ Себя на мученіе и смерть? развѣ безъ того не могъ онъ грѣшныхъ людей простить?

Дѣдушка.

Не могъ. Вотъ почему: Богъ какъ совершенно милосердъ, такъ совершенно и правосуденъ. Прощеніемъ или пощадою злыхъ, закоренѣлыхъ въ порокахъ людей, нарушилъ бы онъ свое правосудіе и потачкою имъ былъ бы немилосердъ къ добрымъ.

Внучка.

Я не очень это понимаю.

Дѣдушка.

Послушай: положимъ, что у тебя была бы подруга старѣе, крѣпче и сильнѣе тебя; и что вы жили бы вмѣстѣ съ нею, обѣ принадлежа какому нибудь полному надъ вами господину или повелителю; и положимъ еще, что ты была бы смирная, добрая дѣвушка, а подруга твоя пресварливая, презлая, которая бы безпрестанно дѣлала тебѣ всякія оскорбленія, била, мучила тебя, а господинъ твой, не смотря на твои слезы, всегда бы ее прощалъ, и оставлялъ тебя терпѣть отъ ней, сказала ли бы ты о немъ, что онъ человѣкъ милосердой?

Внучка.

Нѣтъ, я бы напротивъ называла его жестокосердымъ.

Дѣдушка.

Ну такъ изъ того можешь ты видѣть, что и Божія справедливость не позволяла Ему, безъ различенія худыхъ отъ добрыхъ, одинакимъ образомъ поступать съ ними. За тѣмъ для обращенія первыхъ на истинный

путь, и для избавленія вторыхъ отъ несноснаго сожитія съ злыми людьми, послалъ онъ къ нимъ, на искупленіе тѣхъ и другихъ, единороднаго сына своего Іисуса Христа.

Внучка.

Да вить худые-то люди послѣ Христа остались же на земли?

Дѣдушка.

Остались; но Онъ для укрощенія ихъ, бывъ человѣкомъ, во время жизни Своей показалъ имъ Самъ собою примѣръ, первое, неизрѣченной къ нимъ любви создавшаго ихъ Творца небеснаго, и второе, какъ для угожденія Богу и собственнаго ихъ спокойствія и благополучія должно жить на свѣтѣ. Онъ окружилъ себя благочестивыми мужами, проповѣдовалъ народамъ слово Божіе, начерталъ въ Святомъ Евангеліи волю Его, создалъ Храмы Господни, въ коихъ совершается истинное служеніе Богу, учредилъ православную вѣру, научающую всѣмъ добродѣтелямъ, отвращающую отъ всѣхъ пороковъ, и послѣ таковыхъ наставленій Божескимъ не преложнымъ словомъ изрекъ, что будетъ нѣкогда страшный судъ, всѣ люди воскреснутъ, предстанутъ предъ Его лице, и тогда исполнится вмѣстѣ милосердое

и правосудное возмездіе добрымъ и злымъ: первые изъ нихъ назначатся въ вѣчномъ блаженствѣ жить съ самимъ Богомъ, со Святыми Его угодниками и Ангелами; а вторые, отринутые отъ лица Его, осудятся на-вѣчное мученіе жить въ адѣ съ злѣйшими еще ихъ нечистыми духами, которымъ во время земной жизни своей служили они и подражали имъ злонравіемъ своимъ. Вотъ какъ совершится опредѣленіе Божіе, возвѣщаемое намъ священнымъ писаніемъ, Христіанскою вѣрою и купно собственнымъ нашимъ разумомъ; ибо безъ будущей нашей жизни и безъ сего неумытнаго суда Господня не было бы никакой пользы человѣку быть добрымъ, и никакой въ воздержаніи надобности разбойнику не убивать себѣ подобныхъ, вору не красть, сильному не утѣснять слабыхъ, плуту не обманывать, словомъ всѣ преступленія и пороки, бывъ наровнѣ съ добродѣтелями, не отличались бы отъ нихъ ничѣмъ. И такъ можемъ ли мы безъ совершеннаго безумія предполагать въ милосерднѣйшемъ и правосуднѣйшемъ Богѣ такую о созданныхъ Имъ людяхъ немилостивую и несправедливую безпечность, какую ты передъ этимъ и въ человѣкѣ, незащищавшемъ тебя отъ злой твоей подруги, осуждала?

Внучка.

Да, это правда, но скажите мнѣ, дѣдушка, развѣ Богу не льзя создать человѣка такъ, чтобъ онъ не могъ дѣлать ничего худова, а дѣлалъ бы все доброе?

Дѣдушка.

Тогда бы онъ и добраго дѣлать не могъ.

Внучка.

По чему жъ это?

Дѣдушка.

Я опять, согласно съ твоими лѣтами, стану тебѣ толковать такими примѣрами, которые были бы для тебя вразумительнѣе. Вить ты знаешь, что бродящему по̀мiру старику или старухѣ подать милостыню, есть доброе дѣло?

Внучка.

Знаю. Вчера хворая старушка, встрѣтясь со мною, стала у меня просить: »подай, матушка, Христа ради, что нибудь; другой день ничего не ѣла.« У меня только и была одна булочка, которую мнѣ самой хотѣлось съѣсть, однакожъ я отдала ей.

Дѣдушка.

Ты хорошо сдѣлала. Но положимъ, что

передъ тобою стояла мраморная статуйка или хоть большая кукла съ протянутою рукою, какъ будто она подаетъ что нибудь, и тебѣ, увидя эту старушку, захотѣлось пошутить надъ нею, чтобъ она куклу эту приняла за настоящаго человѣка. Въ этихъ мысляхъ сунула бы ты булочку свою въ протянутую руку сей куклы, и сама за нею спряталась. Старуха, чуть не слѣпая, принявъ куклу за тебя, подошла бы къ ней, взяла булочку, поклонилась и ушла. Кто сдѣлалъ это доброе дѣло, ты, или кукла?

Внучка.

Конечно я.

Дѣдушка.

По чему же? вить кукла ей дала, а не ты.

Внучка.

Да куклѣ я положила въ руку.

Дѣдушка.

Ты положила; но коли бъ она ей не отдала?

Внучка.

Не льзя не отдать, вить у ней не такая

рука, чтобъ она сгибалась и могла утаить или спрятать эту булку.

Дѣдушка.

Ну, стало быть, естьли бъ Богъ и у тебя отнялъ способность или волю дѣлать худое, напримѣръ въ этомъ случаѣ отказать нищей въ кускѣ хлѣба, то и ты, подавъ его, была бы не иное что, какъ кукла съ протянутою рукою, потому что, не могши не подать, ты бы не по своей, но по Божіей волѣ сдѣлала это доброе дѣло, и слѣдовательно сама собою ни какова бы въ томъ участія и достоинства не имѣла. Равнымъ образомъ и напротивъ, ежели бы кто, сильнѣйшій тебя, схватилъ твою руку и ударилъ ею кого другаго, не ты въ этомъ худомъ поступкѣ была бы виновата, но тотъ, кто сдѣлалъ надъ тобою такое насиліе. И такъ ты можешь изъ сего видѣть, что безъ данной намъ воли поступать какъ мы хотимъ, не могли бы мы дѣлать ни худаго ни добраго, то есть были бы куклы, а не люди. Отселѣ надлежитъ намъ всегда помнить и помышлять, что Богъ истощилъ на насъ всякое милосердіе, дабы содѣлать насъ словесными, добрыми и благополучными тварями: Онъ далъ намъ волю, собственно намъ принадлежащую, безъ которой не могли бы мы быть мыслящими и разсуждающими су-

ществами; но чтобъ мы сей воли своей не употребляли во зло, снисшелъ Самъ для насъ на землю, воплотился и претерпѣлъ смерть, дабы въ образѣ человѣка образомъ жизни своей показать примѣръ, какъ вести себя должно, и чтобъ оставленными имъ поученіями наставить насъ на путь добродѣтелей; сверхъ того даровалъ намъ разумъ, да поступаемъ по его совѣту; даровалъ совѣсть, да руководствуемся ею; даровалъ языкъ, да наставляемъ дѣтей нашихъ и ближнихъ въ Святыхъ Его законахъ. Когда же мы, не смотря на все это, будемъ предаваться той своей волѣ, которая дѣлаетъ насъ злыми, неблагодарными, непослушными Богу, то чего, кромѣ совершенной погибели и отверженія отъ лица Божія, ожидать можемъ?

Внучка.

О какъ страшно слушаться худой воли своей и не слѣдовать доброй!

Дѣдушка.

Страшно и опасно, потому что корыстолюбивыя желанія наши, пылкость страстей и свѣтскія прелести, часто усыпляютъ въ насъ и разумъ и совѣсть и вниманіе къ заповѣдямъ Господнимъ, такъ что мы, за-

бывая добрую, повинуемся внушеніямъ худой своей волѣ. Для того надлежитъ безпрестанно прибѣгать къ православной вѣрѣ, укрѣплятся Ея наставленіями въ добрыхъ и преодолѣвать въ себѣ худыя привычки и наклонности, тѣмъ съ большею твердостію, чѣмъ сильнѣе прельщаютъ онѣ насъ своими соблазнами.

Внучка.

Я стану чаще читать Священныя писанія, заповѣди Господни, творить молитвы и просить Бога, чтобъ онъ укрѣпилъ меня противъ сихъ соблазновъ.

Дѣдушка.

Ты очень хорошо сдѣлаешь, естьли всегда это наблюдать станешь. Хочешь ли, я скажу тебѣ, какъ нѣкто старикъ всякой день по утрамъ и вечерамъ молился Богу?

Внучка.

Хочу, скажите.

Дѣдушка.

Онъ всегда по вечерамъ, ложась спать, читалъ сперва *Отче нашъ*. Вить ты знаешь эту молитву?

Внучка.

Знаю.

Дѣдушка.

Потомъ говорилъ: »Боже милосердый! »благодарю Тебя, яко сподобилъ мя еси »дойти до конца дня сего. Пробави милость »Твою ко мнѣ грѣшному: даждь ми нощь »сію проводити спокойно, мирно, безмятеж»но, и да возстану по утру на благодареніе »Тебя, Господа Бога моего.« (Тутъ становился онъ на колѣни, и продолжалъ): »Боже »милосердый! даждь ми тѣлесное и душев»ное здравіе, благую волю ходить по запо»вѣдямъ Твоимъ, не отрини гласа моленія »моего.« (Тутъ дѣлалъ земной поклонъ, и снова продолжалъ): »Боже многомилосердый! »даждь ми покаяніе, даждь ми слезы, да омою »ими прегрѣшенія мои, вольныя и неволь»ныя, прошедшія и настоящія; избави и »спаси мя отъ будущихъ.» (Тутъ дѣлалъ опять земной поклонъ, и продолжалъ): »Бо»же милосердый! владыко живота моего! »даждь ми остатокъ дней моихъ проводити »во всякихъ благихъ дѣяніяхъ, Тебѣ Госпо»ду Богу моему угодныхъ; ниспосли мнѣ »благодать Твою Святую, да ею умудренный »воздержуся отъ всѣхъ худыхъ дѣлъ и по»мышленій.« (Тутъ по сдѣланіи опять зем-

наго поклона, продолжалъ): »помяни, Гос-
»поди, во царствіи Твоемъ..... (здѣсь про-
износилъ онъ имена усопшихъ родственни-
ковъ своихъ, или друзей и благодѣтелей,
молилъ Бога за нихъ и за всѣхъ православ-
ныхъ Христіанъ, просилъ даровать имъ вѣч-
ный покой, а себѣ непостыдную кончину и
чистую совѣсть для предстанія на страш-
номъ судѣ; потомъ опять, сдѣлавъ земной
поклонъ, возставалъ и снова продолжалъ):
»Царю неба и земли, Господь и Богъ всего
»и всѣхъ, Творецъ и Создатель міра сего и
»всея вселенныя, Боже Всемогущій, Боже
»Всеблагій, отецъ всѣхъ дышущихъ, насъ
»ради человѣковъ нисшедшій съ небесъ и
»воплотившійся и спасенія нашего ради про-
»ліявшій пречистую кровь Твою, Господи
»Боже Іисусе Христе, тою спаси и помилуй
»мя, и даждь ми неосужденно, въ мысляхъ
»моихъ, приложитись ко Пресвятымъ Тво-
»имъ стопамъ.« — (Тутъ еще, подойдя къ
изображенному на крестѣ распятію, повто-
рялъ онъ предъ нимъ молитву свою о даро-
ваніи ему спокойнаго сна, и обращаясь къ
образамъ Богоматери и Святыхъ угодниковъ,
говорилъ): »Мати Пресвятая Богородица,
»буди за меня заступницею, и вы, Святые
»отцы и всѣ небесныя силы, помолитесь за
»меня Господу Богу.« — Тутъ, перекрестя
три раза одръ свой, и сказавъ: »Во Имя

»Отца и сына и Святаго Духа, аминь« — ложился спать. Поутру, возставъ, повторялъ тѣжъ самыя молитвы, перемѣня только вечернюю на слѣдующую утреннюю: »Благо»дарю Тебя, Боже многомилостивый, яко »сподобилъ мя еси видѣти свѣтъ сей, созер»цати великолѣпіе дѣлъ Твоихъ, поклонити»ся Тебѣ, и славословити Всесвятое имя »Твое. Даждь ми во весь сей день ходити »по заповѣдямъ Твоимъ и поучатися правдѣ »Твоей. Благослови всѣ дѣянія мои и труды, »и да привлеку первыми изъ нихъ Твое ко »мнѣ благоволеніе, а вторые да будутъ на »пользу человѣчеству.« — Такъ молился старикъ, и Богъ далъ ему благій и долгій вѣкъ.

Внучка.

Ахъ! я вытвержу молитвы сіи наизустъ и стану ихъ всегда читать.

Дѣдушка.

Подобныхъ молитвъ, научающихъ насъ должностямъ нашимъ и благонравію, въ Священныхъ писаніяхъ и церьковныхъ службахъ много, вслушивайся и почерпай ихъ оттуда. Въ нихъ благочестивые Христіяне, основываясь на правилѣ своемъ: »*жертва Богу духъ сокрушенъ*,« въ смиреніи сердца своего молятъ Отца Небеснаго: »*даруй, Гос-*

лоди, миръ мірови.« (То есть спокойствіе и тишину всему свѣту); молятъ Его о всякомъ Царствѣ, странѣ и градѣ; молятъ о Царяхъ, да вразумляемые ниспосланною на нихъ благодатію Святою управляютъ они кротко и правосудно, составляя благоденствіе подвластныхъ имъ народовъ; молять о пастыряхъ церковныхъ и о всемъ Христолюбивомъ воинствѣ, да подобно главѣ церкви, Христу, образомъ смиреннаго житія своего и нравоучительными наставленіями погашаютъ они порочныя побужденія и насаждаютъ въ сердца людей сѣмена добродѣтели; молятъ о плавающихъ, путешествующихъ, недужныхъ, страждущихъ, плѣнныхъ, о избавленіи ихъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды; молятъ о благораствореніи воздуха, о изобиліи плодовъ земныхъ; молятъ о усопшихъ родителяхъ своихъ, братіяхъ, благотворителяхъ, и говорятъ: »*помилуй. Господи, ненавидящихъ и любящихъ насъ.«* (Вотъ какъ удалены они отъ злобы и мщенія!) — О себѣ же самихъ, творя земные поклоны, возносятъ сей умилительный гласъ: »Господи и владыко живота моего! духъ »праздности, унынія, любоначалія и празд»нословія, не даждь ми; духъ же цѣломуд»рія, смиренномудрія, терпѣнія и любви, да»руй ми, рабу твоему; Ей Господи Царю! »даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія, и не

»осуждати брата моего.« — Вотъ какія молитвы Сынъ Божій внушилъ Христіанамъ! вотъ какія благонравныя, имъ и всему свѣту полезныя, вложилъ въ нихъ желанія и чувства, однихъ только злыхъ и ожесточенныхъ сердецъ не умиляющія! — я надѣюсь, ты слыхала и хотя нѣкоторыя изъ сихъ молитвъ припомнишь.

Внучка.

Слыхала и помню, да только многихъ словъ не разумѣю въ нихъ.

Дѣдушка.

Читай чаще; справляйся о тѣхъ словахъ, которыхъ не знаешь, и тогда ясно будешь понимать.

Внучка.

Я стану это дѣлать, и всякой день молиться Богу.

Дѣдушка.

Но при этомъ надобно мнѣ еще нѣчто тебѣ напомнить. 1-е, Не дѣлай того никогда и ни въ какомъ случаѣ, чтобъ вечернія молитвы твои откладывать до утра, или утреннія до вечера, кромѣ развѣ совершенной невозможности, но и тогда покрайней мѣрѣ

прочитывай ихъ мысленно. 2-е, Принося молитвы твои, не спѣши, не бормочи ихъ, произноси ясно и со вниманіемъ каждое слово, такъ чтобь оно силою своею возбуждало въ душѣ твоей благоговѣйное чувство; иначе гласъ твой не достигнетъ до престола Всевышняго Творца. 3-е, (Весьма для юныхъ сердецъ нужное): когда услышишь ты людей (какихъ бываетъ не мало), говорящихъ о вѣрѣ и добродѣтеляхъ съ хладнокровіемь и даже иногда съ коцунствомь, а о противныхъ благонравію вещахъ естьли не сь похвалою, такь покрайней мѣрѣ сь нѣкоторымъ одобреніемъ, не смотри на сихъ людей, отвращай отъ нихъ слухъ свой; или когда попадется тебѣ книга, обнаруживающая съ худой стороны душу сочинителя ея, разсѣвающаго или коварную ложь, или подлую лесть, или злую клевету, или украшающаго пороки, и тому подобное, брось эту книгу, не читай ее, да не введетъ она здравый разумъ твой въ заблужденіе, и да не заразитъ чистоту души твоей безнравственными и мрачными своими лжеумствованіями. Помни это. Берегись ядовитости сихъ змѣй. Прощай.

ЗАПИСКИ,

веденныя во время путеплаванія изъ Кронштада въ Константинополь.

I.

Плаваніе отъ Кронштата до Портъ-Магона.

Въ 1776 году, во время царствованія Императрицы Екатерины Великой, въ половинѣ Іюня мѣсяца отправились мы изъ Кронштата въ путь. Эскадру нашу составляли четыре фрегата. Первымъ былъ, Сѣверный Орелъ о 40 пушкахъ: на немъ Капитанъ Козляниновъ, который и надъ всѣми прочими судами начальствовалъ. Я находился на семъ фрегатѣ. Онъ былъ подъ военнымъ флагомъ съ полнымъ числомъ служителей и пушекъ. Остальные три: Павелъ, Григорій и Наталія, подъ начальствомъ Капитанъ-Поручиковъ Скуратова, Одинцова и Масолова. Сіи фрегаты были подъ купеческими флагами, каждой о 32 пушкахъ; но имѣли только половинное число людей и 8 пушекъ; прочіе пушки сняты были и зары-

ты въ песокъ на днѣ судна. Путь намъ предписанъ былъ въ Константинополь. Намѣреніе состояло въ томъ, чтобъ сіи три фрегата провести въ Черное море, гдѣ въ нихъ настояла надобность; но надлежало провести ихъ подъ видомъ торговыхъ судовъ подъ купеческими флагами; ибо, по договорамъ съ Турками, они обязаны были пропускать чрезъ Константинопольскій проливъ купеческія только, а не военныя суда. Мы, при попутныхъ вѣтрахъ, скоро миновали острова Наргинъ, Готландъ, Борнгольмъ, и пришли въ Копенгагенъ, гдѣ простоявъ недолго отправились далѣе въ путь. Перешли Категатъ, и по довольно счастливомъ плаваніи вступили въ Англійскій Каналъ, гдѣ противъ острова Вейта, верстахъ въ пятнатцати отъ Портсмута, стали на якорь. Къ намъ пріѣхалъ посѣтить насъ бывшій въ нашей службѣ Контръ-адмиралъ Эльфинстонъ. Онъ сказалъ Козлянинову, что изъ Портсмутской гавани скоро выдутъ три военныхъ корабля, которымъ надлежитъ проходить мимо насъ, и для того совѣтовалъ, чтобъ онъ съ фрегатомъ своимъ снялся и отошелъ подалѣе въ сторону отъ предлежащаго имъ пути. Совѣтъ сей сдѣланъ былъ по тому, что Англичане, при встрѣчѣ въ своихъ водахъ съ военными чужихъ державъ судами, требовали, чтобъ при салютѣ имъ изъ пушекъ спущенъ былъ

вымпелъ, а по нашимъ узаконеніямъ сдѣлать сего не позволялось. И такъ Эльфинстонъ опасался, чтобъ изъ сей распри не дошло дѣло до сраженія. Козляниновъ не сошелъ съ мѣста, но только заранѣе велѣлъ гротъ-брамъ-стенгу (верхнюю часть средней мачты), не снимая съ нее вымпела, опустить на низъ, будто бы для исправленія оной, но въ самомъ дѣлѣ для того, дабы вымпелъ не такъ былъ примѣтенъ, и чтобъ чрезъ то уменьшить поводъ къ требованію спуска онаго. Безпокойное ожиданіе сіе прошло однакожъ безъ всякихъ непріятныхъ слѣдствій. Гордость Англійская не восхотѣла оскорбить Рускаго флага. Вышедшіе изъ гавани корабли не пошли близко нашего фрегата, но нарочно уклонились въ сторону, дабы идучи отъ него въ дальнемъ разстояніи, не имѣть причины къ требованію салюта.

Я отпросился съѣздить въ Портсмутъ, и, пробывъ тамъ одни сутки, возвратился назадъ. Скоро потомъ опять вступили мы подъ паруса. Плаваніе наше по Англинскому Каналу было весьма долгое и безпокойное. Почти безпрестанно дули противные крѣпкіе вѣтры. Напослѣдокъ выбрались мы въ Бискайскую бухту. Пространный Океанъ разливался передъ нами, и не было ни въ которую сторону берега ближе семи и восьми сотъ верстъ. На сей обширности моря,

послѣ нѣсколькихъ дней благополучной погоды, вѣтеръ сдѣлался опять противный и довольно крѣпкій. Мы ходили взадъ и впередъ по такому мѣсту, гдѣ на Голландской картѣ, по которой мы плыли, поставленъ былъ крестикъ, означавшій, что тутъ находится подводный камень Сей значекъ наводилъ намъ не малый страхъ, ибо попасть въ такомъ отдаленіи отъ береговъ на камень не было бы никакой надежды никому спастись. Однажды мы сидѣли за ужиномъ и разговаривали объ этомъ. Иные утверждали, что это пустое воображеніе того, кто сочинялъ карту. Кто могъ, говорили они, вподлинну узнать, естьли тутъ камень или нѣтъ? Тотъ кто на него наткнулся, не могъ извѣстить о немъ другихъ, и безсомнѣнія тайну сію унесъ съ собою на дно моря. Одинъ изъ Офицеровъ сказалъ: Да хотя бы и точно тутъ былъ камень, я знаю вѣрное средство его миновать. Какое же? спросили мы. Стараться на него попасть, отвѣчалъ онъ. Счисленіе не можетъ быть безъ погрѣшности; и такъ держа прямо на него непремѣнно пройдемъ мимо. Мы засмѣялись, и нашли способъ его надежнѣе всѣхъ другихъ предосторожностей. Послѣ нѣсколькихъ дней вѣтры настали опять благополучные. Мы миновали Португалію, Кадиксъ; прошли Гибралтарскій проливъ, и вступили въ Средиземное

Море. Прекрасная погода, послѣ долго продолжавшейся пасмурной и сырой, разбила нѣсколько нашу скуку. Мы скоро надѣялись увидѣть Порть-Магонъ, куда положено было зайти для запасенія себя пресною водою и другими нужными припасами. Въ самомъ дѣлѣ мы въ непродолжительномъ времени увидѣли его, стали приближаться и уже одѣлись и приготовились, чтобъ тотчась, какъ скоро бросимъ якорь, ѣхать на берегъ, который тѣмь болѣе казался намъ прелестнымь, что мы болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ запертыя птицы, изъ клѣтки своей никуда не вылетали; но судьбѣ заблагоразсудилось обуздать наше желаніе и дать намъ урокъ, научающій терпѣнію: возшедшая внезапу туча перемѣнила красное утро въ мрачное и благополучный вѣтръ въ противный. Мы почти при самомъ входѣ вь пристанище принуждены были попятиться назадъ и плясать передъ нимъ еще двои сутки, покуда вѣтеръ, умилостивясь, позволилъ намъ войти вь оное. Мы прошли прекрасную у самаго входа крѣпость, называемую Св. Стефана, вошли внутрь залива и, защищенные крутыми берегами его отъ всѣхъ вѣтровъ, стали на якорь.

II.

Пребываніе въ Портъ-Магонѣ.

Не можно себѣ представить всѣхъ удовольствій, какія, послѣ долговременнаго плаванія, пришедъ въ спокойное пристанище вкушаетъ мореплаватель! Мы перестали бороться съ вѣтрами и волнами; безпрестанное колыханіе фрегата, столько намъ надоѣвшее, утихло; вмѣсто покрытой сѣдыми скачущими буграми безпредѣльной равнины, взоры наши увеселились одѣтыми лѣсомъ и зеленью холмами и долинами; вмѣсто единообразія синѣющейся воды представились очамъ различныя зрѣлища: высокія зданія, домы, сады, горы, луга съ обитающими въ нихъ людьми, звѣрями, птицами; появилась свѣжая пища, плоды, молоко и тысячи такихъ вещей, которыхъ человѣкъ на морѣ имѣть не можетъ; словомъ, страхъ нашъ перемѣнился въ безопасность, заточеніе въ свободу, уединеніе въ сообщество, скука въ веселье, сухоядѣніе въ лакомство. Таковъ переходъ изъ морской жизни въ наземную! Мы скоро съѣхали на берегъ къ нашему Консулу, г-ну Алексіани. Любопытство видѣть насъ привлекло многихъ зрителей. Отъ Консула пошли мы къ Губернатору, кото-

рый присылалъ уже поздравить насъ съ прiѣздомъ. Онъ принялъ насъ очень ласково, и на другой день прислалъ звать обѣдать. За столомъ раскызывалъ онъ, что прибытiе наше весьма ихъ удивило: они приняли купеческой флагъ нашъ за военный Голландскiй, (которые дѣйствительно весьма сходны, ибо состоятъ изъ трехъ одинакихъ цвѣтами полосъ, и только разнятся порядкомъ размѣщенiя оныхъ), и видя издалека военный фрегатъ нашъ, идущiй впереди, а за нимъ послѣдующiе три купеческихъ, не могли понять, по какимъ обстоятельствамъ три Голландскiе фрегата гонятся за однимъ Рускимъ. Англичане были тогда въ войнѣ съ Французами, и потому обыкновенный въ Портъ-Магонѣ гарнизонъ былъ увеличенъ. Мы познакомились со многими Англинскими Офицерами, часто бывали у Губернатора, у Консула, и такимъ образомъ пребыванiе наше на семъ островѣ, продолжавшееся около двухъ недѣль, сдѣлалось довольно прiятнымъ. Портъ-Магонская гавань весьма спокойна. Я часто любовался ѣздя по ней въ свѣтлую мѣсячную ночь: высокiе берега, освѣщенные луною, представляли величественное зрѣлище. Чистая вода въ ней, и какъ стекло гладкая, приведенная въ движенiе, такъ свѣтилась, что струя за кормою шлюбки далеко видна была, наподобiе усыпанной се-

ребряными искрами широкой ленты. Въ одинъ день, увидѣли мы пришедшую въ гавань Алжирскую полугалеру, которая, постоявъ не много, хотѣла опять идти въ море, но пушечными выстрѣлами съ крѣпости была остановлена. Мы узнали тому слѣдующую причину: одно купеческое Гишпанское судно, съ богатымъ грузомъ, отправилось изъ гавани. Полугалера, примѣтя это, хотѣла тотчасъ пуститься въ слѣдъ за нимъ; но Англичане въ подобномъ случаѣ останавливаютъ ихъ на цѣлыя сутки, дабы вышедшему судну дать время уйти отъ ихъ нападенія. Проѣзжая мимо сей полугалеры, я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ ужасомъ на сихъ морскихъ разбойниковъ. Ихъ было на ней шестьдесять человѣкъ; всѣ они на верху стояли и съ любопытствомъ на насъ смотрѣли; почти всѣ высокаго роста, всѣ между тритцати и сорока лѣтъ, вооружены кинжалами и пистолетами, съ усами, съ обнаженными по плечо руками, съ покрытою шерстью голою грудью, съ звѣрскимъ лицемъ и сверкающими очами: таковъ былъ видъ ихъ! Я внутренно благодарилъ Губернатора, не позволившаго имъ проглотить замѣченную ими жертву. За день передъ отъѣздомъ нашимъ случилось такое приключеніе, которое послѣдствіями своими было для меня весьма непріятно. Я проснулся поутру, и услышалъ

что въ прошедшую ночь на берегу произошла драка между нѣкоторыми островскими жителями и нашими людьми. Я велѣлъ позвать къ себѣ своего человѣка, который со мною былъ одинъ, и увидѣлъ, что глаза у него подбиты, въ синевахъ, и онъ съ нуждою могъ ходить. На вопросы мои, принужденъ онъ былъ признаться, что онъ участвовалъ въ бывшей дракѣ. Мнѣ весьма это было досадно, и я хотѣлъ его наказать; но какъ стали его раздѣвать, мнѣ показалось, что онъ уже и такъ прибитъ, и что довольно было его постращать. Въ сихъ мысляхъ, пожуря его и приказавъ, чтобъ онъ впредь не отлучался безъ спросу, я отмѣнилъ наказаніе. Мы послѣ услышимъ, что я весьма о томъ сожалѣлъ.

III.

Плаваніе отъ Портъ-Магона до Ливорны.

Мы оставили Портъ-Магонъ, и по нѣкоторомъ довольно благополучномъ плаваніи пришли въ Ливорну. На пути ничего съ нами примѣчанія достойнаго не случилось, выключая двухъ слѣдующихъ приключеній: въ

одинъ день удивили насъ такъ прозванныя нами летучія рыбы, величиною въ полъаршина; онѣ вдругъ появились и, въ продолженіе четверти часа или болѣе, выскакивали изъ воды за кормою, и такъ далеко летѣли по воздуху, что падали близъ носа. Надлежить думать, что какая нибудь хищная рыба, напавъ на стадо ихъ, принудила ихъ дѣлать сіи необычайные скачки. Въ другой день въ виду Корсики было со мною странное и печальное происшествіе: въ прекрасную погоду я стоялъ на вахтѣ, и ходилъ по кораблю. Въ сіе время отдавали брамсели, то есть, распускали самые верхніе паруса, дабы судно пошло скорѣе. Вдругъ почувствовалъ я въ руку самый сильный ударь, который не сдѣлалъ мнѣ ни малѣйшей боли, но былъ столь необыкновенный, какъ будто бы какой чрезвычайной силы исполинъ ударилъ меня подушкою или чѣмъ нибудь мягкимъ. Я пошатнулся, взглянулъ, и вижу растянутаго подлѣ себя разбившагося человѣка. Онъ оборвался съ верху мачты, и, летя стремглавъ оттуда, коснулся брюхомъ своимъ, руки моей. Подняли несчастнаго, и понесли внизъ. Онъ былъ еще живъ, но для того только, чтобъ нѣсколько часовъ страдать. Лѣкарь, осмотрѣвъ его, сказалъ намъ, что хребтовая кость у него въ трехъ мѣстахъ переломилась. Я, сожалѣя

о семъ бѣдномъ матросѣ, благодарилъ Бога, что самъ остался цѣлъ; ибо если бъ я на одинъ вершокъ еще подвинулся, то, упавъ мнѣ на плечо, онъ подвергнулъ бы меня той же самой участи, какую самъ претерпѣлъ.

IV.

Пребываніе въ Ливорнѣ.

Около половины Сентября, бывъ почти три мѣсяца въ пути, пришли мы въ Ливорну съ однимъ только фрегатомъ, Павломъ, потому что двумъ другимъ, Григорію и Наталіи, велѣно было отъ острова Корсики идти къ острову Эльбѣ и тамъ ожидать прибытія Сѣвернаго Орла. Мы стали на якорь верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ города. Къ намъ тотчасъ явились лодки съ музыкантами и пѣвцами, поздравляющими за небольшую плату съ благополучнымъ прибытіемъ. На другой день мы съѣхали на берегъ и обѣдали у богатаго купца, Каламая, носившаго на себѣ званіе нашего Консула. Потомъ позвалъ насъ Губернаторъ; потомъ Англійскій Консулъ; потомъ приглашены мы

были на балъ въ Казину, домъ гдѣ собираются, какъ у насъ клубъ. Нерѣдко посѣщали мы театръ, и такимъ образомъ старались распространить наше знакомство. Въ Ливорнѣ оставались отъ прошедшей съ Турками войны два купленные Графомъ Орловымъ небольшие фрегата, Констанція и Св. Павелъ. Сіи фрегаты долженствовали идти съ нами въ Царьградъ; но какъ оные не были еще вооружены, и потребно было на то не мало времени, то главный начальникъ нашъ разсудилъ, не дожидаясь ихъ, продолжать съ фрегатами Григоріемъ и Наталіею путь свой, а съ ними оставить фрегатъ Павелъ и опредѣлить на нихъ капитановъ, офицеровъ и служителей, съ тѣмъ, чтобъ они, приведя ихъ въ готовность, слѣдовали вмѣстѣ съ Павломъ въ Сицилію, и тамъ дожидались прибытія Сѣвернаго Орла. По сему распоряженію опредѣленъ былъ на Констанцію Капитанъ-поручикъ Ржевскій, а на Св. Павелъ Капитанъ-поручикъ Ушаковъ. Я и пріятель мой, Тимирязевъ, желая пробыть подолѣе въ Ливорнѣ, просили написать насъ на остающіеся тутъ фрегаты; почему и опредѣлены мы были, я на фрегатъ Павелъ, а онъ на фрегатъ Св. Павелъ. Я при семъ случаѣ былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи: человѣкъ мой, о которомъ я выше упоминалъ, сдѣлался боленъ. Надлежало или свез-

ти его и отдать въ Италіанскую больницу, гдѣ онъ ни съ кѣмъ говорить не могъ, или оставить на фрегатѣ Сѣверномъ Орлѣ до будущаго съ нимъ соединенія. Я посовѣтовался съ лѣкаремъ того фрегата; онъ сказалъ мнѣ, что лучше его не трогать, и обѣщалъ смотрѣть за нимъ и стараться его вылѣчить. Такимъ образомъ, остался я безъ слуги. Фрегатъ Сѣверный Орелъ скоро ушелъ, а фрегатъ Павелъ втянулся въ гавань, гдѣ стояли Св Павелъ и Констанція. Мы двое, я и пріятель мой, Тимирязевъ, наняли въ трактирѣ комнату, дабы въ городѣ имѣть пристанище и не всегда ѣздить на фрегатъ ночевать. Я купилъ нѣсколько Италіянскихъ книгъ, и нанялъ себѣ учителя, который показался мнѣ весьма знающимъ въ Словесности, и хотя онъ въ скоромъ времени сбирался отправиться въ Америку, однакожъ согласился до тѣхъ поръ ходить ко мнѣ всякой день Онъ очень любилъ Петрарка, имѣлъ у себя самыя старинныя изданія его, весьма рѣдкія, со многими печатными и рукописными примѣчаніями и объясненіями. Онъ толковалъ мнѣ Сонеты его и Пѣсни. Хотя я въ Италіанскомъ языкѣ былъ еще очень слабъ, и хотя начали мы съ самой трудной книги, однакожъ онъ такъ хорошо объяснялъ, что я самыя труднѣйшія мѣста могъ понимать и восхищаться красотами сего

славнаго писателя. Иногда для перемѣны читали мы Тасса. Высокій стихотворецъ сей скоро сталъ душу мою наполнять такимъ сладкимъ восторгомъ и удивленіемъ, что она отъ часу больше жадничала его слушать. Учителю моему такъ полюбилось бесѣдовать со мною о Петраркѣ и Тассѣ, что онъ вмѣсто двухъ условныхъ часовъ часто просиживалъ со мною по три и по четыре часа, а иногда прихаживалъ и два раза въ день. Мнѣ казалось, что онъ самъ не меньше Тасса превозносился духомъ, читая его освобожденный Іерусалимъ и не меньше Петрарка влюбленъ былъ въ Лауру.

Мы почти всякой день ночевали въ городѣ и только по утрамъ ходили на свои фрегаты; остальное же время провождали частію въ Казинѣ, частію въ кофейныхъ домахъ, въ театрѣ и нерѣдко по вечерамъ у нашего Консула. Домъ его былъ открытъ для всѣхъ Рускихъ. Семейство его состояло въ слѣдующихъ лицахъ: онъ съ женою, оба уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ; два сына и четыре дочери; Жанина, Тереза, Роза и Беттина, всѣ весьма ласковыя и пріятныя дѣвицы. Часы бесѣдованія обыкновенно провождаемы были игрою въ *венти-уно*. Такимъ образомъ прошло нѣсколько времени. Между тѣмъ случилось на фрегатѣ нашемъ приключеніе, которое, кажется мнѣ, по стран-

ности своей, заслуживаетъ быть упомянуто: однажды ночевалъ я на немъ и остался на весь день; мы обѣдали всѣ вмѣстѣ въ капитанской каютѣ; во время, какъ мы сидѣли за столомъ, входитъ къ намъ стоявшій на вахтѣ чиновникъ и сказываетъ Капитану, что пріѣхали на фрегатъ два человѣка. Капитанъ велѣлъ ихъ пустить. Одинъ изъ нихъ высокій ростомъ, въ сертукѣ, съ большимъ на щекѣ лишаемъ, а другой низинькой, въ кафтанѣ. Первый, имѣя смутный видъ, подошелъ къ намъ и спрося, кто изъ насъ Капитанъ, сказалъ, что онъ имѣетъ нужду наединѣ съ нимъ переговорить. Между тѣмъ извинялся, что онъ пришелъ въ часъ стола, и просилъ, чтобъ мы остались окончить нашъ обѣдъ. Капитанъ приглашалъ ихъ сѣсть; высокій сѣлъ съ нѣкоторою величавостію, а малорослый не садился, сколько его ни упрашивали. По окончаніи стола мы вышли вонъ, а они остались съ Капитаномъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Капитанъ прибѣжалъ къ намъ съ удивленнымъ и заботливымъ видомъ, и сказывалъ, что этотъ человѣкъ называется Нѣмецкимъ, не упомню какого Двора, Принцемъ, и что, скрывая по нѣкоторымъ причинамъ имя свое, желаетъ нѣсколько часовъ пробыть на фрегатѣ. Капитанъ не зналъ что дѣлать, отказать ли ему или нѣтъ, и послалъ меня еще

съ нимъ объясниться. Я вошелъ въ каюту. Онъ сперва на вопросъ мой на Нѣмецкомъ языкѣ, съ кѣмъ я имѣю честь говорить, отвѣчалъ мнѣ, что онъ купецъ; но послѣ, когда я сказалъ ему, что я этого фрегата офицеръ, и что Капитанъ прислалъ меня отобрать его желаніе, то онъ отвѣчалъ: О! когда уже вы знаете, то я отъ васъ не скрываюсь; я Принцъ крови, и сей часъ пріѣхалъ сюда изъ Генуи, гдѣ жизнь моя была въ опасности. Я скитаюсь гонимый моимъ отцемъ, и здѣсь не надѣюсь быть безопасенъ, покуда не спишусь съ Англійскимъ Консуломъ. Для того прошу позволить мнѣ остаться на фрегатѣ, доколѣ секретарь мой къ нему съѣздитъ. Я пересказалъ слова его Капитану, который напослѣдокъ рѣшился просьбу его исполнить. Принцъ попросилъ чернилъ и бумаги, написалъ письмо, и послалъ бывшаго при немъ секретаря. Въ сіе время примѣтили мы на немъ подъ сертукомъ Пруской Чернаго Орла орденъ. Секретарь долго ѣздилъ, наконецъ возвратился и сказалъ, что Англійскій Консулъ на охотѣ, и что онъ не могъ его дождаться. Тогда Принцъ, изъявляя великое о томъ безпокойство, сталъ просить, чтобъ позволено ему было до утра остаться на фрегатѣ. Капитанъ долго колебался; однако напослѣдокъ согласился. Приготовили для него ужинъ,

постлали постель. Между тѣмъ онъ разговаривалъ съ нами на Французскомъ, Италіянскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, игралъ въ карты, и, проигравъ три или четыре червонца, вынулъ кошелекъ и заплатилъ. Онъ просилъ насъ позволить ему наши имена записать въ записную книжку, и увѣрялъ, что сего сдѣланнаго нами ему одолженія никогда не забудетъ. Мы однакожъ сомнѣвались въ его княжествѣ. Поутру Капитанъ послалъ меня къ бывшему тогда проѣздомъ въ Ливорнѣ Маркизу Ковалькаббо, который былъ нашимъ Каммергеромъ, и долго находился въ посольствѣ при разныхъ Нѣмецкихъ Дворахъ. Я пришелъ къ нему и засталъ, что онъ читаетъ Вѣдомости. Я увѣдомилъ его о посѣтившемъ фрегатъ нашъ гостѣ. Онъ захохоталъ и сказалъ: А я теперь лишь объ немъ читаю! Потомъ показалъ мнѣ въ Вѣдомостяхъ статью изъ Генуи, въ которой было сказано: »Пріѣхалъ сюда извѣстный плутъ, »такой-то примѣтами, который, назвавшись »Нѣмецкимъ Принцемъ, занялъ было у куп»цовъ не малое число денегъ; но обманъ »его скоро открылся; однакожъ онъ съ то»варищемъ своимъ спасся и ушелъ, какъ »сказываютъ, въ Ливорну.« Я выпросилъ у Маркиза Вѣдомости, и пріѣхавъ на фрегатъ показалъ ихъ Капитану. Онъ, не входя самъ въ каюту, послалъ меня туда, и велѣлъ мнѣ

сказать Принцу, что, Принцъ ли онъ или нѣть, но на фрегатѣ остаться долѣе не можетъ. Я обьявилъ ему сіе приказаніе, и далъ прочитать статью въ Вѣдомостяхъ Онъ, безъ всякаго смущенія, сказалъ мнѣ, что статья эта написана его врагами, покушавшимися на жизнь его; но что онъ со временемъ надѣется изобличить ихъ коварство. Сказавъ сіе, поблагодарилъ за ночлегъ, и, выходя съ важностію изъ каюты, далъ капитанскому человѣку два червонца, велѣлъ себя высадить на пристань и куда потомъ дѣвался, неизвѣстно. Мы послѣ слышали о немъ, что онъ не одинъ уже разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, и что онъ свой лишай, который у него на лицѣ, такъ искусно замазываетъ, что, перемѣняя видъ свой, иногда съ нимъ, иногда безъ него, кажется двумя человѣками. Мы удивились дерзости его и не могли понять, какое намѣреніе могъ онъ имѣть, желая посредствомъ обмана пробыть на фрегатѣ, гдѣ ему не можно было сдѣлать никакого плутовства или похищенія, потому что тихонько и безъ вѣдома не могъ съ него съѣхать. Чудны иногда бываютъ хитрости и затѣи плутовъ!

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль мы отпросились съѣздить въ Пизу и Лукку. Я не стану описывать видѣнное мною въ сихъ городахъ, равно какъ и во всѣхъ другихъ,

въ которыхъ мнѣ быть случалось; ибо намѣреніе мое не въ томъ состоитъ, чтобъ повторять то, чему во многихъ книгахъ и путешествіяхъ можно находить подробнѣйшія описанія, но я предположилъ себѣ упоминать только о тѣхъ происшествіяхъ, которыя покажутся мнѣ въ жизни моей достопамятнѣйшими. Въ Пизѣ между прочимъ всходили мы на извѣстную высокую башню, которая такъ криво стоитъ, что я на самомъ верху по довольно широкой, облегающей вокругъ нее со столбами, но безъ перилъ, площади, не смѣлъ пройти, опасаясь чтобъ не скатиться. Въ Луккѣ, осмотря нѣкоторыя церкви и другія любопытства достойныя мѣста, походивъ по валу, гдѣ всѣ прогуливаются, зашли мы въ кофейный домъ, гдѣ было довольное собраніе Луккскихъ кавалеровъ. Такъ называютъ здѣсь всѣхъ благородныхъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ примѣтя, что мы иностранцы, столь были учтивы, что подошли съ нами разговаривать, и, узнавъ о намѣреніи нашемъ недолго у нихъ пробыть, предложили намъ посѣтить ихъ вечернее собраніе; при томъ сожалѣли, что мы не можемъ увидѣть ихъ театра, по причинѣ, что первая пѣвица, которую они очень хвалили, сдѣлалась нездорова. Одинъ изъ нихъ сказалъ, что онъ пойдетъ ее уговаривать, чтобъ она для пріѣхавшихъ сюда Рус-

кихъ офицеровъ хоть чрезъ силу съиграла. Мы поблагодарили его за учтивый для насъ вызовъ, и пожелали сами ее увидѣть. Онъ повелъ насъ къ ней. Мы сказали ей, что наслышась о прекрасномъ ея талантѣ, хотѣли имѣть удовольствіе съ нею познакомиться и очень сожалѣемъ, что болѣзнь ея лишаетъ насъ величайшей пріятности видѣть ея игру и слышать пѣніе. Она поблагодарила насъ за посѣщеніе и сказала, что ежели бы хотя малѣйшая была возможность, то бы она конечно поставила себѣ за честь исполнить наше желаніе, но что чувствуемая ею слабость здоровья никакъ того не позволяетъ. Мы не стали ее больше безпокоить и пошли отъ ней домой, куда вскорѣ знакомцы наши заѣхали за нами въ каретахъ и повезли насъ въ собраніе, гдѣ нашли мы весьма хорошо прибранный домъ и не малое число мужчинъ и женщинъ, всѣ, по введенному обычаю, въ черномъ платьѣ. Послѣ первыхъ поклоновъ и краткихъ привѣтствій посадили насъ за разные столы играть въ тресетъ *). Такимъ образомъ провели мы два или три часа времени, и потомъ разъѣхались. Знакомые наши отвезли насъ къ намъ домой, гдѣ мы, поблагодаря ихъ за ласку, простились съ ними, и на другой

*) Италіянское названіе: *tre sette*, три семерки.

день поутру отправились обратно въ Ливорну.

Мы съѣздили еще въ нѣкоторыя окрестныя мѣста, какъ то въ Монтенегро и въ другія. Изъ Рускихъ нашихъ были въ сіе время въ Италіи: Генералъ-поручикъ Ганибалъ (который скоро уѣхалъ) и Капитанъ морской Коковцовъ. Сей долгое время жилъ въ Мальтѣ и по возвращеніи своемъ въ Россію снова отпущенъ былъ путешествовать. Онъ долго разъѣзжалъ по разнымъ странамъ и потомъ основалъ жизнь свою въ Ливорнѣ. Съ продолженіемъ времени знакомство наше умножилось и пребываніе въ семъ городѣ становилось отчасу пріятнѣе; но между тѣмъ фрегаты наши Св. Павелъ и Констанція приходили въ готовность, а съ тѣмъ вмѣстѣ приближалось и время разстаться съ береговою жизнію и пуститься опять въ море. Сіе обстоятельство тѣмъ больше безпокоило меня, что я, по не имѣнію на Констанціи офицеровъ, переведенъ былъ на сей маленькій фрегатикъ, на которомъ надлежало въ глухую осень плыть по морямъ неизвѣстнымъ въ чужую скучную сторону, изъ Италіи къ Туркамъ. Сіе непріятное воображеніе, смѣшанное съ грустію разставанія съ береговою доволько весело препровожденною нами жизнію, и притомъ еще совершенная неизвѣстность объ оставшихся въ Россіи

родныхъ моихъ и знакомыхъ, приводило меня въ уныніе.

V.

Плаваніе отъ Ливорны до Мессины.

Наконецъ пришло время, и мы, послѣ двухъ съ половиною мѣсячнаго пребыванія въ Ливорнѣ, простясь съ Каламаевымъ домомъ и со всѣми нашими знакомыми, въ началѣ 1777 года отправились въ Сицилію. Плаваніе наше при тихихъ вѣтрахъ продолжалось около двухъ недѣль, и хотя Италіянцы говорятъ пословицу: bonaccia nel inverno é un diavolo nel inferno (безвѣтріе зимою чортъ въ адѣ); однакожъ на сей разъ необыкновенная въ зимнее время тишина вѣтра не произвела послѣ себя никакой чрезвычайной бури. Подходя уже къ Сициліи, гдѣ древніе стихотворцы напугали насъ Скиллами и Харибдами, вѣтеръ сдѣлался довольно свѣжъ и намъ попутной. Это случилось подъ вечеръ, мы обрадовались и смѣривъ по картѣ Сицилію въ такомъ еще разстояніи отъ насъ, что располагая по ходу судна, не прежде можемъ увидѣть ее какъ завтра поутру, прибавили парусовъ и пустились на

всю ночь плыть со всевозможною скоростію. Настала темная ночь. Вѣтеръ сталъ прибавляться. Фрегатъ нашъ летѣлъ! Я стоялъ на вахтѣ Капитанъ спалъ въ каютѣ, и всѣ стоявшіе со мною люди, числомъ не болѣе двѣнатцати человѣкъ, иные лежа, другіе сидя на палубѣ, дремали; одинъ я и рулевой (который рулемъ правитъ) бодрствовали. Вдругъ часу во второмъ или въ третьемъ ночи увидѣлъ я передъ самымъ носомъ судна превеликій пламень, которой въ одно мгновеніе вспыхнулъ и потомъ исчезъ. Я счелъ это за привидѣніе, и самъ своимъ глазамъ не вѣря, спросилъ рулеваго: видѣлъ ли ты что нибудь? Онъ отвѣчалъ: какъ не видать? передъ нами огонь вспыхнулъ. Тогда тужъ минуту велѣлъ я ему положить руль на бортъ; разбудилъ людей и приведя фрегатъ къ вѣтру легъ въ дрейфъ. (То есть, отнявъ ходъ у него, остался почти на мѣстѣ, оборотя носъ его въ противную той сторону, куда мы шли). Потомъ разбудилъ Капитана и сказалъ ему о случившемся. Онъ вышелъ на верхъ и спрашивалъ не показалось ли намъ это? но какъ мы оба видѣнное нами утверждали, то онъ и велѣлъ оставаться въ семъ положеніи до утра. По разсвѣтѣ открылись намъ Сицилійскіе берега и мы не далеко отъ насъ увидѣли, малый въ окружности, но со всѣхъ сторонъ утѣсистый и довольно высокой ка-

менной островъ, называемый Стромбулъ. Онъ огнедышущій и весьма рѣдко бросаетъ изъ себя пламень. Мы шли прямо на него, и естьли бы онъ не выкипулъ изъ себя огня, или бы выкипулъ нѣсколько минуть позже, то бы мы безъ всякаго сомнѣнія ударились и разбились объ его крутыя стѣны. Милость Божія повелѣла ему насъ спасти. Тутъ узнали мы, что въ счисленіи нашемъ была великая погрѣшность, и что мы по картѣ считали себя гораздо далѣе отъ Сициліи нежели въ самомъ дѣлѣ были. Я во время плаванія моего по морямъ примѣтилъ, что какъ бы нѣкій промыслъ Провидѣнія печется о спасеніи мореплавателей; онъ поправляетъ ошибочное и немогущее никогда быть вѣрнымъ искуство ихъ; ибо если исчислить непредвидимые случаи, въ которыхъ предстоящая опасность нечаяннымъ образомъ открывается, то сихъ случаевъ несравненно болѣе, нежели кораблекрушеній. Часто бываетъ, что плавающее долговременно судно нѣсколько разъ внезапнымъ образомъ исторгалось изъ угрожавшаго ему бѣдствія. Не явенъ ли здѣсь промыслъ Божій? Да замѣтитъ сіе всякъ мореплаватель, и да сопутствуетъ съ нимъ мысль сія къ ободренію и утѣшенію его въ опасныхъ и сомнительныхъ, толь часто на морѣ случающихся обстоятельствахъ.

VI.

Пребываніе въ Мессинѣ.

Мы пришли въ Мессинскую гавань и стали на якорь. Расположенный по лукоморью амфитеатромъ городокъ сей прекраснымъ видомъ своимъ прельстилъ наше зрѣніе. Мессинскій проливъ отдѣлялъ отъ насъ простирающійся отъ Неаполя берегъ и холмистую Калабрію. Знаменитая гора Этна во всемъ величествѣ своемъ стояла передъ нами, вознося вершину свою превыше облаковъ. Воображеніе представляло намъ стучащихъ въ ней по наковальнѣ тяжелыми молотами Циклоповъ. Мы съѣхали на берегъ, ходили по городу, были въ театрѣ, проводили вечеръ у одного купца, у котораго въ прекрасномъ домѣ, прекрасная жена, прекрасно играла на клавикордахъ и пѣла. На судахъ нашихъ явилось изобиліе припасовъ, свѣжіе въ тотъ же день сорванные съ деревъ лимоны и апельсины. Но мы недолго наслаждались спокойною въ сей пристани стоянкою. Скоро соединились мы съ фрегатомъ Сѣвернымъ Орломъ. Онъ, идучи къ намъ, и не встрѣтясь съ нами въ пути, прошелъ въ Ливорну, гдѣ извѣстясь о нашемъ отбытіи, въ слѣдъ за нами пришелъ въ Мессину. Тутъ

узналъ я, что оставленный на немъ больной человѣкъ мой, о которомъ я выше сего упоминалъ, умеръ. Необыкновенное обстоятельство смерти его побуждаетъ меня разсказать о семъ. Лѣкарь, которому я поручилъ его, увѣдомилъ меня, что онъ сначала не могъ узнать его болѣзни, но что пришедъ однажды давать ему лѣкарство, услышалъ исходящій отъ него тяжелый запахъ. Онъ сталъ спрашивать, нѣтъ ли у него на тѣлѣ какой болячки? Но какъ человѣкъ запирался въ томъ, то лѣкарь велѣлъ его раздѣть, и тутъ увидѣлъ, что онъ раненъ въ бокъ ножемъ, и что вся рана воспламенилась уже антоновымъ огнемъ, отъ котораго спасти было невозможно. Неизвѣстно какая несчастная мысль поселилась ему въ голову не сказывать никому о сей ранѣ, полученной имъ во время драки въ Портъ-Магонѣ. Мнѣ жаль было лишиться человѣка, и тѣмъ больше, что онъ со мною былъ одинъ; но всего пуще сокрушало меня то, что я укорялъ себя въ моей также несчастной къ нему жалости; ибо еслибы тогда, когда я за сію драку наказать его хотѣлъ, не сжалился я надъ нимъ и велѣлъ его раздѣть, то открылось бы, что онъ раненъ, и тогда рану сію легко бы можно было залѣчить. Долго не могъ я выкинуть сего изъ головы своей, почитая себя какъ бы виновникомъ его смерти.

VII.

Плаванiе изъ Мессины до острова Лонги или Порта Манлры и пребыванiе въ ономъ.

Мы скоро отправились изъ Мессины. Я перешелъ опять на фрегатъ Сѣверный Орелъ, и былъ очень тѣмъ доволенъ. По четырехъ дневномъ плаванiи, прошедъ мысы Спартивенто и Матапанъ, увидѣли мы островъ Чериго, баснословное жилище Венеры, называемое нѣкогда Цитерою. Между имъ и лежащимъ въ нѣкоторомъ отъ него разстоянiи островомъ Кандiею (древнимъ Критомъ, вступили мы въ Архипелагъ, и на другой день между Ромелiйскимъ берегомъ и островомъ Лонго, въ Портѣ называемомъ Мандра, стали на якорь. Тутъ нашли мы Турецкой фрегатъ, съ которымъ когда поравнялись, то увидѣли, что у него люди стоятъ по пушкамъ въ готовности палить изъ нихъ. Мы къ своимъ поставили также людей съ приказанiемъ начать бой, какъ скоро они откроютъ огонь. Между тѣмъ послали къ нимъ офицера сказать, что у насъ миръ и мы не пришли съ ними воевать. Тогда Капитанъ Турецкiй сталъ требовать салюта (поздравленiя). На это офицеръ нашъ сказалъ ему: »вы хозяева, а мы у васъ гости; и такъ,

слѣдуя учтивости, не мы васъ, а вы напередь должны насъ поздравить « Турка убѣдился его словами, и отсалютовалъ намъ изъ нѣсколькихъ пушекъ, на что мы ему тѣмъ же числомъ выстрѣловъ отвѣчали, послѣ чего онъ снялся съ якоря и ушелъ. Здѣсь назначено было *рандеву* *). (Фрегаты Павель и Святый Павелъ скоро за нами пришли, а о Констанціи долго мы были въ сомнѣніи и напослѣдокъ узнали, что она, по причинѣ крѣпкаго вѣтра, прошла прямо въ Константинополь. Мы, какъ въ ожиданіи Констанціи, такъ и за противными вѣтрами стояли тутъ около трехъ недѣль. Отъ сего мѣста не болѣе дватцати верстъ находится славный въ древнія времена городъ Аѳины, который нынѣ знаменитъ токмо развалинами своими. Сильное любопытство влекло меня увидѣть сей городъ; но сначала препятствовали тому крѣпкіе вѣтры, потомъ трудность сыскать лошадей и наконецъ безпрестанное ожиданіе благополучнаго вѣтра, съ

---

*) Употребительное у мореплавателей Французское слово, соотвѣтствующее нашему *свиданіе*. То есть, когда идущія подъ предводительствомъ одного многія суда на морѣ разлучатся, то каждому изъ нихъ напередъ объявляется, куда идти для соединенія съ прочими, которыя тамъ будутъ его дожидаться.

которымъ должны мы были тотчасъ, какъ скоро онъ настанетъ, сняться съ якоря и идти въ путь. Мы часто съѣзжали на берегъ, на сію толико въ Греческихъ бытописаніяхъ прославленную землю, называемую Аттикою, ходили по пустымъ едва обитаемымъ мѣстамъ, ничего не попадалось намъ на ней примѣчанія достойнаго, кромѣ, что находили индѣ, почти уже сравнявшіеся съ землею, подножія огромныхъ мраморныхъ столповъ, которыя хотя и сохранили еще видъ свой, но были уже такъ рухлы, что ихъ можно было какъ песокъ брать рукою. Мы видѣли также нѣсколько новѣйшихъ Греческихъ часовенъ съ написанными на стѣнахъ ихъ изображеніями Святыхъ и не могли надивиться буйству и злочестію безбожныхъ Французовъ, которые, заходя иногда въ сей Портъ, не оставили ни одной часовни безъ того, чтобъ не обезобразить лицъ Святыхъ, и не начертать вездѣ насмѣшливыхъ и ругательныхъ подписей. Удивительно до какой злобы и неистовства доводитъ развращеніе нравовъ! Пусть бы сами они утопали въ безвѣріи, но за чѣмъ же вѣроисповѣданіе другихъ, подобныхъ себѣ Христіанъ, ненавидѣть? Для чего Турки не обезобразили сихъ часовенъ? Для чего не иной какой языкъ читается въ сихъ гнусныхъ надписяхъ, какъ только Францускои? За то мы видимъ и плоды отъ то-

го прекрасные. Однажды пошли мы съ пріятелемъ моимъ Тимирязевымъ далѣе по горамъ, на одинъ высокій мысъ, называемый *Колонно.* Онъ получилъ сіе названіе по сохранившимся на немъ мраморнымъ столпамъ, или колоннамъ, которые суть остатки какого нибудь великолѣпнаго въ древности храма. Разсматривая ихъ мы воспламенились снова желаніемъ увидѣть Аѳины и какъ оныя уже были отъ насъ не далѣе пятнадцати верстъ, то мы не смотря на великую нашу усталость, рѣшились идти туда пѣшкомъ въ надеждѣ, что авось-либо тамъ найдемъ кого нибудь, съ кѣмъ познакомимся и можетъ быть оттуда насъ привезутъ на лошадяхъ. Сія мысль прельстила насъ, и мы пошли; но едва только успѣли взойти на первую гору, какъ услышали пушечный выстрѣлъ и увидѣли на фрегатѣ нашемъ марсель-лось (знакъ сниманія съ якоря). Такимъ образомъ, оставя всѣ наши мечты объ Аѳинахъ, принуждены мы были, не жалѣя ногъ, бѣжать къ своимъ фрегатамъ, и лишь только на дожидавшейся насъ у берега шлюбкѣ пріѣхали на нихъ, то и вступили подъ паруса. Въ тожъ время перемѣщенъ я былъ съ фрегата Сѣвернаго Орла на фрегатъ Павелъ. Сія перемѣна сдѣлана была по желанію моему, и хотя съ одной стороны не хотѣлось мнѣ разстаться съ прежнимъ моимъ жилищемъ,

но какъ съ другой безъ сего надлежало мнѣ отказаться отъ удовольствія быть въ Константинополѣ, потому что Сѣверный Орелъ, будучи военнымъ фрегатомъ не могъ туда идти, то и предпочелъ я нехотѣнію сойти съ него любопытство увидѣть сію древнюю Греческихъ Царей столицу.

VIII.

Плаваніе изъ Порта Манлры до острова Тенедоса и стоянка приономъ.

Мы отправились отъ острова Лонги или изъ Порта Манлры Генваря 14 (1777), миновали островъ Паросъ, знаменитый своими мраморами; прошли островъ Сиро; видѣли островокъ Калугеръ, кажущійся изъ дали плывущимъ подъ парусами судномъ, и по двудневномъ плаваніи пришедъ къ острову Тенедосу стали на якорь. Я спѣшилъ съѣхать на берегъ, дабы побывать въ томъ мѣстѣ, откуда нѣкогда Агамемнонъ, Ахиллъ, Улиссъ, Менелай и другіе Греческіе Цари, готовились со флотомъ идти на противулежащій верстахъ въ двадцати берегъ, на которомъ стояла славная Троя. Мы зашли въ

кофейный домъ, гдѣ было нѣсколько Турокъ. Двое изъ нихъ молодые, опрятно одѣтые люди, приласкались къ намъ и подчивали насъ кофiемъ, трубкою табаку и конфектами. Тутъ случился переводчикъ и чрезъ него могли мы съ ними разговаривать. Они разсказывали намъ, что въ прошедшую войну были во многихъ съ нашими войсками сраженiяхъ, а особливо упоминали о Модонской крѣпости, подъ которою мы имѣли неудачную битву. Мы дали имъ волю тѣмъ хвалиться, не вспоминая ни о сраженiи флота ихъ подъ Чесмою, ни о другихъ многократныхъ битвахъ, въ которыхъ они были побѣждены. Когда мы стали съ ними прощаться, то они вызвались проводить насъ до шлюпки. Мы предложили имъ, не хотятъ ли они увидѣть нашъ фрегатъ; они сперва отговаривались позднимъ временемъ, сказывая что гавань къ вечеру запирается; однакожъ послѣ согласились и поѣхали съ нами. Сидя въ шлюбкѣ, они изъявляли намъ разныя по своему обычаю привѣтствiя и ласки, изъ которыхъ иныя были весьма странны. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ сидя со мною рядомъ, вдругъ, не говоря ни слова, перстомъ своимъ мазнулъ меня чѣмъ-то жидкимъ по губамъ, такъ что я содрогнулся отъ испуга. Это была душистая мазь; онъ думалъ сдѣлать мнѣ этимъ нечаянную прiятность.

По приѣздѣ на фрегатъ мы провели ихъ въ *каютъ-компанію* (общая для всѣхъ офицеровъ комната) и какъ надобно было намъ также чѣмъ нибудь ихъ поподчивать, то между прочимъ велѣли мы подать бутылку вина, и хотя знали, что Туркамъ законъ ихъ запрещаетъ пить вино, однакожъ спросили у нихъ, не хотятъ ли они отвѣдать нашего напитка? Они сперва взглянули другъ на друга и стали отговариваться, но потомъ, когда мы имъ сказали, что это не вино, а шербетъ (родъ Турецкаго лимонода), то они попросили и каждый выпилъ рюмку свою такъ, что не оставилъ въ ней ни капли. Спустя немного они сами стали просить еще поподчивать ихъ, потомъ и въ другой разъ и въ третій, и наконецъ такъ часто, что присутствіе ихъ стало становиться намъ въ тягость, и тѣмъ больше, что уже вино произвело надъ ними свое обыкновенное дѣйствіе. При томъ же и Капитанъ прислалъ къ намъ съ выговоромъ, что мы, не спрося у него позволенія, привезли гостей и долго ихъ у себя держимъ. Мы видя, что они сами не ѣдутъ и не зная, какъ ихъ сжить съ рукъ, велѣли имъ сказать, что шлюпка для нихъ готова, и что опасаемся долѣе держать ихъ, по причинѣ, какъ они сами сказывали, что гавань къ ночи запираютъ. Они отвѣчали, что она давно уже заперта, но что

это не мѣшаетъ остаться имъ еще долѣе. Капитанъ между тѣмъ прислалъ повторительно свой выговоръ. И такъ принуждены мы были сказать имъ безъ всякихъ околичностей, что имъ надобно ѣхать, и что мы хотимъ сниматься съ якоря. Тогда одинъ изъ нихъ выбѣжалъ на верхъ и возвратясь сказалъ, что намъ сниматься ни какъ не льзя по причинѣ ночи и противнаго вѣтра. Мы погодили еще съ полчаса, и наконецъ должны были сказать имъ, что намъ обоимъ надобно идти къ своей должности, и мы не можемъ долѣе съ ними оставаться. Они отвѣчали, чтобъ мы шли и объ нихъ не заботились: они посидятъ покамѣстъ одни. Проговоря сіе, одинъ изъ нихъ налилъ двѣ рюмки вина, одну выпилъ самъ, а другую поднесъ своему товарищу. Не зная, что намъ дѣлать съ такими нахальными гостьми, мы ушли отъ нихъ и поручили переводчику сказать имъ, что мы не возвратимся, и чтобъ они ѣхали. Но какъ они и тутъ еще хотѣли оставаться и не шли изъ каюты, то напослѣдокъ рѣшились мы послать къ нимъ нѣсколько человѣкъ матросовъ, взять ихъ, насильно посадить въ шлюпку и отвезти на берегъ. Такимъ образомъ пяти или шести часовое знакомство наше началось великою учтивостію и кончилось великою грубостію.

IX.

Плаванiе отъ острова Тенедоса до Константинополя.

Чрезъ нѣсколько дней мы разстались съ Сѣвернымъ Орломъ и прошедь первые Дарданеллы вступили въ проливъ, соединяющiй Архипелагъ, или какъ Турки называютъ, Бѣлое море, съ древнимъ Пропонтидомъ или нынѣшнимъ Мраморнымъ моремъ. Плаванiе по проливу, простирающемуся около двухъ сотъ верстъ въ длину, между крутыми и прекрасными берегами, отстоящими другъ отъ друга недалѣе четырехъ или пяти верстъ, показалось мнѣ весьма прiятнымъ. Мы часто за противнымъ вѣтромъ останавливались на якорь, и мнѣ случалось неоднократно гулять или ходить съ ружьемъ до полудня въ Европѣ, а послѣ полудня въ Азiи. Въ одно время остановились мы близъ небольшой крѣпостцы, которую поѣхали изъ любопытства посмотрѣть. Начальникъ этой крѣпости зазвалъ насъ обѣдать. Мы сѣли не за столъ, а за нѣкакой поставленный посреди комнаты на низенькихъ ножкахъ подносъ, на которой ставили по одному блюду и ѣли руками, по тому что не было ни одного при-

бора. Двое Турокъ и трое насъ сидѣли вокругъ сего подноса. Турки поджавъ ноги, а мы протянувъ свои, и опираясь лѣвою рукою въ полъ; ибо отъ непривычки не могли такъ сидѣть, какъ они.

Сіе положеніе между лежаньемъ и сидѣньемъ, было для насъ такъ трудно, что мы принуждены были перемѣнять оное, поворачиваясь то на правой, то на лѣвой бокъ. Хозяинъ былъ человѣкъ уже довольно пожилой, но по видимому веселый и гуляка: онъ велѣлъ подать вина, подносилъ намъ и самъ пилъ по крайней мѣрѣ втрое противъ насъ, такъ что изъ за стола всталъ съ примѣтною очень шумною головою; другой напротивъ того также немолодой Турка, сидѣлъ важно и чинно, ничего не говорилъ, вина не пилъ и казался быть весьма угрюмымъ. Хозяинъ шутилъ надъ нимъ въ слухъ; посмотрите какъ этотъ дуется, онъ вѣрно хочетъ донесть на меня, что я пью съ вами вино. Такой разговоръ хозяина тѣмъ больше насъ удивлялъ, что сей угрюмый Турокъ, казалось, словами его былъ очень недоволенъ. Напослѣдокъ обѣдъ кончился: мы встали; я на силу могъ приподняться, такъ отсидѣлъ или лучше сказать отлежалъ руки и ноги. На другой день пригласили мы ихъ къ себѣ на фрегатъ обѣдать, они пріѣхали, и мы, похоже на басню журавль и лисица,

отплатили имъ взаимною неудобностію: мы у нихъ лежали протянувъ ноги за низенькимъ подносомъ и ѣли руками, а они у насъ сидѣли за высокимъ столомъ на стулѣ и должны были горячее хлѣбать ложкою, которую не умѣли взять въ руки и поминутно обжигались. По отъѣздѣ ихъ отъ насъ мы снялись съ якоря и продолжали свой путь. Однажды остановились и также съѣхавъ на Азіатской берегъ, зашли мы въ лежащее на немъ мѣстечко, и проходя оное увидѣли бѣгущаго за нами человѣка, который сказалъ намъ, что господинъ его проситъ насъ къ себѣ въ гости. Мы согласились послѣдовать за нимъ, и вошли въ небольшой, но весьма изрядной домикъ, въ которомъ два богато одѣтые Турка сидѣли на диванѣ. Одинъ изъ нихъ (по видимому хозяинъ) просилъ насъ сѣсть. Два Арапа подали намъ кофе и трубки съ табакомъ. Каждый изъ нихъ держалъ еще въ рукѣ хрустальную чашку съ мѣлкимъ розоваго цвѣта-сахаромъ. Турки вмѣстѣ съ нами пили кофе и, что показалось намъ странно, чванство и нѣга ихъ были такъ велики, что они лѣнились сами брать сахаръ изъ чашки, а служащіе имъ Арапы, черпая оный ложечкою, подносили и клали имъ въ разинутой ротъ, какъ будто безрукимъ. Они долго разговаривали съ нами, распрашивая о разныхъ вещахъ и между прочимъ сказа-

ли, что хотя мы недавно были съ ними въ войнѣ, но теперь возстановилась между нами пріязнь, и мы должны забыть прошедшую вражду. Мы увѣряли ихъ, что миръ и дружба съ ними намъ весьма пріятны, поблагодарили ихъ за ласку, откланялись и пошли на свой фрегатъ. Скоро потомъ вступили подъ паруса и продолжая плаваніе наше прошли вторые Дарданеллы, которые, по причинѣ быстраго противнаго теченія и крутаго заворота пути, ведущаго подъ самыя пушки крѣпости, суть самые трудные для прохода непріятельскому флоту въ Константинополь. По входѣ въ Мраморное море спокойное плаваніе наше перемѣнилось въ крайне безпокойное, а особливо въ одну ночь, всѣ мы очень измучились: вѣтръ безпрестанно перемѣнялся и не сохранялъ ниже 10 минутъ одинакаго направленія и силы; вдругъ изъ самаго тихаго дѣлался самымъ крѣпкимъ, и между тѣмъ какъ съ одной стороны стихалъ, съ другой съ новою лютостію начиналъ свистать, такъ что при малѣйшей неосторожности въ уборкѣ парусовъ могъ сломать мачты. Люди не могли отходить отъ снастей, и я не могъ ни на минуту выпустить трубы изъ рукъ Крикъ и работы всю ночь продолжались безъ умолку. Причиною сему полагать должно гористые сего моря берега: теченіе воздуха иногда

препинается, иногда же вырвавшись изъ ущелинъ тѣмъ сильнѣйшее пріобрѣтаетъ стремленіе. Наконецъ поутру открылся намъ Царь-градъ. Высокія башни и толстыя мечети его представлялись посреди великаго множества мѣлкихъ домовъ, изгибисто на семи холмахъ усѣянныхъ. Надъ нимъ носилось густое облако дыма. Пловущихъ насъ къ нему сопровождали превеликія стада кувыркающихся дельфиновъ и летающихъ гагаръ и чаекъ.

Мы прошли лежащій на мысу Сарай (Султанской дворецъ) и вошли въ проливъ, соединяющій Черное море съ Мраморнымъ. Четыре фрегата наши: Григорій, Наталія, Св. Павелъ и Констанція, стояли уже прикрѣпясь къ берегу противъ части города, называемой Топхана. Мы стали между ими.

X.

Пребываніе въ Константинополѣ.

Осмотръ.

Тотчасъ явились къ намъ досмотрщики, съ длинными желѣзными шестами, которыми, пропуская ихъ сквозь песокъ, ощупывали

не имѣемъ ли мы зарытыхъ на днѣ судна пушекъ, и хотя дѣйствительно, по звуку ударенія желѣза въ желѣзо, могли оныя ощупать, однакожъ звукъ подареннаго имъ золота, заглушилъ сей звукъ желѣза и принудилъ ихъ написать, что ничего не нашли.

Опасность нашего положенія.

Въ тотъ же день явились мы къ Посланнику нашему Стахееву, отъ котораго узнали, что Французы внушили Туркамъ подозрѣніе, будто мы нагружены пушками, порохомъ, всѣми воинскими снарядами, и на военныхъ судахъ, подъ видомъ купеческихъ, хотимъ пройти въ Черное море. Отчасти это была правда, но въ нѣсколько разъ увеличенная. Турки, напуганные сими предварительными внушеніями, подослали къ намъ, когда еще мы были въ Ливорнѣ, соглядатая, который умѣлъ хорошо говорить по Руски, называлъся Рускимъ, бывшимъ въ неволѣ у Алжирцевъ, откуда будто бы бѣжалъ, и услыша о приходѣ нашихъ судовъ, пришелъ въ Ливорну съ прозьбою, чтобъ его принять въ число служителей. Онъ былъ принятъ и по прибытіи нашемъ въ Константинополь сбѣжалъ, явился въ Диванѣ (верховное судилище

Турецкое), и насказалъ объ насъ, что фрегаты наши начинены порохомъ и люди на нихъ посланы такіе, которые всѣ осуждены были на смерть, и только съ тѣмъ освобождены отъ оной, чтобъ пройти въ Черное море, или, въ случаѣ возбраненія въ томъ, сожечь Константинополь. Сіи слухи, которымъ, при всей ихъ нелѣпости, отчасти можетъ статься было повѣрено, вмѣсто вреда принесли намъ пользу. Турецкое Правительство положило сдѣлать на суда наши нападеніе, взять ихъ, вынуть рули и всѣхъ насъ посадить въ башню, покуда не будетъ рѣшено, миръ ли у насъ продолжится съ ними, или война. О семъ намѣреніи Дивана прислано было къ намъ увѣдомленіе отъ нашего Посланника, который на вопросъ: что намъ дѣлать, отдаться ли или обороняться? отвѣчалъ намъ: »мое дѣло было васъ предувѣдомить, а ваше по воинскимъ вашимъ правиламъ рѣшиться, какъ въ такомъ случаѣ поступать« Сіе обстоятельство наводило намъ крайнее безпокойство. На всѣхъ нашихъ фрегатахъ было съ небольшимъ тритцать пушекъ и около четырехъ сотъ человѣкъ служителей. Съ одной стороны столь малыя силы, посреди толь многолюдной столицы, представляли невозможность обороняться, а съ другой народная гордость и стыдъ покориться безъ всякаго сопротивле-

нія такому народу, который мы всегда побѣждать привыкли, казалось покроетъ насъ вѣчнымъ срамомъ и укоризнами. Иностранцы, приходившіе иногда на суда наши, любопытствовали знать, будемъ ли мы оборонять я, или нѣтъ; ибо слухъ о нападеніи на насъ по всему городу распространился Мы были въ крайнемъ недоумѣніи. Посланникъ отрицался распоряжать нашими дѣйствіями. Каждый Капитанъ на своемъ фрегатѣ, поелику всѣ оные были подъ купеческими флагами, считалъ себя независящимъ отъ другаго начальникомъ. Отсюду иные хотѣли лучше умереть, нежели отдаться безъ обороны, другіе напротивъ того утверждали, что такое безполезное сопротивленіе было бы весьма неблагоразумное отчаяніе, которымъ и самое Правительство наше будетъ недовольно.

Отважность Капитана Мосолова.

При сихъ разныхъ толкахъ, вдругъ въ одну довольно темную ночь увидѣли мы на лежащемъ противъ насъ берегу превеликую вокругъ Султанскаго дворца тревогу, шумъ и бѣганье взадъ и впередъ, множество людей съ зажженными фонарями. Мы положи-

ли навѣрное, что это вооруженіе противъ насъ. Одинъ изъ нашихъ фрегатовъ (Наталія) поднялъ тотчасъ якорь, отрубилъ веревки, которыми прикрѣпленъ былъ къ берегу, зарядилъ пушки картечью, подвинулся на средину залива и приготовился отстрѣливаться, какъ скоро на него нападать станутъ. Однакожъ дѣло обошлось безъ кровопролитія. Мы вскорѣ на нашей сторонѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ, увидѣли большой пожаръ, на которой самъ Султанъ, со множествомъ сопровождавшихъ его, поплылъ на лодкахъ. Послѣ сего приключенія, слухи о нападеніи на насъ стали умолкать, и мы сдѣлались спокойнѣе. Можетъ быть расказы сбѣжавшаго отъ насъ соглядатая, что суда наши начинены порохомъ и мы всѣ люди отчаянные, способствовали не мало къ отвращенію Турокъ отъ сего предпріятія. Страхъ будущаго мщенія и настоящей опасности могъ ихъ поколебать. Въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ единодушнаго отпора, хотя бы мы при толь великомъ неравенствѣ силъ и должны были наконецъ погибнуть, однакожъ Султанской дворецъ и окрестные домы могли бы много потерпѣть отъ нашихъ ядеръ и картечь.

Приключеніе съ матросомъ.

При томъ же случившееся нечаянно приключеніе долженствовало мысль ихъ объ отчаянности нашей еще болье подтвердить: одинъ изъ нашихъ матросовъ пошелъ въ городъ и опоздалъ возвратиться назадъ. Турки обыкновенно съ закатомъ солнца уходятъ домой и никто на улицѣ не остается. Часть города, въ которой онъ былъ, къ вечеру запирается и ключъ отъ воротъ относится къ Коменданту. Между тѣмъ ходитъ Турецкой дозоръ, состоящій изъ одного офицера и человѣкъ десяти или двѣнатцати вооруженныхъ людей. Матросъ, не зная ничего объ этомъ, возвращается къ воротамъ и находитъ ихъ запертыми. Онъ покушается выдти, но никакъ не можетъ. Вдругъ видитъ онъ идущихъ къ нему Турокъ. Это былъ дозоръ. Турки хотятъ ему растолковать, что ворота заперты, и что ему надобно идти съ ними къ Коменданту, дабы для выпуска его выпросить ключь. Матросъ не понимаетъ ихъ и думаетъ, что они хотятъ его взять и отурчить. Онъ противится, нейдетъ. Они приступаютъ къ нему и ведутъ насильно. Онъ вырывается изъ рукъ ихъ, и не имѣя инаго оружія, сжимаетъ кулаки и начинаетъ

съ ними драться. Нѣкоторымъ изъ нихъ досталось по тяжелому удару, не выключая и самаго офицера; напослѣдокъ они его преодолѣли, сбили съ ногъ, связали и привели къ Коменданту. На другой день донесено было о семъ самому Султану. Вышло отъ него повелѣніе: матроса отвести на фрегатъ и требовать, чтобъ онъ за дерзкой съ дозоромъ поступокъ, при свидѣтельствѣ сего посланнаго, былъ казненъ. Бѣднаго матроса слегка высѣкли кошками, обьявя приведшему его отъ Дивана чиновнику, что у насъ тяжелѣ сего наказанія не бываетъ. Можетъ быть сія отважность одного безоружнаго человѣка, не устрашившагося противустать двѣнатцати вооруженнымъ, прибавила нѣчто къ прежнимъ слухамъ и увеличила опасеніе напасть на такихъ отважныхъ людей.

Предпріемлемыя мѣры для уменьшенія въ Туркахъ подозрѣнія.

Между тѣмъ для уменьшенія подозрѣнія въ Туркахъ велѣно было фрегату Григорію наняться отвезти нѣкоторый грузъ въ Смирну и другія мѣста, дабы чрезъ то изъявить, что это не военныя, а торговыя суда; онъ нанялся, нагрузился и пошелъ. Сверхъ сего

отъ Посланника нашего строго приказано было, чтобъ не имѣть по ночамъ стражи и показывать весь видъ совершенно купеческихъ судовъ. Сими и подобными тому средствами наконецъ достигли до того, что Правительство Турецкое отмѣнило свое намѣреніе и слухи о нападеніи на насъ совсѣмъ прекратились.

Знакомства наши и мои занятія.

Пребываніе наше въ Константинополѣ имѣло довольно пріятностей Мы часто обѣдали и проводили вечера у Посланника нашего Стахеева, также и у другихъ Посланниковъ тѣхъ державъ, которыя были въ согласіи съ нашимъ Дворомъ. Сіи вечерніи собранія, по причинѣ разности одеждъ, похожи были на маскерады. Танцы и карточная игра въ банкъ многихъ занимали и увеселяли Сверхъ сего мы познакомились со многими домами живущихъ въ Перѣ *) Евро-

*) Часть города, лежащая на горѣ, и отдѣляющаяся заливомъ отъ той части города, которая собственно называется Константинополемъ, или Царь-градомъ, или по Турецки Стамбуломъ. Въ Перѣ живутъ всѣ Европейскихъ дворовъ Посланники со всѣми при нихъ чиновниками, также и поселившіеся или пріѣзжающіе на время иностранцы.

пейцевъ, такожъ Драгомановъ *) и другихъ Грековъ, куда по вечерамъ же схаживались разныхъ Державъ пожилые и молодые люди, провождая время въ разговорахъ и различныхъ играхъ. Женщины здѣшнія (разумѣется Гречанки и другія; ибо Турчанокъ не можно иначе видѣть, какъ только на улицѣ, и то съ закрытымъ лицемъ) весьма обходительны и ласковы. Почти всякая изъ нихъ говорить на всѣхъ языкахъ, по причинѣ всегдашняго обращенія ихъ съ людьми разныхъ государствъ. Онѣ носятъ на головѣ турбанъ, обвитый ихъ волосами; одѣваются въ тонкое платье, обнажаютъ грудь и опоясываются поясомъ съ большею напереди бляхою. У хорошихъ женщинъ станъ высокій, лице орлиное, поступь величественная. Жена переводчика нашего Лашкарева почиталась въ сіе время красавицею. Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ почти ежедневно были въ сихъ собраніяхъ; но я не раздѣлялъ съ ними ихъ удовольствій, или участвовалъ въ томъ очень мало, провождая по нѣскольку дней сряду въ уединеніи, заперишсь съ книгами въ маленькой моей каютѣ. На это были многія причины: безпокойный нравъ

---

*) Переводчики при Турецкомъ дворѣ и при Посланникахъ, большею частію Греки.

и сварливость моего начальника наводили мнѣ много скуки и огорченія; не было никакой возможности съ нимъ ужиться; никакая осторожность не помогала; никакого терпѣнія недоставало. Къ сему присовокупилось еще несравненно горестнѣйшее обстоятельство: я получилъ изъ Россіи письмо, увѣдомившее меня о смерти весьма близкой къ сердцу моему особы.

Послѣ долгаго сидѣнья моего на фрегатѣ, сталъ я напослѣдокъ изрѣдка съѣзжать съ онаго. Промежутки мирныхъ временъ съ Капитаномъ при умѣренныхъ моихъ желаніяхъ ходить по пирамъ и бесѣдамъ, доставляли мнѣ еще столько свободы, что я могъ иногда и на нихъ бывать, и отлучаться въ другія мѣста, для удовлетворенія моего любопытства. Однажды ѣздилъ я по лежащему къ западу заливу, называвшемуся нѣкогда Цераскимъ, и по проливу, простирающемуся верстъ на тритцать къ сѣверу, отъ устья Мраморнаго до устья Чернаго моря, проѣзжая по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ополченный противу Скиѳовъ Дарій перевелъ нѣкогда многочисленныя войска свои по мосту; гдѣ были города: Никополисъ, Мирлетонъ, дворецъ Царя Амикуса, Іероновъ храмъ, Тимеевъ маякъ и другія достопамятныя въ древности мѣста. Проливъ сей извѣстенъ былъ прежде подъ именемъ Ѳракійскаго босфора.

Онъ начинается отъ двухъ мысовъ Мраморнаго моря, изъ которыхъ на Европейскомъ лежалъ городъ Византія (нынѣ Константинополь), а на Азіатскомъ Калхидонія или Хризополь, и отселѣ въ неравныхъ широтахъ, раздѣляя Европу отъ Азіи, идетъ къ Черному морю или Евксинскому понту; берега его украшены зеленью и холмами. Нынѣ на Европейскомъ берегу, близъ устья Чернаго моря, находится мѣстечко, называемое Буюкдери, которое состоитъ изъ загородныхъ домовъ, выстроенныхъ Европейскими Посланниками, куда они лѣтомъ или во время чумы уѣзжаютъ жить. Мы заходили въ одинъ изрядно убранный Султанскій домикъ, но Турки не даютъ долго останавливаться и разсматривать, думая, можетъ быть, что подобныхъ диковинокъ въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ, и что для того довольно взглянуть на нихъ и бѣжать скорѣе вонъ. Чрезъ нѣсколько дней, когда мы были въ славномъ и великолѣпномъ храмѣ, что былъ нѣкогда церковію святыя Софіи, а нынѣ сталъ мечетью (такъ называютъ Турецкіе молитвенные храмы), Янычары, сопровождавшіе насъ, также не дали намъ долго заставаться и насыщать наше зрѣніе. Но здѣсь они правы; ибо въ каждомъ находящемся во внутренности сего зданія Христіанинѣ раждается желаніе обратить

оное въ прежнюю православную церковь; каждый думаетъ:

Giusto é ritor ciò ch'a gran torto é tolto *).

То есть: »Праведно отобрать назадъ то, что съ великою неправдою было отнято.«

Екатерина Великая ослабила исполинскую силу Магометанской Порты, назвала внука своего Константиномъ и обучала его Греческому языку, дабы нѣкогда, по освобожденіи Греціи изъ оковъ Магометанства, содѣлать его царствующимъ въ Константинополѣ. Она имѣла тогда свои на то виды, которые послѣ ней, съ теченіемъ времени и при перемѣнахъ политическихъ въ Европѣ обстоятельствъ, измѣнились и приняли иное направленіе.

Святая недѣля.

Впрочемъ Турокъ нельзя кажется укорять нетерпимостію къ Христіанской вѣрѣ. Въ Свѣтлое Воскресеніе Христово, служба въ Греческихъ церквахъ начинается, также какъ и у насъ, въ самую полночь Я не могъ въ сей день надивиться спокойствію Магометанъ. Всѣ Христіанскія въ Перѣ церкви

*) Тассъ въ освобожденномъ Іерусалимѣ, пѣснь 2, строфа 25, стихъ 2.

освѣщены были и наполнены людьми. Служба, облаченіе священниковъ, обряды, пѣснопѣніе, совершаются съ полною свободою и безопасностію. Народъ въ великомъ количествѣ ходитъ по улицамъ съ фонарями, и нигдѣ нѣтъ ни одного Турка. Всѣ они благополучно спятъ и съ ними, кажется, спитъ всякое подозрѣніе; такъ что въ сію ночь забываешься, и ни какъ не думаешь быть въ Турецкомъ городѣ. Торжество Христіанъ было въ сей день гораздо примѣтнѣе, нежели торжество Турокъ въ ихъ праздники, въ которыхъ однакожъ понравилось мнѣ освѣщеніе Константинополя. Изъ множества здѣшнихъ мечетей при каждой находится по нѣскольку тонкихъ и высокихъ башень, которыя служатъ вмѣсто нашихъ колоколенъ *). Сіи башни, называемыя минаретами, имѣютъ въ вершинѣ своей нѣсколько тройныхъ поясовъ, одинъ другаго ниже. Сіи поясы обставляются каждый тремя рядами плошекъ, которыя, когда зажгутся, то чѣмъ темнѣе ночь, тѣмъ прекраснѣйшій дѣлаютъ видъ; ибо, не видя башень, видишь, какъ бы на воздухѣ, множество огней. — Изъ Перы въ Стамбулъ переѣзжаютъ на лодкахъ. Заливъ

*) Турки не имѣютъ колоколовъ, но люди, всходящіе на сіи башни, вмѣсто звона, крикомъ своимъ сзываютъ на молитву.

сей покрытъ всегда разъѣзжающими взадь и впередъ гребными судами. Турецкія лодки, а особливо десятивесельныя, отмѣнно легки. Одинъ человѣкъ гребетъ двумя веслами. при каждомъ ударѣ привставая, и лодка летитъ какъ птица.

Торжественное свиданіе съ Визиремъ.

Во всю нашу бытность Посланникъ нашъ имѣлъ одинъ только разъ торжественное свиданіе съ Визиремъ. — Мы никто не носили мундировъ по той причинѣ, что суда наши были подъ купеческими флагами; но въ этотъ день намъ четверымъ кадетскимъ офицерамъ, потому что мы имѣли нарядные мундиры, велѣно было надѣть ихъ и составить свиту Посланника. Съ тѣхъ поръ обьявили насъ военными офицерами, путешествующими на купеческихъ судахъ и мы могли ходить въ мундирахъ. Обрядъ свиданія происходилъ съ обыкновенною Азіатскою пышностію. Насъ перевезли на лодкахъ. На другой сторонѣ для одного Посланника приготовлена была верховая лошадь, а мы всѣ шли за нимъ пѣшкомъ. Дорогой одна баба шла за нимъ и кричала нѣчто по Турецки. Никто ее не отгонялъ и не унималъ. Ска-

зываютъ, что она объясняла ему свои обстоятельства и просила подаянія. По приходѣ въ Султанскій дворецъ, привели насъ въ большую комнату, наполненную множествомъ людей. Послѣ нѣкотораго ожиданія, отворились двери и два человѣка вели подъ руки окутаннаго богатыми шубами Визиря. Весь комнатный народъ прокричалъ ему три раза какія-то поздравительныя слова. Онъ сѣлъ на приготовленное для него сѣдалище, и на другое, насупротивъ себя, указалъ сѣсть Посланнику. Подали кофе и разныя закуски и окуриванія. Одинъ драгоманъ пересказалъ по Турецки рѣчь Посланничью, а другой по Руски Визирскій отвѣтъ. Обѣ рѣчи состояли въ томъ, что каждая сторона отъ имени Государя своего увѣряла въ желаніи сохранить миръ и тишину. По окончаніи сего, и послѣ нѣсколькихъ еще подчиваній и подарковъ, Визирь ушелъ въ свои комнаты, а мы отправились въ обратный путь.

Расположеніе къ намъ военныхъ Турокъ.

Европейцы, живущіе въ Перѣ при Посланникахъ, опасаются одни ходить въ Стамбулъ, и всегда берутъ съ собой провожаты-

ми одного или двухъ Янычаръ. Мнѣ однакожъ не случилось примѣтить ни какой отъ Турокъ наглости. Напротивъ того часто видѣлъ, что многіе изъ нихъ, подходя ко мнѣ и начиная говорить по Руски, вызывались къ услугамъ и всячески старались показать свое усердіе. Я удивлялся многому числу Турокъ, говорящихъ нашимъ языкомъ. Всѣ они обучились оному, будучи у насъ въ плѣну, и я не видалъ ни одного изъ нихъ, который бы содержаніемъ своимъ въ Россіи не былъ доволенъ и не отзывался о томъ съ благодарностію. Однажды ѣду я на лодкѣ по каналу; на берегу сидятъ человѣкъ десять военнослужащихъ Турокъ: они увидя меня тотчасъ запѣли Рускую пѣсню. Въ другой разъ шелъ я мимо казармъ ихъ, гдѣ они кучами сидѣли и стояли: многіе изъ нихъ кричали мнѣ по Руски разныя, большею частію, привѣтственныя слова: »Руской человѣкъ! куда идешь? Здорово братъ!« и тому подобныя.

Султанской выѣздъ въ мечеть.

Нѣкогда отправился я смотрѣть Султана, ѣдущаго въ мечеть. Покамѣсть мы дожидались, Турки и Татары окружили меня и по-

крайней мѣрѣ человѣкъ пять вступили со мною въ разговоры; каждый изъ нихъ говорилъ довольно чисто по Руски. Одинъ пустился въ расказы, какъ и гдѣ бывалъ въ Россіи. Между тѣмъ Султанская свита появилась. Тогда стоявшій подлѣ насъ Турка, видя товарища своего заговорившагося, толкнулъ его и сказалъ по Руски: *смотри, смотри Султанъ ѣдетъ!* Сей, къ крайнему удивленію моему, отвѣчалъ ему на томъ же языкѣ: *ну! что за диковинка? я и Рускую Царицу видалъ.*

Султанская свита состояла изъ множества ѣдущихъ впереди и позади его верхами людей, которые везли для него всякую всячину, словно какъ бы онъ со всѣми своими пожитками переѣзжалъ изъ дома въ домъ. Самъ онъ былъ въ срединѣ, окруженъ знатнѣйшими чиновниками: вокругъ лошади его шли Янычары съ большими опахалами изъ перьевъ, такъ что одна голова его видна была изъ за оныхъ. Надъ самымъ лбомъ его въ турбанѣ свѣтился драгоцѣнный камень. Онъ ѣхалъ тихимъ шагомъ: всѣ Турки, противъ которыхъ онъ равнялся, прижимали обѣ руки къ груди и произносили нѣкоторыя поздравительныя слова. Онъ сидѣлъ важно, не приклоняя и не повертывая головы, но такъ искусно поводилъ на обѣ сто-

роны глазами, что во взорахъ его ясно изображалась милость и благодарность.

Конское ристаніе.

Мнѣ случилось еще видѣть его въ день нѣкоего торжественнаго зрѣлища, состоявшаго въ конскомъ ристаніи. Человѣкъ до шестидесяти или болѣе молодыхъ богато одѣтыхъ въ разныя рыцарскія одѣянія Турокъ, на прекрасныхъ лошадяхъ, съ длинною и тонкою посрединѣ въ рукѣ держимою жердію, выѣхали на гладкое поле, прилежавшее одною изъ сторонъ своихъ къ довольно крутой и высокой горѣ, которая вся усыпана была сидящими на ней женщинами. Султанская съ большимъ открытымъ окномъ бесѣдка стояла на высотѣ сей горы. Онъ сидѣлъ въ ней, и два или три, по видимому, приближеннѣйшіе вельможи, махая опахалами, прохлаждали его отъ жара, или отгоняли отъ него мухъ. Сераль его (т. е. жены и женщины) со всѣми придворными чинами расположены были подлѣ сей бесѣдки. По другую сторону стоялъ народъ. Многіе бѣдные люди ходили съ мостинками и продавали ихъ тому, кто хотѣлъ стать на нихъ, дабы лучше видѣть. Я купилъ одну такую мостинку и покупкою моею былъ очень доволенъ.

Ристаніе началось: всѣ рыцари поскакали въ ту сторону, гдѣ стояла Султанская бесѣдка, и оттуда, оборачивая лошадей своихъ, разсѣялись по всему полю. Богатое убранство и красота коней ихъ кидались въ глаза. Иногда устремлялись они другъ на друга, какъ бы хотѣли сразиться, выискивая случая и приводя себя въ разныя положенія для нанесенія удобнѣйшаго удара своему сопернику; иногда одинъ, чтобъ заманить другаго, уступалъ; а тотъ гонясь за нимъ, при малѣйшей его остановкѣ, умѣлъ остерегаться. Легкое играніе держимою въ рукѣ жердію и красивые обороты рѣзвыхъ, огненныхъ коней, удивляли и восхищали зрителей. По окончаніи ристанія всѣ рыцари съѣхались на край поля. Одинъ изъ нихъ во всю конскую прыть пустился, какъ стрѣла, къ Султанской бесѣдкѣ, и лошадь его, на всемъ скаку вдругъ остановясь, упала предъ Султаномъ три раза на переднія колѣна. Всадникъ соскочилъ съ ней и пошелъ на верхъ горы подъ окно Султанской бесѣдки, гдѣ остановился, и какъ видно было, прижавъ руки къ груди разговаривалъ съ Султаномъ. Всѣ прочіе рыцари, одинъ по одному, тожъ дѣлали и каждый удостоенъ былъ нѣсколькими словами отъ Султана.

Медвѣжья травля.

Прекрасное зрѣлище сie, дѣйствительно достойное любопытства, кончилось другимъ, весьма простонароднымъ и нимало незабавнымъ, а именно: привели съ обрѣзанными ногтями медвѣдя, на котораго пустили разнаго рода самыхъ злыхъ собакъ. Они впились въ него и почти безъ всякой обороны бѣднаго растянули. Онъ только что лежалъ и ревѣлъ Одну собаку такъ трудно было отъ него оторвать, что принуждены были пихать ей въ зубы колья и вылить на голову нѣсколько ведеръ воды. Послѣ сего стали бороться и ломаться. Но какъ на такiя забавы я не охотникъ смотрѣть, то и ушелъ домой.

Шуточная самому себѣ укоризна.

Что принадлежитъ до обществъ и собранiй здѣшнихъ, я хотя не убѣгалъ ихъ, однако не такъ часто бывалъ на нихъ, какъ другiе мои товарищи. Упражненiя мои въ чтенiи книгъ, частыя ссоры съ моимъ начальникомъ, печальное о полученномъ мною извѣстiи воспоминанie, не позволяли мнѣ ис-

кать веселья, и когда случалось изрѣдка быть на вечеринкахъ, то будучи и въ добрую пору не весьма словоохотливъ, я ни съ кѣмъ не знакомился и почти не участвовалъ ни въ забавахъ, ни въ разговорахъ. Однажды товарищи мои зазвали меня къ одному изъ ихъ знакомыхъ въ домъ, гдѣ разныхъ державъ чиновники по вечерамъ собирались и обыкновенно играли въ разныя игры. Одной молодой и весьма острой дѣвушкѣ досталось по фанту всякаго похвалить и похулить. Когда дошла ей очередь говорить обо мнѣ, то она сказала: »онъ хорошъ, только я не знаю, если у него языкъ.« Всѣ засмѣялись. Я покраснѣлъ немного и подумалъ: когда нельзя быть веселу, такъ лучше не ходить туда, гдѣ веселятся.

Кофейной Турецкой домъ.

Товарищъ мой, Князь Долгорукой, былъ человѣкъ очень пріятный и забавный. Онъ имѣлъ особое искуство знакомиться и обращаться съ Турками безъ всякаго знанія языка ихъ, кромѣ нѣсколькихъ затверженныхъ словъ. Однажды ходили мы съ нимъ гулять и онъ предложилъ мнѣ зайти въ Турецкой кофейный домъ. Я сперва не хотѣлъ, опа-

саясь, чтобъ не случилось какой непріятности; но онъ увѣрилъ меня, что уже нѣсколько разъ бывалъ въ немъ, и ничего случиться не можетъ. Мы вошли, и находимъ сидящаго, на разостланномъ коврѣ, съ длинною трубкою весьма важнаго Турку, передъ которымъ пляшутъ таушаны *). Онъ смотрѣлъ на нихъ безъ всякой улыбки. На лицѣ его написаны были суровость и спѣсь. Онъ едва удостоилъ на насъ взглянуть. Князь, не смотря на его важность, подошелъ къ нему смѣло, и, потрепавъ его по плечу, сказалъ: *осъ-шаллды!* (здравствуй). Турка посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Князь, ни мало не смущаясь, усмѣхнулся, прижалъ по Турецки руку къ груди и повторилъ ему тожъ самое слово. Угрюмый Магометанинъ самъ улыбнулся и сказалъ ему: *отуръ* (садись). Князь, сложа по ихъ обыкновенію ноги, сѣлъ подлѣ него на коврѣ, и новый знакомецъ его мигнулъ, чтобъ ему подали кофе. Тотчасъ принесли чашку и Турка съ важностію сказалъ ему Турецкое слово, значущее по нашему: *даромъ!* (то есть безъ денегъ). Князь выпилъ и точно также мигнулъ, чтобъ по-

*) Такъ называются разряженные совсѣмъ въ особое платье и разрумяненные мальчики, пляскою и кривляньями своими увеселяющіе богатыхъ и знатныхъ людей.

дали кофе Туркѣ, и съ такою же важностію сказалъ ему: *даромъ!* Турка съ благодарностію принялъ и выпилъ. Они подчивали другъ друга трубками табаку, разговаривали знаками и Магометанинъ сталъ гораздо веселѣе, нежели былъ, когда онъ смотрѣлъ на пляску Таушановъ. Словомъ, они такъ подружились, что разстались съ великими ласками. Я смѣялся Князю, что онъ мастеръ знакомиться съ Турками; онъ говорилъ мнѣ: съ ними чѣмъ смѣлѣе, тѣмъ лучше, это ихъ, какъ нѣкая новость, удивляетъ и веселитъ.

Б а н я.

Въ другой разъ завелъ онъ меня въ баню. Въ ней никого не было, кромѣ насъ. Мы раздѣлись и вошли въ круглое зданіе съ небольшимъ по срединѣ возвышеніемъ и со многими по бокамъ купальнями, гдѣ можно сидѣть и посредствомъ проведенныхъ трубъ напускать холодную и горячую воду. Когда мы вымылись, Князь пошелъ и легъ на возвышенное по срединѣ мѣсто. Служившій намъ Турка, мужчина сильный и дородный, сталъ его тереть и править у него руки, ноги, шею, такъ что всѣ составы въ нихъ хрустѣли. Онъ хотѣлъ тоже сдѣлать и со мною,

но для меня такъ это было ново, и такъ страшно, что я ни подъ какимъ видомъ не согласился. Дѣйствія его были толь смѣлы и проворны, что мнѣ казалось: онъ мнѣ шею свернетъ, или руку или ногу вывихнетъ. Князь уговаривалъ меня, правильщикъ приступалъ. Сей послѣдній не могъ надивиться, за чѣмъ я пришелъ въ баню, когда не хочу дѣлать того, что у нихъ величайшею роскошью и надобностью почитается. Однакожъ я устоялъ въ своемъ упорствѣ. Мы вышли изъ бани въ большую хоромину, въ которой прежде были. Насъ положили, окутали полотенцами и подали намъ разныхъ лакомствъ. Турецкія бани приводятъ въ великое разслабленіе и нѣгу, покуда опять не освѣжишься. Между тѣмъ какъ мы лежимъ, вдругъ стали приходить Турчанки, и набралось ихъ множество. Онѣ сѣли и нѣкоторыя изъ нихъ, глядя на насъ, говорили: *Гяуръ!* Турки даютъ намъ (Христіанамъ) сіе имя точно въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ мы называемъ ихъ *бусурманами*. Прислужники наши, не умѣя ничего намъ растолковать, твердили только: *Маруська! Маруська!* Мы изъ Малороссійскаго припѣва: *Марусенька моя*, догадывались, что они понуждаютъ насъ идти вонъ, потому что пришедшія женщины того дожидаются. Мы встали, одѣлись; надобно заплатить; я надѣялся на Князевы

деньги, а онъ на мои. Мы прежде о томъ не обьяснились и только тутъ узнали, что у нась ни у котораго нѣтъ съ собою ни полушки. Какъ быть? Князь взялся имъ растолковать, что мы послѣ заплатимь. Сомнѣваюсь, чтобь они его поняли, однакожъ были такъ учтивы, что ни малѣйшаго знака негодованія намь не изъявили. На другой день отнесли мы вдвое противъ обыкновеннаго и они очень были довольны. Въ бани сіи до нѣкотораго часа ходятъ мужчины, а потомь женщины. Мы попали въ самый промежутокь.

Нѣкоторыя замѣчанія о Царѣ-градѣ.

О Царѣ-градѣ или Константинополѣ можно сказать, что онъ состоитъ изъ безчисленныхъ мѣлкихъ домиковъ, большею частію мазанокъ *); но такихь въ немь зданій,

---

*) Сиѣны мазанокъ составляютъ изъ связанныхъ между собою столбовъ и перекладинъ, между которыми полыя мѣста закладены кирпичемь съ известью. Снаружи обмазываются онѣ глиною. Сказываютъ, что мазанки, во время землетрясенія, нерѣдко здѣсь случающагося, безопаснѣе, чѣмъ каменные или кирпичные домы.

которыя бы огромностію своею и великолѣпіемъ удивляли, совсѣмъ нѣтъ, или очень мало. Часто случаются здѣсь пожары и число сгорѣвшихъ домовъ всегда бываетъ велико. На пожары обыкновенно ѣздитъ самъ Султанъ. Многія въ Стамбулѣ и Перѣ улицы идутъ черезъ горы, и притомъ худо вымощены и нечисты. Въ каретахъ никто здѣсь не ѣздитъ; иногда, и то весьма рѣдко, попадаются какія нибудь рыдваны съ закупоренными въ нихъ женщинами. Верьхомъ ѣздящихъ также мало; всѣ ходятъ пѣшкомъ. Турки лѣнивы; никогда не прогуливаются; въ самую прекраснѣйшую погоду сидятъ поджавши ноги на коврахъ и курятъ трубку. Въ Перѣ лучшая прогулка на кладбищѣ, гдѣ по видимому ужасъ смерти не разрушаетъ болѣе суеты живыхъ, ибо часто видишь сидящую на камнѣ надгробномъ и разговаривающую нѣжно между собою влюбленную чету, или играющую молодость въ то время, какъ подлѣ нея хоронятъ человѣка. Ночью по улицамъ ходьба безпокойна, по причинѣ множества собакъ, которые кидаются на идущаго, и хотя никогда не укусятъ, однакожъ лаемъ своимъ наводятъ и страхъ и скуку. Впрочемъ со стороны кражи и воровства надлежитъ здѣсь быть великой безопасности: я примѣтилъ, что во многихъ мѣстахъ овощи и плоды лежатъ ку-

чею на рогожахъ безъ всякой при нихъ стражи. Также сидѣльцы часто отлучаются отъ лавки, оставляя оную съ находящимися въ ней товарами безъ запора и присмотра. Въ продаваемыхъ здѣсь съѣстныхъ припасахъ никто не обмѣритъ и не обвѣситъ. Полиція строго за симъ смотритъ, нечаянно приходитъ, и если хоть чуть найдетъ неточность въ мѣрѣ или вѣсѣ, то продавецъ подвергается жестокому наказанію.

Договорныя статьи.

Въ мирныхъ нашихъ договорахъ съ Турками включена была статья, что ежели кто изъ нашихъ людей уйдетъ къ нимъ или отъ нихъ къ намъ, то допросить его въ судѣ при свидѣтеляхъ съ обоихъ сторонъ, и буде онъ объявитъ, что сдѣлалъ сіе безъ всякаго принужденія по доброй волѣ своей, то назадъ его не требовать. Сія статья оказалась гораздо больше въ ихъ пользу, нежели въ нашу; ибо многіе служители отъ насъ къ нимъ бѣжали, а отъ нихъ ни одного человѣка. Главною тому причиною было, что они нашихъ сманивали: подсылали къ нимъ бѣжавшихъ въ прошедшую войну нѣкоторыхъ Рускихъ, принявшихъ Магометанскую вѣру, ко-

торыхъ они наряжали въ хорошее платье и давали имъ денегъ съ тѣмъ, чтобъ они, расказывая, какъ имъ хорошо жить, прельщали чрезъ то своихъ единоземцевъ. Можетъ быть и спокойное Турецкое платье много ихъ соблазняло, а Турокъ напротивъ удерживало; ибо скинуть съ себя широкое и напялить узкое одѣяніе безсомнѣнія для сихъ послѣднихъ было тягостно. Однакожъ побѣгъ сей хотя сначала и усилился, такъ что отъ насъ человѣкъ до 15 бѣжало, но послѣ всѣ они до послѣдняго раскаялись и съ опасностію жизни своей, оттуда обратно уходили и опять къ намъ являлись.

Твердость Арапки.

Хотя многіе изъ Магометанъ, не взирая на заповѣди Алкорана своего, пьютъ по тихоньку вино и напиваются пьяны, однакожъ къ вѣрѣ своей они весьма привязаны; на фрегатѣ у насъ была Арапка, принявшая нашу вѣру и вышедшая за мужъ за Рускаго Урядника. Онъ умеръ; она оставалась послѣ него въ Ливорнѣ съ малолѣтнымъ сыномъ. При отправленіи нашемъ изъ Италіи, она желала переѣхать въ Крымъ, гдѣ надѣялась отыскать родственниковъ своего мужа. Слу-

чайно зашедшій на фрегатъ къ намъ Арапъ увидѣлъ ее и сталъ уговаривать, чтобъ она опять обратилась въ ихъ вѣру и осталась въ Константинополѣ. Она не соглашалась. На другой день пріѣхали три Арапа, на третій пять и наконецъ умножилось ихъ человѣкъ до дватцати, которые въ продолженіе почти двухъ недѣль пріѣзжали всякой день ее уговаривать и привозили много денегъ; но Арапка сія была такъ тверда, что они всѣми своими убѣжденіями и обѣщаніями не могли ее поколебать и напослѣдокъ принуждены были отстать отъ ней. Она осталась на фрегатѣ, покуда нашла случай отправиться въ Крымъ и далѣе въ Россію.

Остальное пребываніе наше въ Константинополѣ.

Наконецъ продолжавшееся около девяти мѣсяцевъ пребываніе наше въ Константинополѣ начинало намъ наскучивать. Посланникъ нашъ много разъ требовалъ отъ Порты, чтобъ она или согласилась пропустить насъ въ Черное море, или бы въ томъ отказала; но она не хотѣла ни пропустить насъ, ни отказать намъ въ пропускѣ, отзываясь всегда тѣмъ, что она не отказываетъ

и проситъ только нѣкотораго повременения, потому что обстоятельства дѣлъ того требуютъ. Флотъ ихъ вооружился и подъ начальствомъ Капитанъ-Паши пошелъ въ Черное море. Слухи о разрывѣ мира часъ отъ часу умножались и Посланникъ нашъ сталъ настоятельно требовать, чтобъ насъ или впередъ или взадъ выпустили, иначе онъ приметъ это за объявленіе войны. Вышелъ фирманъ (Султанскій указъ), по которому дозволялось намъ идти назадъ въ Средиземное море. Въ сіе время пріѣхалъ къ намъ съ фрегата Сѣвернаго Орла главноначальствующій надъ нами Капитанъ Козляниновъ, для свиданія и переговоровъ съ Посланникомъ. Порта желала, чтобъ мы не всѣ вдругъ пошли; для того сперва отправился фрегатъ Наталія, а потомъ черезъ нѣсколько времени и мы за нимъ одинъ по одному. Посланникъ нашъ разставался съ нами съ великою горестію. Въ самомъ дѣлѣ положеніе его было жестокое: война казалась неизбѣжною, а онъ, человѣкъ уже довольно пожилой и семьянистой, оставался тутъ какъ бы на жертву съ малыми своими дѣтьми.

XI.

Обратное плаваніе наше отъ Константинополя до острова Тенедоса и пребываніе приономъ.

Въ началѣ Октября оставили мы Константинополь и, прошедъ Дарданеллы, пришли къ Тенедосу, гдѣ стоялъ Сѣверный Орелъ. Козляниновъ, во время бытности нашей въ Царь-градѣ, переходилъ съ фрегатомъ своимъ отъ одного острова къ другому и возвращался опять къ Тенедосу, дабы имѣть о насъ свѣденія. На досугѣ посылалъ онъ Мичмановъ Глушанинова и Хоматьяно къ острову Лемносу для свидѣтельствованія погибшаго тамъ въ прошедшую войну корабля нашего Святослава. Они возвратясь донесли, что мѣсто сіе на мѣли, отстоящей отъ Лемноса къ востоку, отыскали и поставили на ономъ знакъ; что корабль подъ водою оказался разломленнымъ на четыре части, а именно: корма и при ней нѣсколько пушекъ; днище или средина переломившаяся по поламъ со многими на ней пушками, ядрами и чугуннымъ баластомъ; носъ корабля, также съ нѣсколькими пушками и ядрами, и что все сіе въ безпорядкѣ, сдвинуто съ мѣста, засыпано пескомъ и завалено лѣ-

сомъ. Послѣ сего донесенія Мичмана сіи посыланы были въ разныя времена для доставанія, помощію водолазовъ, сихъ осмотрѣнныхъ ими вещей, однакожъ не могли достать ни пушекъ, ни якорей, но привезли нѣсколько бомбъ, ядеръ и чугуннаго баласта.

Мы, соединясь съ фрегатомъ Сѣвернымъ Орломъ, въ ожиданіи новыхъ повелѣній, пробыли еще около двухъ съ половиной мѣсяцевъ, переходя взадь и впередъ и останавливаясь на якорь, то подлѣ Тенедоса, то подлѣ Анатольскаго берега. Сей послѣдній, заворачиваясь отъ первыхъ Дарданеллъ, составляетъ тотъ кряжъ земли, гдѣ стояла нѣкогда знаменитая Троя, которой слѣды такъ исчезли, что ничего примѣтнаго не осталось. Однакожъ воображеніе работало и душа поражалась при взглядѣ на тѣ мѣста, гдѣ за нѣсколько предъ симъ вѣковъ Гекторъ сражался съ Ахиллесомъ, гдѣ погибъ Пріамъ, гдѣ Елена съ Парисомъ воздыхала, гдѣ плакала Андромаха, и откуда Эней, исхитивъ изъ пламени отца своего Анхиза, уѣхалъ за тѣмъ, чтобъ воспалить любовію несчастную Дидону и построить на морѣ чудный городъ Венецію. О стихотворство! (размышлялъ я, ходя по пустому Азіатскому берегу и взглядывая то на гору Иду, то на небольшой островъ Тенедосъ), какую очаровательную имѣешь ты силу, когда кистію твоею управ-

ляетъ превосходный умъ и чувствующая красоты душа! Не родись Гомеръ и Виргилій: сколько именъ и дѣлъ, сквозь множество вѣковъ гремящихъ, потонули бы давно въ рѣкѣ забвенія! Здѣсь случилось съ нами слѣдующее: Турецкій семидесяти пушечный корабль проходилъ мимо насъ. Козляниновъ зная, что на семъ кораблѣ везутъ державшаго нашу сторону смѣненнаго Визиря, захотѣлъ, въ знакъ уваженія и благодарности, сдѣлать ему салютъ, и лишь только мы отпалили, какъ въ тожъ самое время и Тенедоская крѣпость салютовала сему кораблю. Корабль отвѣчалъ крѣпости, а намъ нѣтъ, и прошелъ мимо насъ. Козляниновъ, видя, что онъ не отвѣчаетъ, послалъ въ погоню за нимъ шлюпку, сказать, что ежели онъ не получитъ отвѣта, то снимется съ якоря и, догнавъ его, вступитъ съ нимъ въ сраженіе. Корабль шелъ съ попутнымъ вѣтромъ довольно скоро, и когда шлюпка догнала его, тогда былъ онъ уже очень далеко отъ насъ. Однакожъ, услыша отъ посланнаго къ нему сіе соединенное съ угрозами требованіе, возвратился назадъ, долго при противномъ вѣтрѣ лавировалъ, и когда приблизился, то отсалютовалъ и пошелъ обратно въ свой путь.

XII.

Плаваніе отъ Тенедоса до Мессины и пребываніе въ оной.

Наконецъ, потерявъ всякую надежду къ пропуску судовъ нашихъ въ Черное море, и по соединеніи всѣхъ оныхъ, Декабря 25 дня снялись мы съ якоря и отправились обратно въ Средиземное море. Мы скоро вышли изъ Архипелага, и въ новый (1778) годъ приближались уже къ берегамъ Калабріи; однакожъ Сициліи, за наставшими противными вѣтрами, долго не могли увидѣть, и не прежде вошли въ Мессинской проливъ, какъ Генваря 14 числа. Мы не болѣе двухъ дней простояли въ Мессинѣ, и на берегъ съѣзжать не могли, по причинѣ объявленнаго намъ карантина. Опасеніе отъ завоза чумы такъ здѣсь велико, и такой строгой наблюдается за этимъ присмотръ, что слетѣвшая нечаянно съ фрегата нашего курица надѣлала много тревоги: стоявшіе на берегу часовые, выпаливъ изъ нѣсколькихъ ружей, тотчасъ ее застрѣлили и не смѣли къ ней прикоснуться, покуда карантинные приставы и судьи со всѣми должными обрядами ее не сожгли. Здѣсь, къ крайнему удовольствію моему, разстался я съ фрегатомъ Павломъ и перешелъ опять на фрегатъ Сѣверный Орелъ.

XIII.

Плаванie отъ Мессины до Ливорны.

Отправясь изъ Мессины, мы чрезъ девять дней пришли въ Ливорну. Фрегату нашему, какъ военному судну, положено выстоять 21 день въ карантинѣ, а прочимъ подъ купеческими флагами 40 дней. Сie раздѣленie не только лишило насъ сообщенiя съ городомъ, но и съ другими на фрегатахъ нашихъ товарищами не позволено было съѣзжаться; ибо въ противномъ случаѣ подверглись бы также и мы сорокодневному карантину. Можно себѣ представить нашу скуку! Однакожъ мы, по сдѣланнымъ напередъ переговорамъ, съѣзжали на берегъ и видались съ нашими знакомыми, изъ которыхъ дружелюбнѣе всѣхъ были мы съ Каламаевымъ семействомъ. Свиданie сie происходило въ карантинномъ домѣ, при свидѣтельствѣ и строгомъ надзорѣ карантинныхъ приставовъ. Странно казалось быть въ одной комнатѣ, ходить, стоять другъ подлѣ друга и разговаривать, но не смѣть ни малѣйшаго сдѣлать прикосновенiя, ибо въ противномъ случаѣ, того, до котораго хоть чуть дотронешься, посадятъ въ карантинъ. Женщины особливо сего боялись: всякое нечаянное движенie руки приводило ихъ

въ страхъ и принуждало съ крикомъ отступать назадъ. Мы ѣзжали и на другія наши суда, и могли даже потчивать другъ друга рюмкою вина, потому что дотрогиваться до стекла не почиталось опаснымъ къ сообщенію заразы; только надлежало сидѣть на своей шлюпкѣ за кормою того судна, къ которому пріѣдешь въ гости.

XIV.

Пребываніе въ Ливорнѣ.

Когда карантинъ нашъ кончился, мы въ тотъ же самый день поѣхали обѣдать къ Каламаю. Капитанъ позволилъ мнѣ жить на берегу, и какъ у меня не было денегъ, то онъ велѣлъ мнѣ изъ казны выдать заимообразно 200 червонныхъ. Тожъ самое, по моему ходатайству, получилъ и другъ мой Тимирязевъ. Мы наняли съ нимъ двѣ комнаты и жили вмѣстѣ. Я зналъ уже довольно Италіанскій языкъ, и могъ безъ нужды говорить наономъ. Это умножило мое удовольствіе жить въ городѣ. Я всякой день провождалъ время или въ театрѣ, или въ Казинѣ, или въ кофейныхъ домахъ, или у Каламая, или

прогуливаясь за городомъ, или упражняясь въ чтеніи книгъ, или обращаясь съ нашими Рускими, изъ которыхъ дружнѣе всѣхъ были со мною Василій Павловичъ Тимирязевъ, Владиміръ Матвѣевичъ Ржевскій и Князь Григорій Алексѣевичъ Долгорукой.

Знакомство мое съ Каламаевымъ семействомъ.

Я уже, въ первую бытность нашу въ Ливорнѣ, упоминалъ о здѣшнемъ жителѣ, господинѣ Каламаѣ, имѣвшемъ еще съ прошедшей Турецкой войны денежные съ нами счеты, носившемъ на себѣ имя нашего Консула, и котораго домъ, по сему званію и по ласкамъ всего семейства его, былъ какъ бы нашъ Руской. Мы часто у него обѣдывали и проваждали по вечерамъ время, вмѣстѣ съ нѣкоторыми здѣшними посѣщавшими его всякой день Италіанцами. Хотя и прежде снискалъ я знакомство въ семъ почтенномъ домѣ, однакожъ наровнѣ со всѣми прочими, и можетъ быть еще меньше другихъ, потому что незнаніе языка и занятія мои отводили меня отъ частыхъ къ нимъ посѣщеній. Но во второй пріѣздъ мой свиданія съ ними сдѣлалися чаще и напослѣдокъ ежедневно. Хозяйка дому Г. Піэра очень меня полюбила.

Старшая дочь Жанина была ко мнѣ отмѣнно ласкова. Италіянки обыкновенно имѣють кого нибудь изъ мужчинъ, который уже ей одной преимущественно предъ другими прислуживаетъ, и потому называютъ его *прислужникомъ* (cavalier servente). Онъ всегда подлѣ ней садится, въ собраніяхъ подлѣ ней бываетъ, танцуетъ, прогуливается съ нею и словомъ какъ бы оба они пріобрѣтаютъ другъ надъ другомъ нѣкоторое право. Жанинѣ прислуживалъ одинъ Италіанецъ. Она приглашала иногда меня садиться по другую сторону подлѣ ней. Потомъ и въ прогулкахъ стала мнѣ давать руку, такъ что ходила всегда съ нами двумя. Наконецъ Италіанецъ видя, что она охотнѣе разговариваетъ со мною, нежели съ нимъ, началъ мало по малу отставать и я заступилъ его мѣсто. Съ того времени сдѣлался я какъ бы домашнимъ у нихъ человѣкомъ; пріобрѣлъ совершенную отъ нихъ довѣренность и особливо былъ друженъ съ матерью и старшею дочерью.

Марокской Посланникъ.

Въ это время находился въ Ливорнѣ Марокской Посланникъ; онъ принятъ былъ съ уваженіемъ, потому что разъѣзжающіе

по Средиземному морю суда часто бывають страшны для Италіанцевъ. Однажды Козлянинову вздумалось его посѣтить. Онъ взялъ съ собою меня и переводчика. Мы пришли къ этому Посланнику, который въ странномъ одѣяніи своемъ, съ обернутою кушакомъ головою и въ туфляхъ на босую ногу принялъ насъ учтиво. Козляниновъ, чтобъ изъявить ему какую нибудь ласку, между прочими разговорами сказалъ, что онъ имѣетъ повелѣніе, когда встрѣтится съ ихъ судами, поступать съ ними дружелюбно. Посланникъ, воспользовавшись сими словами, сталъ просить, чтобъ онъ сообщилъ ему объ этомъ писменно. Козляниновъ обѣщалъ. Возвратясь домой, сказалъ я Козлянинову: »Вы дали слово и должны теперь поступить на такое дѣло, котораго нельзя будетъ скрыть, а легко можетъ статься, что оно Дворомъ нашимъ не будетъ одобрено. Надобно посмотрѣть въ инструкціи, какое предписаніе дано вамъ, какъ поступать съ сими народами.« — Отыскали инструкцію. Въ ней между прочимъ сказано: »что принадлежитъ до Алжирцевъ и другихъ Африканскихъ народовъ, объ нихъ съ Турецкимъ Султаномъ, яко главою ихъ, сдѣлано въ мирныхъ договорахъ постановленіе, что онъ долженъ удерживать ихъ отъ всякой къ Рускому флагу непріязни. Въ

слѣдствіе сего, буде бы вамъ случилось встрѣтиться съ ихъ судами, поступайте съ ними дружелюбно; а если отъ нихъ увидите какую-либо непріязненность, то вы такъ сильно вооружены, что можете наказать ихъ за всякое дерзкое покушеніе или умыселъ.« — Давъ Козлянинову замѣтить съ какою гордостію Дворъ нашъ говоритъ о сихъ народахъ, я присовокупилъ къ тому, что посѣщеніе, сдѣланное вами первымъ Марокскому Посланнику, а особливо данное ему письменное увѣреніе о дружбѣ нашей съ ними, можетъ не хорошо быть принято. Козляниновъ самъ почувствовалъ неосторожность своего поступка, но не зналъ какъ изъ того выпутаться. По долгомъ размышленіи положили мы отправить къ Посланнику переводчика и сказать ему, что ежели онъ хочетъ письменнаго увѣренія, то прислалъ бы напередъ писменную о томъ прозьбу. Мысль сія насъ успокоила; по крайней мѣрѣ, думали мы, дастся этому такой видъ, что мы снизошли на его прошеніе. На другой день получили мы отъ него желаемое, но приведены были еще въ большее затрудненіе. Прозьба сія на ихъ языкѣ, съ переводомъ на Италіанской, написана была въ такихъ выраженіяхъ, что никакъ принять ее было не можно. Босоногой Посланникъ говорилъ въ ней, что начальникъ Россійской эскадры пришелъ

къ нему въ домъ и увѣдомилъ его о данномъ ему отъ Двора своего повелѣніи стараться сойтиться съ ихъ судами для оказанія имъ всякаго дружелюбія, и что если господинъ начальникъ сообщитъ ему Посланнику о томъ письменно, то и онъ съ своей стороны дастъ ему письменное увѣреніе о дружескихъ Двора своего къ намъ расположеніяхъ. Таковъ былъ смыслъ присланнаго письма. Какъ? вскричалъ я, прочитавъ оное, Екатерина Великая станетъ задирать дружбою Марокскаго шута! Но между тѣмъ, при всей своей досадѣ, мы не знали, что дѣлать и какъ въ семъ случаѣ поступить. Отослали письмо назадъ къ Посланнику съ тѣмъ, чтобъ онъ его переписалъ. Толковали чего мы хотимъ. Письмо было два раза переписывано; однакожъ оставался въ немъ всегда тотъ же смыслъ, что мы ищемъ и гоняемся за ихъ пріязнію. Наконецъ написалъ я самъ оное по Руски, сказывая въ немъ, что Марокскій Посланникъ, услыша отъ начальника Россійской эскадры о данныхъ ему въ разсужденіи судовъ ихъ мирныхъ повелѣніяхъ, проситъ о сообщеніи ему о томъ письменно, дабы могъ онъ толь пріятное для нихъ свидѣтельство препроводить въ свою землю. Письмо сіе съ Рускаго перевели сперва на Италіанской, а потомъ на ихъ языкъ, и отправили къ Посланнику. Онъ подписалъ, и

тогда въ отвѣтъ написали и отослали мы къ нему то, что прежде сказано было на словахъ.

Едва хлопоты сіи окончались, какъ настали подобныя же имъ другія. Козляниновъ приглашенъ былъ къ здѣшнему Губернатору обѣдать. За столомъ началась рѣчь о Марокскомъ Посланникѣ, котораго надлежало отвезти въ его отечество. Губернаторъ изъявлялъ заботу свою, сказывая, что у нихъ одинъ только фрегатъ, и тотъ въ такомъ состояніи, что прежде надлежитъ исправить его починками, и что хотя велѣно уже исправлять оный, но на это потребно не мало времени. Козляниновъ, желая показать имъ свою услугу, а больше думая, что предложеніе его не будетъ принято, вызвался дать для отвоза Посланника одинъ изъ своихъ фрегатовъ. Губернаторъ поблагодарилъ его, и разговоръ объ этомъ кончился. Не прошло трехъ дней, какъ Губернаторъ присылаетъ къ нему письмо отъ Грандюка (великаго Герцога Тосканскаго), въ которомъ Его Высочество благодаритъ Козлянинова за обѣщаніе отвезти Посланника на своемъ фрегатѣ, и что онъ такое предложеніе его пріемлетъ съ особенною признательностію. Нѣчего было дѣлать. Не льзя отъ слова отпереться. Козляниновъ долженъ былъ дать повелѣніе фрегату Павлу, придавъ къ нему

еще малый фрегатъ Констанцію, принять Посланника и отвезти въ Гибралтаръ. Хотя Козляниновъ и сожалѣлъ о семъ своемъ вызовѣ, не ожидая, чтобъ оный съ радостью былъ принятъ и доведенъ тотчасъ до свѣденія Грандюка; однако не много тѣмъ тревожился, думая, что какъ намъ довольно долго оставалось еще стоять въ Ливорнѣ, то фрегаты къ тому времени, когда должно будетъ отселѣ идти, успѣютъ возвратиться. Больше наводило ему сомнѣнія то, что не за долго предъ симъ Портъ-Магонскій Губернаторъ, стѣсняемый военными дѣйствіями Французовъ и Гишпанцевъ, писалъ къ нему и усильно просилъ его прислать въ Портъ-Магонъ съ нѣкоторыми съѣстными припасами одинъ изъ ввѣренныхъ ему фрегатовъ, однакожъ Козляниновъ, не взирая на дружество наше съ Англіею, отказалъ ему въ томъ. Эта мысль, что онъ предпочелъ Мароккскаго Посланника Англинскому Губернатору, наводила ему нѣкоторый страхъ. Онъ, по полученіи письма отъ Грандюка, сказалъ мнѣ: »ну! я опять бѣду сдѣлалъ. Не знаю, сойдетъ ли она мнѣ съ рукъ.« Обо всемъ этомъ написали мы (онъ всѣ свои бумаги и донесенія давалъ мнѣ писать) къ Графу Чернышеву, стараясь сколько можно оправдать наши поступки, и послали письма сіи съ отправленнымъ нарочно для сего по-

ручикомъ Клюгеномъ. Скоро по отправленіи его пріѣхалъ изъ Петербурга курьеръ, привезшій отъ Графа Чернышева письма, весьма насъ потревожившія. Онъ пишетъ къ Козлянинову, что почитаетъ уже его на возвратномъ пути въ Россію, и что ежели курьеръ найдетъ еще его въ Ливорнѣ, то предписываетъ ему, чтобъ онъ, по полученіи сего повелѣнія, немедленно отправился въ путь, дабы симъ же лѣтомъ придти въ свои Порты, не останавливаясь нигдѣ въ чужихъ зимовать. Какъ ни строго было сіе повелѣніе, но Козляниновъ не могъ его исполнить, не дождавшись возвращенія посланныхъ съ Марокскимъ Посланникомъ фрегатовъ, опасаясь разлучиться съ ними, если пойдетъ прежде. И такъ рѣшился дожидаться ихъ. Къ симъ тревожившимъ его обстоятельствамъ присовокупилось еще одно: онъ сватался за Каламаеву старшую дочь, и хотя не было ему въ томъ отказано, однакожъ условленось, что отецъ ея напишетъ прежде къ Графу Чернышеву, и когда получитъ отъ него удовлетворительный отзывъ, тогда рѣшительно дастъ свое согласіе. Козляниновъ, желая помолвку сію сдѣлать тверже, не только спѣшилъ разгласить о ней, но поѣхалъ со мною во Флоренцію просить у Грандюка позволенія жениться на его подданной. Грандюкъ принялъ насъ благосклонно и позволилъ.

Такимъ образомъ хотя съ одной стороны Козлянинова это и утѣшало, но съ другой опасался онъ, чтобъ Графъ Чернышевъ не подумалъ, что онъ для сего сватовства своего нарочно медлитъ въ Ливорнѣ, и что по сей одной причинѣ далъ онъ фрегаты Марокскому Посланнику. Онъ ожидалъ строгихъ себѣ выговоровъ, если чего не хуже. Но между тѣмъ, какъ онъ крѣпко объ этомъ сокрушался, счастіе за него работало и обращало ему это въ пользу. Чрезъ нѣсколько времени Козляниновъ получаетъ отвѣтныя отъ Графа Чернышева письма: онъ распечатываетъ ихъ съ трепетомъ, и вмѣсто грозныхъ упрековъ находитъ себѣ похвалу и одобреніе. Графъ пишетъ: »Я сей часъ былъ у Государыни Императрицы съ докладами о вашихъ донесеніяхъ. Ея Величество повелѣла изъявить вамъ свое благоволеніе за посылку фрегатовъ съ Марокскимъ Посланникомъ, и проч.« — Всякъ безсомнѣнія спроситъ: какъ это? какимъ образомъ уваженіе, оказанное Африканскому Посланнику отвозомъ его на Россійскомъ фрегатѣ, могло понравиться Екатеринѣ? Вотъ какимъ: извѣстно, что всѣ наши фрегаты, выключая Сѣвернаго Орла, посланы были подъ купеческими флагами, дабы подъ видомъ торговыхъ судовъ провесть ихъ чрезъ Константинополь въ Черное море; но какъ Турки,

подстрекаемые Французами, не пропускали ихъ, называя военными судами, то, для отвращенія ихъ подозрѣнія и распространившихся о семь съ разными толками слуховъ, велѣно было, еще въ бытность нашу въ Цареградѣ, фрегату Григорію и другимъ наниматься и возить за деньги грузъ и товары. Здѣсь тоть же видъ подтверждался, то есть, что это купеческія суда, которыя изъ платы нанялись отвезти Марокскаго Посланника; иначе какая стать, чтобъ военное Россійское судно могло это сдѣлать? Такъ по видимому разсуждала Императрица, и Козляниновъ посылкою фрегатовъ какъ бы угадалъ ея мысль и волю, за что вмѣсто гнѣва и получилъ ея благоволеніе. Сей счастливый и нимало не ожидаемый нами обороть обстоятельствъ успокоилъ Козлянинова, однакожъ остальное въ письмѣ Графа Чернышева не совсѣмъ его обезпечивало: въ немъ между прочимъ сказано было: »по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что вы, вступя въ сношеніе съ сими вѣроломными народами, фрегаты свои такъ вооружили, что они не могуть опасаться никакихъ оть нихъ оскорбленій, предосудительныхъ чести Россійскаго хотя и купеческаго флага, и что посылка сія не воспрепятствуеть вамъ въ нынѣшнее лѣто возвратиться въ Россію« Это побуждало Козлянинова съ нетерпѣливостію ожи-

дать возвращенія фрегатовъ; но между тѣмъ время текло, они не возвращались, такъ что напослѣдокъ рѣшился онъ идти не дождавшись ихъ, въ надеждѣ встрѣтиться съ ними, или найти ихъ въ Гибралтарѣ.

Плаваніе отъ Ливорны до Гибралтара и пребываніе въономъ.

Мы отправились изъ Ливорны Августа 6 числа и чрезъ десять дней пришли благополучно въ Гибралтаръ, но фрегатовъ нашихъ тутъ не застали. Они за нѣсколько дней до насъ ушли и съ нами не встрѣтились. Надлежало ихъ дожидаться. Мы нашли въ Гибралтарѣ Голландскую, состоящую изъ трехъ кораблей, эскадру подъ начальствомъ Вице-Адмирала, бывшаго прежде у насъ въ службѣ Бригадиромъ, Кинисберга, одинъ Англинскій подъ Адмиральскимъ флагомъ корабль, и нѣсколько приходящихъ фрегатовъ. При входѣ нашемъ салютовали мы Англинскому кораблю. Онъ отвѣчалъ намъ равнымъ числомъ выстрѣловъ: честь оказанная больше Рускому флагу, нежели вымпелу Капитана. Это тѣмъ пріятнѣе было для насъ, что спустя нѣсколько времени Голландскій Вице-Адмиралъ отходя салютовалъ также, но

Адмиралъ отвѣчалъ ему двумя пушками меньше. Губернаторъ Эліотъ принялъ насъ весьма ласково, мы часто у него обѣдали; онъ пріѣзжалъ къ намъ на фрегатъ, мы также приняли его со всею должною почестію, то есть съ музыкою, съ пальбою, и проч., чѣмъ онъ былъ весьма доволенъ. Къ намъ приставлены были офицеры, для показыванія всего, что захотимъ видѣть. Офицеры на гаубтвахтахъ выходили во фрунтъ для отданія намъ чести.

Сей малый полуостровъ, соединяется весьма низкимъ и тѣснымъ перешейкомъ съ Гишпаніею, бывшею тогда въ войнѣ съ Англіею. Мы осматривали всѣ укрѣпленія; ходили въ новостроившуюся тогда на превеликой высотѣ крѣпость, гдѣ, дабы не имѣть недостатка въ водѣ, вырываемы были порохомъ глубокіе изъ камня колодези. Намъ показывали въ извергаемыхъ изъ нѣдръ горы обломкахъ окаменѣлыя морскія растенія и рыбы, которыя не мало насъ удивляли, какимъ образомъ могли они зайти въ сію каменную на толикой высотѣ утробу? Въ другомъ мѣстѣ видѣли мы выдолбленныя въ горѣ мортиры, въ которыя клали нѣсколько пудъ пороху, и остальное жерло наполняли большими каменьями. Мортиры сіи приготовлены были на случай, когда непріятельскій флотъ придетъ нападать на лежащій

при подошвѣ горы малый городокъ, тогда брошенная изъ нихъ туча каменьевъ ниспала бы на корабли ихъ. Восходя на высокую стѣну скалы, на которую едва ли съ поверхности воды можетъ взлетѣть бомба, простиралъ я взоры мои на Океанъ и Средиземное море, соединенныя проливомъ, раздѣляющимъ Африку отъ Европы. Сіи два мыса или берега названы *Геркулесовыми столпами*, яко бы означавшими конецъ свѣта, по той причинѣ, что Геркулесъ, пронесшій до нихъ оружіе свое, воспящаемый Океаномъ, не могъ далѣе простирать своихъ побѣдъ. Многіе думаютъ, что нѣкогда Океанъ отдѣленъ былъ, но что, прорвавъ узкій берегъ, соединился съ Средиземнымъ моремъ. Тассъ въ пятойнадесять пѣсни освобожденнаго Іерусалима, описывая путешествіе двухъ воиновъ, посланныхъ за Ринальдомъ, говоритъ о семъ:

Son già là dove il mar fra terra inonda,
Per via, ch'esser Alcide opra si finse;
Forse é ver, ch'una continua sponda
Fosse, ch'alta ruina in due distinse.
Passovvi a forza l'Oceano: e l'onda
Abila quinci, e quindi Calpe spinse.
Spagna e Libia partio con foce angusta;
Tanto mutar può lunga età vetusta!

То есть:

Уже достигли они туда, гдѣ море между земель отверзло себѣ путь, дѣяніе, приписуемое подвигу Алкида (Геркулеса) и, можетъ быть правда, что нѣкогда простирался тутъ непрерывный брегъ, великою силою раздвинутый: Океанъ хлынулъ, расторгъ его, Абилъ на едину, Кальпъ на другую страну бросилъ, и Гишпанію съ Лнбіею раздѣлилъ. Толикія долговременность вѣковъ творитъ премѣны!

Наконецъ фрегаты наши Павелъ и Констанція соединились съ нами. Они доходили до Портъ-Магона и услыша тамъ, что мы пришли въ Гибралтаръ, возвратились къ намъ. Но какъ разныя обстоятельства задержали насъ еще нѣсколько дней, то Козляниновъ Сентября 12 числа собралъ къ себѣ Капитановъ, и по общему совѣту положили: »Какъ фрегатъ Григорій во время плаванія нашего сюда оказалъ не малую течь, также и фрегатъ Павелъ, сверхъ бывшей у него течи, имѣетъ многія поврежденія, которыя при всемъ стараніи не возможно было исправить, и какъ вѣтеръ къ выходу нашему въ Россію продолжается противный, а время уже такъ поздно, что дойти прежде наступленія зимы до своихъ портовъ не остается

ни какой надежды, и при томъ по ветхости и малости таковыхъ судовъ, какъ Св. Павелъ и Констанція, весьма опасно въ осеннее время пускаться въ Океанъ, то, по сдѣланному мною (говоритъ Козляниновъ) съ Господами командующими консиліуму, положили мы остаться зимовать въ Средиземномъ морѣ, и какъ при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ въ Англійскіе порты заходить для зимованія сомнительно, чтобъ не подать повода къ какимъ либо противнымъ толкованіямъ, то за способнѣйшее для сего мѣсто избрали Портъ-Фераіо и Ливорну.« По подписаніи сего совѣщанія, на другой же день отправились мы въ путь.

Обратное плаваніе отъ Гибралтара въ Ливорну.

Возвращеніе въ Италію съ одной стороны приносило мнѣ удовольствіе, а съ другой крайне меня безпокоило. Тѣже самыя пріятности могъ я тамъ найти, но не имѣлъ способа наслаждаться ими: у меня не было ни полушки денегъ. Жалованья было мало, и то напередъ забрано. Обстоятельства сіи меня ужасали. Пріѣхать въ тотъ городъ, гдѣ я имѣлъ столько знакомства, гдѣ находилъ столько удовольствій, пріѣхать, возвратиться

такъ скоро, и что же? по крайней мѣрѣ на полгода запереться на фрегатѣ и не сходить на берегъ, не показываться ни куда! Я бы лучше желалъ это время прожить на пустомъ островѣ. Между тѣмъ нечего было дѣлать, надлежало покориться судьбѣ. Но счастіе, совсѣмъ неожидаемое, избавило меня отъ сихъ горькихъ мыслей. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Ливорны, я, на оставшееся у меня малое число денегъ, купилъ нѣсколько безделицъ, и какъ оныя больше мнѣ были не надобны, то я продалъ ихъ въ Гибралтарѣ за пять червонцевъ, и, возвращаясь, заѣхалъ въ гости на одинъ изъ нашихъ фрегатовъ, гдѣ нашелъ, что офицеры играютъ въ карты. Я подумалъ: пять червонныхъ мои тоже, что ничего. Съ сими мыслями, беру карты, начинаю играть и выигрываю сорокъ пять червонныхъ. Тотчасъ хватаюсь за шляпу, откланиваюсь и уѣзжаю на свой фрегатъ. Радость моя была неописанна. По крайней мѣрѣ, думаю, на нѣсколько первыхъ дней я успокоенъ. На другой день мы снимаемся съ якоря и отправляемся въ путь. Во время плаванія нашего случались иногда тихіе вѣтры и прекрасные дни. Завелась игра. Смотря на нее, долго я самъ съ собою боролся: съ одной стороны хотѣлось выиграть, съ другой боялся проиграть. Напослѣдокъ соблазнъ преодолѣлъ меня. Я рѣшился поло-

виною моихъ денегъ жертвовать, размышляя, что могу выигрышемъ совершенно себя обезпечить, а проигрышемъ уменьшу только то, что, хотя бы и не было уменьшено, будетъ для меня не достаточно. Въ семъ расположеніи принимаюсь за карты; дѣлаю дватцать пять червонныхъ банку. Счастіе мнѣ служитъ. Играющіе противъ меня горячатся, и наконецъ я вижу передъ собою кучу золота. Бросаю карты, не смотрю ни на какія убѣжденія продолжать игру, считаю деньги и нахожу, что я выигралъ слишкомъ пятьсотъ червонныхъ. Никакой миліонщикъ не былъ меня благополучнѣе! Тотчасъ запираю денежки свои въ сундукъ, и даю себѣ честное слово, что скорѣе возьму въ руки горячее желѣзо, нежели карты. Всю ночь отъ радости я не спалъ, и проводилъ ее въ разныхъ размышленіяхъ. Первое представилось мнѣ, что я, по прибытіи въ Ливорну, могу отпроситься путешествовать по Италіи. Воображеніе быть въ Римѣ, въ Неаполѣ, восхищали меня. Я съ нетерпѣливостію дожидался прибытія въ Ливорну, куда мы скоро и пришли.

Пребываніе мое въ Ливорнѣ и поѣздки изъ оной.

Я съѣхалъ на берегъ, расположился жить по прежнему, побывалъ тотчасъ въ домѣ у

Каламая, и навѣстилъ всѣхъ моихъ знакомыхъ и пріятелей. Мы нашли здѣсь прибывшихъ сюда дни за два до насъ сына Графа Ивана Григорьевича Чернышева и ѣздящаго вмѣстѣ съ нимъ Капитана Муловскаго Вскорѣ потомъ пріѣхалъ сюда гвардіи Капитанъ Петръ Васильевичъ Мятлевъ. Онъ путешествовалъ по Италіи. Узнавъ о томъ, я пришелъ къ нему, познакомился, сказалъ ему о своемъ намѣреніи тожъ путешествовать. Онъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ; я весьма доволенъ былъ симъ товариществомъ, и мы скоро отправились во Флоренцію. Тамъ съѣхался онъ съ однимъ знакомымъ ему Французскимъ Маркизомъ, также путешествующимъ. Съ Маркизомъ былъ Аббатъ. Мы всѣ четверо жили въ одномъ домѣ, и согласились ѣздить вмѣстѣ. Но какъ Маркизу надлежало побывать въ Ливорнѣ, то и мы положили возвратиться въ Ливорну съ тѣмъ, чтобъ оттуда проѣхать въ Римъ. Маркизъ этотъ былъ еще молодой человѣкъ, богатый, но имѣлъ у себя поврежденную руку. Онъ любилъ Словесность; мы читали иногда съ нимъ Петрарковы сонеты, а иногда, любопытствуя знать о нашихъ стихотворцахъ, прашивалъ онъ меня перевесть что нибудь изъ нихъ, и я, какъ умѣлъ, толковалъ ему нѣкоторыя строфы изъ Ломоносова. Въ бытность мою во Флоренціи старался я осмо-

трѣть всѣ тамошнія достопамятности, видѣлъ славную галлерею, вмѣщающую въ себѣ произведенія всѣхъ знаменитѣйшихъ ваятелей и живописцевъ: изъ статуй превосходнѣйшую всѣхъ *Венеру Медичи*; изъ картинъ Рубенсовы, Рафаиловы, Корреджіевы, и проч. и проч. Содрогнулся, смотря на двѣ восковыя работы, изъ коихъ одна представляла внутренность кладбища съ согнивающими и согнившими въ ней человѣческими трупами, а другая моровую язву съ умирающими и мертвыми людьми Оба изображенія сіи такъ искусно, такъ выразительно отработаны, что не льзя на нихъ смотрѣть безъ ужаса. Не худо бы, думалъ я, почаще показывать ихъ тѣмъ, у которыхъ худая совѣсть, или утопаніе въ роскошахъ не позволяютъ имъ помышлять о смерти. — Галлерея сія, сверхъ многихъ высокихъ произведеній художествъ, изобилуетъ и другими рѣдкими вещами, таковыми, какъ Этрурскіе и Египетскіе сосуды, Японскіе и Китайскіе фарфоры, древнія медали, костяныя издѣлія, и проч. Въ самомъ же городѣ достойны примѣчанія многія церкви, площади, зданія, театры, и проч.; но я не вхожу въ подробное ихъ описаніе, предоставляя это искуснѣйшимъ моего перьямъ, изобразившимъ уже оные во многихъ повѣствованіяхъ и путешествіяхъ. Мое дѣло раскаꙁывать о случившемся со мною. Мы

неоднократно посѣщали славную здѣшнюю стихотворицу Кориллу. Она безъ всякаго приготовленія прекрасно говорила стихами, и, по древнему обычаю, была за то увѣнчана въ Римѣ. Сей родъ стихотворства, свойственный одному Италіанскому языку, по способности онаго къ разговорамъ на распѣвъ, называется *improvisare*, глаголъ по точному переводу значащій *незалствовать*, то есть: говорить или распѣвать внезапу (не приготовясь) стихи. Корилла славилась симъ во время бытности нашего флота въ Архипелагѣ подъ начальствомъ Графа Орлова. Она дружна была съ нимъ. Но въ наше время, бывъ уже въ лѣтахъ, она перестала говорить стихами, или говорила очень рѣдко. Намъ хотѣлось ее услышать, но трудно было до сего достигнуть. Однакожъ въ одинъ вечеръ, собравшись къ ней, по многимъ употребленнымъ на то способамъ, дошли мы до своего желанія. Съ нами въ заговорѣ были еще славный здѣшній музыкантъ Нардини, великой ей пріятель, и одинъ Италіанскій Аббатъ, который также говорилъ стихами. Бесѣда мало по малу развеселилась. Прозьбы, похвалы ея талантамъ, щедро были разсыпаемы; нѣсколько рюмокъ Кипрскаго вина, до котораго она была охотница, поразгорячили ей голову. Нардини взялъ скрыпку и началъ играть. Послѣ рукоплесканій ему, Аббатъ,

Италіанецъ, заговорилъ стихами, единственно для того, дабы ее къ тому поджечь. Глаза у ней засверкали, и она, перебивъ его, пустилась сама стихотворствовать. Всѣ мы умолкли и слушали ее со вниманіемъ. Она почти цѣлый часъ продолжала говорить на распѣвъ. Содержаніе стиховъ ея было различное. Она переходила изъ важнаго въ веселое, и часто шуточное. Нарочно приводила иногда рѣчь къ намъ, говорила о вещахъ и обстоятельствахъ, на тотъ только разъ случившихся, дабы показать, что она не выученное что нибудь, или напередъ затверженное произноситъ. Стихи ея были такъ правильны, что если бы ихъ записывать, то вѣрно не нашлось бы ни одной ошибки въ мѣрѣ стиха, въ удареніяхъ и грамматическихъ правилахъ. Иногда были они безъ рифмъ, иногда съ рифмами, какъ часто Италіянцы пишутъ. По окончаніи сего пѣснопѣнія, мы благодарили ее за оказаніе намъ сего снисхожденія и за удовольствіе, какимъ мы насладились. Корилла показалась мнѣ женщиною веселою и ласковою. Увидя на столикѣ стихотвореніе Данта, я спросилъ у ней: конечно это вашъ любимый стихотворецъ? Она отвѣчала мнѣ: такъ любимый, что онъ всегда со мною; и я не разстаюсь съ нимъ ни днемъ ни ночью. Заведя между прочимъ рѣчь о бытности флота нашего въ Италіи,

и примѣтя, что она съ пріятностію о томъ вспоминаетъ, я сказалъ ей: для чего не пріѣдетъ она въ Россію, гдѣ найдетъ старыхъ своихъ друзей и привлечетъ талантами своими многихъ къ себѣ почитателей? Она съ усмѣшкою отвѣчала мнѣ на это: далеко ѣхать, я состарѣлась, талантъ безъ молодости и пригожства не бываетъ побѣдоносенъ Такимъ образомъ, проведя съ удовольствіемъ вечеръ, мы простились съ нею и разъѣхались по домамъ.

Чрезъ нѣсколько дней мы отправились въ Ливорну, гдѣ нашли путешествующаго изъ нашихъ Рускихъ Скавронскаго съ однимъ при немъ старикомъ иностранцемъ. Въ одинъ день всѣ вмѣстѣ обѣдали мы у Каламая и пробыли до вечера. Старикъ, сопутникъ Скавронскаго, охотникъ былъ играть въ карты, онъ сталъ просить меня, чтобъ сдѣлать маленькой банкъ. Всѣ другіе тожъ желали играть. Зная что тутъ никого нѣтъ игроковъ, и хотятъ только проводить время, я сдѣлалъ имъ пять червонныхъ банку. Всѣ пристали играть, и самая большая ставка была паолъ или два (то есть на наши деньги не больше полтины). Одинъ Маркизъ сидѣлъ безъ игры, сказывая, что онъ отроду ни въ какую игру не игралъ. Наконецъ ему скучно стало. Онъ вынулъ руспони (золотая монета цѣною въ три червонца) и сказалъ:

я хочу это проиграть, но не знаю, ни какъ играютъ, ни какъ считаютъ. Ему сказали, чтобъ онъ поставилъ червонецъ. Карта ему выиграла Ему говорятъ: загни уголъ. Онъ загибаетъ. Карта выиграла. Ему говорятъ загни другой. Онъ загибаетъ. Карта выиграла. Тутъ никто ему ничего не совѣтуетъ. Я самъ загнулъ третій уголъ. Карта выиграла. Мнѣ жаль стало заплатить пятнатцать червонныхъ. Я перегнулъ карту его пополамъ, думая, что убью. Она выиграла. Я сташовалъ карты и перегнулъ еще. Она выиграла. Я, разгорячась, перегнулъ еще. Она выиграла. Я въ пущей горячности перегнулъ еще. Она выиграла. Меня бросило въ потъ. Я остановился. Маркизъ, ничего не понимая, спрашиваетъ: что сдѣлалось? Стали считать и сказали ему, что онъ выигралъ двѣсти сорокъ червонныхъ. Онъ удивился и сказалъ, что не возьметъ этихъ денегъ, что онъ не хотѣлъ выиграть больше, какъ сколько положилъ проиграть, то есть, три червонца. Онъ зналъ мое состояніе, и думая что меня это разстроитъ въ моей съ ними поѣздкѣ, тѣмъ болѣе упорствовалъ и отрицался. Но я сказалъ, что ни подъ какимъ видомъ не соглашусь не заплатить ему того, что я проигралъ, и чему самъ причиною. Всѣ другіе молчали. Споръ продолжался только между нами. Напослѣдокъ я рѣшилъ оный слѣдую-

щимъ предложенiемъ: »поставьте еще карту, ежели я убью ее, такъ мы будемъ квиты; а ежели не убью, то заплачу вамъ четыреста восемдесятъ червонныхъ и останусь въ Ливорнѣ.« Онъ никакъ не хотѣлъ на это согласиться, но я убѣдилъ его тѣмъ, что если онъ и не поставитъ, то я, заплатя ему проиграное число, останусь же, и никуда не поѣду, потому что мнѣ ѣхать будетъ не съ чѣмъ. Наконецъ онъ поставилъ, и признаюсь, что я съ такимъ трепетомъ металъ карты, какъ будто бы ожидалъ себѣ жизни или смерти. Я убилъ карту, и не знаю кто изъ насъ больше обрадовался, я ли своему выигрышу, или Маркизъ своему проигрышу. Вотъ какимъ страннымъ случаемъ могъ я лишиться удовольствiя видѣть Италiю, и сколько бы о томъ во весь мой вѣкъ сожалѣлъ!

Мы поѣхали въ Римъ, и проѣзжая городокъ Сiену остановились въ немъ на нѣсколько часовъ. Необыкновенное для меня было увидѣть посреди онаго окруженную домами небольшую площадь, впалую наподобiе чаши или раковины, которая, когда потребно, наводняется выбрасывающимъ изъ себя воду, стоящимъ на ней мраморнымъ истуканомъ. Мы заходили въ знаменитую ихъ соборную церковь, украшенную снаружи и внутри отличныхъ работъ статуями,

изображающими Апостоловъ и Папъ, также многими позлащенными столпами и живописными высокаго искуства картинами; но главнѣйшею въ семъ храмѣ драгоцѣнностію и рѣдкостію почитается мозаическій полъ, представляющій знаменитѣйшія лица и произшествія, почерпнутыя изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Полъ сей устланъ другимъ досчатымъ помостомъ, которой по частямъ разбирается для показыванія находящагося подъ нимъ мозаическаго пола. Сверхъ сего видѣли мы часовню, называемую *Хижи*, также великолѣпно и богато убранную.

По пріѣздѣ въ Римъ старался я осмотрѣть всѣ достопримѣчательныя въ сей древней столицѣ мѣста и вещи: былъ въ знаменитой прошедшими дѣяніями Капитоліи, напоминающей и понынѣ объ нихъ сидящимъ на конѣ Маркъ-Авреліемъ, и другими разными изваяніями и живописными картинами. Тутъ и волчица, воспитавшая сосцами своими Рема и Ромула. Тутъ и гуси, спасшіе крикомъ своимъ Капитолію отъ незапнаго на нее нападенія Галловъ, и многіе другіе памятники. Былъ неоднократно въ великолѣпномъ храмѣ Святаго Петра, и однажды въ день службы, совершаемой Папою. Любовался и удивлялся куполу ея, престолу, каѳедрѣ, гробницамъ, статуямъ, мозаикамъ, и вообще огромности сего величественнаго

зданія. Оттуда прошелъ я въ Папскій дворецъ по длинной галлереи, которой стѣны исписаны всѣ на разныхъ языкахъ путешественниками, гдѣ стихами, гдѣ прозою, кому что вздумалось написать. Если бы прочитать всѣ сіи надписи, то можетъ быть иная изъ нихъ нашлась бы достойною примѣчанія, такою, напримѣръ, какую видѣлъ я во Флоренціи надъ недоконченнымъ портретомъ Брута, слѣдующаго содержанія: »Живописецъ хотѣлъ Брута изобразить свирѣпымъ, но, вспомнивъ о добродѣтеляхъ его, остановился и бросилъ кисть свою« — Я ходилъ еще по многимъ другимъ, заключающимъ въ себѣ разныя достопамятности, церквамъ, также и по княжескимъ и кардинальскимъ домамъ, наполненнымъ рѣдкими и драгоцѣнными вещами, равно служащими, какъ для украшенія комнатъ, такъ для удовольствія очей и пріятнаго или нужнаго воспоминанія о достопамятнѣйшихъ въ теченіе вѣковъ произведеній и событій. Странно показалось мнѣ то, что въ этихъ великолѣпныхъ домахъ не видно было ни хозяина, ни соотвѣтствующей толь знатнымъ господамъ прислуги. Наемный по здѣшнему названію *Чичероне* (Цицеронъ) водилъ насъ по всѣмъ покоямъ и расказывалъ о чемъ кто у него спроситъ. Я думалъ, что въ это время хозяева были въ отсутствіи, но мнѣ сказали, что они дома,

да только содержать мало служителей, и живуть въ небольшихъ примкнутыхъ комнатахъ. По этому, разсуждалъ я самъ съ собою, огромныя зданія сіи служать больше для п каза, нежели для пировъ и наслажденія роскошною жизнію.

Въ Римѣ повстрѣчался я съ путешествующимъ. также какъ и мы, родственникомъ моимъ Гаврилою Ильичемъ Бибиковымъ. Мы обрадовались увидя другъ друга. Онъ убѣждалъ меня ѣхать съ нимъ; но какъ онъ ѣхалъ въ Венецію, а мы въ Неаполь, то и надлежало мнѣ одинъ которой нибудь изъ сихъ городовъ избрать по тому, что, по причинѣ приближенія срока моему отпуску, не могъ я побывать въ обоихъ. Долго затруднялся я симъ выборомъ; напослѣдокъ Бибиковъ уговорилъ меня, и я, не безъ сожалѣнія разставшись съ прежними моими сопутниками, поѣхалъ съ нимъ.

Мы отправились въ началѣ Генваря, въ такую теплую погоду, что можно было ѣхать съ открытыми въ каретѣ окнами, безъ всякой верхней одежды; но чрезъ нѣсколько дней, переѣзжая горы, нашли ихъ покрытыми такимъ глубокимъ снѣгомъ, что въ иныхъ мѣстахъ должны были въ помощь лошадямъ припрягать быковъ. — По пріѣздѣ нашемъ въ Миланъ (или по прежнему названію Медіоланъ) остановились мы тутъ на

нѣсколько дней. Въ это короткое время пребыванія нашего въ семъ городѣ, старался я, сколько могъ, удовольствовать любопытство мое осмотрѣніемъ всѣхъ достопримѣчательныхъ въ немъ мѣстъ и вещей. Всего прежде побывалъ въ соборной церкви: огромный храмъ сей снаружи обставленъ премножествомъ мраморныхъ истукановъ. Внутри великолѣпно украшенъ, имѣетъ подземную часовню и богатую ризницу. Въ немъ почиваютъ мощи св. Амвросія, лежащія съ открытою головою въ составленномъ изъ хрусталей гробѣ. Я всходилъ на самый верхъ сего высокаго зданія, откол̀ѣ весь городъ съ окрестностями своими въ прелестномъ видѣ представлялся зрѣнію. На другой день, услыша о нѣкоторомъ монахѣ, что онъ съ отличнымъ искуствомъ упражняется въ живописи, захотѣлось мнѣ посмотрѣть его работъ. Вхожу къ нему въ келью, и вижу одну только поставленную на столѣ довольно большую картину, такъ запачканную и закоптѣлую, что чуть можно видѣть начертанное на ней изображеніе. Я увѣдомилъ его о причинѣ моего къ нему прихода. Онъ сказалъ мнѣ: это правда, я люблю живопись и охотно въ ней упражняюсь. — Да какъ же, спросилъ я, не видно у васъ никакихъ тому признаковъ? — А вотъ, отвѣчалъ онъ, картина, которую я списываю съ такимъ къ ней бла-

гоговѣніемъ, что уже другой годъ сижу надъ нею. — Отъ чего такъ долго? повторилъ я мой вопросъ. — Отъ того, сказалъ онъ, что я тогда только принимаюсь списывать ее, когда глядя на нее воспламеняюсь ея красотами, и хоть мало утомлюсь или начну простывать, тотчасъ бросаю кисть и оставляю работу мою до другаго времени, когда опять почувствую въ себѣ тожъ самое расположеніе. — Ну! подумалъ я, хорошо, если бъ и писатели съ сочиненіями своими такъ поступали, какъ этотъ монахъ съ своей картиною: тогда бы меньше выходило книгъ, но гораздо лучшихъ и полезнѣйшихъ для читателей. — Не льзя ли, сказалъ я, сдѣлать мнѣ одолженіе показать то, что у васъ уже списано? — Онъ вынесъ мнѣ свою работу, не совсѣмъ еще доконченную, и дѣйствительно, сколько я судить могъ, показалась она мнѣ чрезвычайной красоты.

На третій день ходилъ я въ отстоявшій уединенно неподалеку отъ города деревянной, пустой и ветхой домикъ, имѣвшій въ себѣ ту необычайность, что когда закричишь въ немъ громко, или выстрѣлишь изъ пистолета, то эхо повторяется разъ до сорока, или болѣе, сперва почти столь же громко, а потомъ при каждомъ повтореніи уменьшаетъ звукъ свой, покуда напослѣдокъ совсѣмъ замолкнетъ. — На четвертый день

былъ я въ театрѣ, но не во время представленія на немъ, а когда собираются туда, какъ бы въ маскерадъ или на балъ, только безъ музыки, безъ мазокъ и маскераднаго платья, а просто мужчины расхаживаютъ по залу, а женщины сидятъ въ ложахъ. Людей множество, но для меня, ни съ кѣмъ незнакомаго, собраніе сіе показалось довольно скучнымъ. Въ одной сторонѣ залы поставлено было около дюжины столовъ, изъ которыхъ за каждымъ сидѣлъ банкометатель съ лежащими передъ нимъ колодами картъ и кучею золота. Я удивился, что во весь вечеръ не больше какъ за двумя или тремя столами человѣка два или три играли, а прочія кучи золота лежали праздно. О! думалъ я, естьли бъ это у насъ, то многимъ опоздавшимъ ни къ одному столу не удалось бы продраться. Самъ по себѣ театръ этотъ съ убранствомъ ложъ своихъ пространенъ и красивъ, но не случилось мнѣ видѣть играющихъ на немъ актеровъ. Впрочемъ въ другихъ мѣстахъ замѣчалъ я, что они въ дѣйствіяхъ своихъ не наблюдаютъ большой точности, потому что Италіянцы не обращаютъ строгаго вниманія на содержаніе представляемаго зрѣлища. Однажды играли трагедію; главное дѣйствующее лице несчастными обстоятельствами доведено было до такою крайняго состоянія, что надлежало ему,

оставя горестную семью свою, пуститься на неминуемую погибель. Съ симъ намѣреніемъ, въ концѣ четвертаго дѣйствія, послѣ горькихъ жалобъ своихъ, рѣшась умереть, отчаянный уходитъ онъ съ театра. Я съ великимъ сожалѣніемъ о немъ любопытствую узнать, чѣмъ рѣшится его участь. Пятое дѣйствіе начинается, и онъ первый выходитъ на сцену. Я съ радостію ожидаю услышать отъ него, какимъ образомъ онъ спасся; но что жъ услышалъ? Обращеніе его къ зрителямъ съ прозьбою, что естьли успѣлъ онъ слабымъ талантомъ своимъ возбудить въ нихъ сожалѣніе къ себѣ, то надѣется, что они не оставятъ вознаградить его великодушною своею щедротою. По произнесеніи сей рѣчи онъ пошелъ оканчивать трагедію, и никто изъ зрителей не былъ удивленъ страннымъ симъ поступкомъ. Въ другое время видѣлъ я, что когда любовникъ распѣваетъ длинную арію передъ своей любезной, изъясняя ей страстныя чувства свои, тогда она, смотря на ложи, кланяется съ сидящими въ нихъ знакомыми своими. Италіанцы любятъ Метастазіевы оперы (и не льзя знатоку словесности и благородному сердцу не любить ихъ); но и въ нихъ, зная отъ частаго представленія оныхъ почти всѣ стихи наизусть, слушаютъ только отличнѣйшія мѣста, а при другихъ ходятъ по ложамъ, посѣщая другъ

друга: для сего ложи свои убираютъ они, какъ въ домѣ комнаты. Впрочемъ никогда не случилось мнѣ видѣть, чтобъ на театрахъ ихъ представляли что нибудь на чужомъ языкѣ. Народная ли гордость, или привязанность къ красотамъ языка своего, тому причиною, не знаю; но не могу осуждать ихъ за такое къ словесности своей предпочтеніе и любовь, безъ которыхъ можетъ быть не было бы у нихъ ни Тассовъ, ни Петрарковъ, ни Аріостовъ.

Однажды подвечеръ, прогуливаясь по городу, увидѣлъ я много стоявшихъ вмѣстѣ каретъ. Я подумалъ, что съѣхались въ одинъ изъ ближнихъ домовъ по какому нибудь случаю званые гости. Подхожу ближе и вижу, что въ иныхъ каретахъ сидятъ женщины, а изъ другихъ вышедшіе мужчины ходятъ и разговариваютъ съ ними. Такимъ образомъ для свиданія съ знакомыми провождаютъ они часа два времени. Вспомня при семъ съѣздѣ о посѣщеніяхъ ихъ по ложамъ, и о частой ходьбѣ по кофейнымъ домамъ, заключалъ я изъ того, что сіе исканіе увеселеній внѣ своихъ жилищъ долженствуетъ отводить ихъ отъ гостепріимства, отъ удовольствія быть дома, посѣщать другъ друга и наслаждаться домашними дружескими бесѣдами, скрѣпляющими узы родства, пріязни, знакомства, и вообще дѣлающими связи людей тѣснѣе и

чистосердечнѣе. По сему образу мыслей моихъ не желалъ я, чтобъ сіе чужеземное обыкновеніе переселилось нѣкогда къ намъ въ Россію. — Я удивлялся и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на многихъ здѣшнихъ жителей малорослыхъ и худощавыхъ съ кривыми ногами, а въ другихъ мѣстахъ мужчинъ и женщинъ съ висящими у нихъ на горлѣ толстыми зобами, но не могъ узнать причины, подвергающей ихъ такому безобразію.

Пробывъ еще дни два въ Миланѣ, отправились мы въ Венецію, и, почти нигдѣ на пути не останавливаясь, спѣшили пріѣхать туда, потому что срокъ возвращенія моего въ Ливорну не позволялъ долго медлить. Въ Падуѣ остановились только на короткое время. Городъ сей построилъ Антеноръ, Пріамовъ братъ; онъ, по разореніи Трои, переплывъ Иллирійское море, присталъ здѣсь и поселился съ своими Троянцами. Я успѣлъ побывать въ церкви святаго Антонія Падуанскаго, гдѣ лежатъ его мощи. Въ ней вниманіе мое не столько обращено было на картины и другія украшенія, сколько, по моему мнѣнію, нашелъ я неприличнымъ, что изваянный въ половину человѣческаго роста мраморный истуканъ, изображающій Спасителя Христа, поставленъ у дверей, держа въ рукахъ, съ просящимъ видомъ, открытый мѣшокъ, въ который входящіе въ церковь, и

выходящіе изъ ней, кладутъ деньги. Признаюсь, что такое средство къ пріумноженію церковныхъ доходовъ показалось мнѣ больше корыстолюбіемъ, нежели набожностію придуманнымъ. Изъ Падуи поплыли мы каналомъ *Брентою*, текущимъ по пріятнымъ мѣстамъ между многими стоящими на берегахъ его прекрасными домами, и вскорѣ увидѣли Венецію, тотъ чудный городъ, о которомъ можно сказать, что онъ лежитъ ни на землѣ, ни на морѣ. Вмѣсто улицъ вездѣ въ немъ каналы, вмѣсто каретъ и всякихъ другихъ повозокъ, ѣздятъ на гребныхъ судахъ, называемыхъ *гондолями*, на которыхъ кормовая бесѣдка бываетъ иногда роскошно украшена зеркалами и занавѣсками. Иныхъ улицъ или, лучше сказать, переулковъ, весьма немного, и тѣ такъ узки и тѣсны, что два или три человѣка рядомъ едва проходить могутъ. Напротивъ того множество мостовъ, изъ коихъ иные отличной красоты и работы. Во всемъ городѣ нѣтъ ни одной лошади и никакой живой скотины. Самое обширнѣйшее изъ сухихъ мѣстъ есть четвероугольная площадь съ церковію святаго Апостола Марка. Храмъ сей многими рѣдкими мраморами великолѣпно украшенъ, имѣетъ богатую ризницу и другія всякаго рода сокровища. Подлѣ него построена высокая башня. Площадь, окруженная со всѣхъ сторонъ домами, тор-

говыми лавками и *казинами* (т. е. гостинницами), служитъ главною прогулкою для жителей. Я часто по ней хаживалъ, и какъ въ это время былъ *карнавалъ* (по нашему масленица), то я нерѣдко съ утра до вечера не скидавалъ съ себя маскераднаго платья, видя, что въ этомъ нарядѣ многіе прогуливаются и заходятъ въ казин , куда собираются разнаго званія люди, изъ коихъ иные, чудно одѣтые, въ странныхъ и смѣшныхъ личинахъ, ходятъ по комнатамъ, разговариваютъ притворными голосами, дѣлаютъ соотвѣтствующія одеждѣ своей тѣлодвиженія и кривлянья, забавляя самихъ себя и тѣхъ, которые любятъ на нихъ смотрѣть. Какъ ни кажутся увеселенія сіи простонародными игрищами, однакожъ разныя, иногда весьма смѣшныя выдумки, а притомъ тутъ же прогулки и переходы изъ одной казины въ другую, приносятъ такое удовольствіе, что привлекаютъ къ себѣ много всякаго рода любопытныхъ. Впрочемъ Венеціянцы такъ подозрительны въ отношеніи къ другимъ державамъ, что, сказываютъ, естьли бы какой чужестранный посланникъ вздумалъ придти въ казину безъ маски, то вся казина разбѣжалась бы отъ него. Со мной случилось нѣчто забавное, которое хотя и не очень въ хорошемъ видѣ выставляетъ меня, однакожъ, для охотно слушающихъ такія приключень-

ицы, я раскажу это. Они извинятъ меня, зная, что человѣкъ въ молодости часто бываетъ скоръ и опрометчивъ. По пріѣздѣ нашемъ сюда нашли мы здѣсь изъ нашихъ Руских путешественниковъ Николая Ивановича Корсакова, человѣка умнаго, пріятнаго и веселаго. Мы скоро съ нимъ не только познакомились, но и подружились. Руские встрѣтясь въ чужихъ краяхъ тотчасъ, какъ бы вѣкъ вмѣстѣ жили, дѣлаются знакомыми. Однажды, условясь съ нимъ проводить вечеръ въ казинѣ, пришелъ я туда и увидѣлъ его сидящаго безъ маски. Я подошелъ къ нему. Подлѣ него сидѣла закутанная въ маскерадномъ платьѣ женщина, съ другою, также замаскированною, которая по щеголеватому наряду своему и тонкому стану показалась еще очень молодою. Корсаковъ посадилъ меня подлѣ ней и сказалъ мнѣ по Руски: »Это моя хозяйка, у которой я живу въ домѣ, пожилая и почтенная женщина, а та, подлѣ которой ты сидишь, дочь ея, шестнатцатилѣтняя дѣвушка, очень умная и красавица. Поговори съ нею; она хотя по здѣшнему обыкновенію и не станетъ тебѣ отвѣчать, но учтивыя похвалы твои и ласки будутъ ей пріятны, и когда послѣ вздумаешь придти къ намъ, то уже мать и она примутъ тебя съ удовольствіемъ.« Увѣренный его словами, желая снискать такое пріятное знаком-

ство, началъ я говорить ей, что хотя она и закрыта отъ моихъ жадныхъ глазъ, но я знаю, какъ она мила, какими одарена достоинствами, и тому подобное. Она молчала. Посидя нѣсколько пошли мы прогуливаться. Корсаковъ взялъ свою хозяйку, а я свою молчаливицу. Во время прогулки старался я какъ можно больше насказать ей ласкъ и учтивостей, съ робостію осмѣливался иногда брать и съ почтительностію цѣловать ея руку; она не отнимала ее у меня, но не смотря на всѣ мои прозьбы промолвить хоть словечко и дать мнѣ услышать голосъ свой, продолжала молчать, и ни малѣйшимъ знакомъ привѣтствія на всѣ мои ласки и нѣжности не отвѣчала; однакожъ я ни мало тѣмъ не огорчался, а напротивъ приписывалъ это принятому у нихъ обыкновенію и отличной ея скромности. Словомъ, я разстался съ ними въ великомъ восторгѣ отъ моей, по моему воображенію, милой, прелестной и отмѣнно скромной дѣвицы, и на другой же день спѣшилъ идти къ Корсакову, чтобъ увидѣться съ нею и еще болѣе познакомиться. Прихожу. Сказали мнѣ, что онъ у хозяйки въ покояхъ, и что она проситъ меня пожаловать къ ней. Я лечу на крыльяхъ радости, и нахожу ихъ весело сидящихъ и улыбающихся. Едва успѣли мы съ хозяйкою сказать другъ другу нѣсколько привѣтливыхъ словъ, какъ

вдругъ приказываетъ она позвать къ себѣ дочь свою. Сердце у меня затрепетало. и чтожъ? вижу, входитъ съ кривымъ носомъ дурной мальчикъ, дурачокъ. Оба они захохотали, и Корсаковъ сказалъ мнѣ: »Вотъ та прекрасная дѣвушка, въ которую ты вчера влюбился! Мы нарочно этого дурачка такъ нарядили, чтобъ тебя обмануть.« Признаюсь, что сперва эта шутка меня огорчила, но послѣ, вспомня, какія нѣжности говорилъ я этому уродцу, какъ цѣловалъ у него руки, я самъ расхохотался и помирился съ ними.

Въ одинъ изъ празднуемыхъ дней было здѣсь торжество, состоявшее въ разныхъ увеселительныхъ представленіяхъ. На площади святаго Марка собралось множество людей. Окна Дожева дворца и другихъ домовъ наполнены были зрителями и зрительницами. Игры и забавы сіи заключались первое въ томъ, что, въ напоминаніе о какомъ-то старинномъ приключеніи, приведенному съ великимъ обрядомъ быку мясникъ однимъ махомъ отрубилъ голову. За успѣшное дѣйствіе сего вознаграждался онъ народными криками и похвалами. Второе, строили изъ людей пирамиду, то есть: восемь человѣкъ стоятъ внизу, на нихъ становятся четверо, на четверыхъ двое, на двухъ одинъ, и на немъ еще мальчикъ, повернувшійся иногда вверхъ ногами. Третіе, и самое лучшее: съ вершины

башни, находящейся подлѣ церкви святаго Марка, протянута была къ Дожеву дворцу веревка, по которой человѣкъ, лежа на прицѣпленной къ ней маленькой лодочкѣ, внизъ головою спускался съ цвѣткомъ въ рукѣ, для врученія онаго Дожу.

Въ другой день званы мы были на балъ, куда съѣхались всѣ здѣшнія высшаго степени особы въ большихъ нарядахъ. Главное и почти единственное увеселеніе на немъ состояло въ танцахъ. Строгое наблюденіе чинности и порядка показалось мнѣ скучнѣе народныхъ игрищъ. Всякаго, кто съ тобою говорить начнетъ, надлежало называть *эччеленца* (Ваше Превосходительство), иначе онъ обижался неучтивостію. Танцовать нельзя было инымъ образомъ, какъ сидя на мѣстѣ дожидаться, покуда какой нибудь устроитель бала, *эччеленца*, не поведетъ тебя къ ожидающей дамѣ, съ которою ты протанцовавъ долженъ сѣсть опять на свое мѣсто. Связанность и принужденность сія, безъ всякой въ обращеніи свободы, были для насъ больше тягостны, нежели пріятны.

Между прочими обозрѣніями частей города любопытствовалъ я видѣть здѣшній арсеналъ, или лучше сказать Адмиралтейство, устроенное на окруженномъ водою обширномъ островѣ, и служащее какъ хранилищемъ всякаго рода выработываемыхъ на

немъ морскихъ припасовъ, такъ и укрѣпленіемъ себя оборонительными орудіями отъ нападеній непріятельскихъ. Тутъ находится украшенное рѣзною и живописною работою судно, называемое *Буцентавръ*, на которомъ Дожъ всякой годъ въ день Вознесенія Господня выѣзжаетъ съ первѣйшими чиновниками своими и послами при пушечномъ громѣ и колокольномъ звонѣ, сопровождаемый множествомъ гондолей, вѣнчаться съ моремъ, бросая въ него кольцо, въ знакъ своего съ нимъ обрученія. Обрядъ сей и понынѣ продолжается въ воспоминаніе прежняго на водахъ могущества Венеціянъ. Сказать правду, невѣста Дожева спѣсива, не обмѣнивается съ нимъ кольцами, и такъ непостоянна, что хотя бываетъ иногда тиха и пріятна, но въ другое время такъ сердита и бурлива, что ни какой мужъ не сладитъ съ нею.

Напослѣдокъ пора мнѣ было ѣхать въ Ливорну. Съ сожалѣніемъ разстался я съ товарищемъ моимъ Бибиковымъ, но съ другой стороны утѣшенъ былъ сопутствованіемъ со мною Корсакова, которой ѣхалъ во Флоренцію. Мы отправились на суднѣ каналомъ Брентою. Онъ на нѣкоторое разстояніе течетъ съ горы, раздѣляясь на четвероугольные, одинъ другаго выше, пруды или части, запираемые воротами, которые отворяются, и текущая изъ нихъ вода, наполняя нижній

пруд, приподнимаетъ судно. Такимъ образомъ возводятъ его на самый верхъ. Дорогою не на долгое время останавливались мы только въ Феррарѣ и Болоніи. Въ первомъ изъ сихъ городовъ взглянулъ я и съ нѣкоторымъ почтеніемъ поклонился воздвигнутой въ церквѣ мраморной съ поясною статуею гробницѣ Аріоста, сего великаго Стихотворца, который забавною поэмою своею *Orlando furioso* (неистовый Орландъ), совсѣмъ особаго рода отъ Тассовой поэмы, *la Gerusaleme liberata* (Освобожденный Іерусалимъ), *) умѣлъ

*) Изъ самыхъ первыхъ стиховъ ихъ видно уже намѣреніе одного изъ нихъ составитъ важную объ одномъ токмо предметѣ, а другаго веселую о многихъ предметахъ поэму. Тассъ начинаетъ:

Canto l'armi pietose e 'l capitano,
Che 'l gran sepolcro liberò di Cristo.

то есть:

Пою благочестивое оружіе и вождя,
Освободившаго великій гробъ Христовъ.

А другой напротивъ:

Le donne, i cavalier', l'arme, gli amori,
Le cortesie, l'audaci imprese, io cánto.

то есть:

Женщинъ и мужчинъ, оружіе и любовь,
Учтивости и отважныя предпріятія пою.

раздѣлить съ нимъ славу, такъ что Италія не знаетъ, кому изъ нихъ дать преимущество. Въ Болоніи удивленъ я былъ необычайной длины галлереею, состоящею изъ нѣсколькихъ сотъ арковъ или круглыхъ сводовъ; она съ одной стороны имѣетъ стѣну, а съ другой открыта, и ведетъ отъ городскихъ воротъ въ церковь. Видѣлъ также подобную Пизской наклонную на бокъ кривую башню. Любовался кабинетомъ, вмѣщающимъ въ себѣ множество естественныхъ произведеній и рѣдкостей. — По пріѣздѣ во Флоренцію разстались мы съ Корсаковымъ, въ короткое время познакомясь и полюбя другъ друга чистосердечно. Я поѣхалъ въ Ливорну. На дорогѣ случилось со мною небольшое приключеньице, которое я для шутки, или же и для предосторожности другихъ, разъѣзжающихъ *курьерами*, раскажу: на послѣдней станціи къ Пизѣ сказали мнѣ, что всѣ лошади въ разгонѣ, и что не прежде могутъ меня везти, какъ часа черезъ четыре. Это мнѣ было очень досадно тѣмъ больше, что я спѣшилъ и надѣялся въ тотъ же день къ вечеру пріѣхать въ Ливорну. Но какъ на всѣ мои прозьбы отвѣчали холоднымъ отказомъ, то принужденъ я былъ обѣщать дороже прогоновъ заплатить, лишь только бы скоро меня отправили. Согласились на это; запрягли лошадей, больше чѣмъ за двойную

плату. Отъѣхавъ версты три или четыре отъ почты, вздумалось мнѣ погрозить везшему меня извощику, что я, пріѣхавши въ Пизу, пожалуюсь на ихъ со мною поступокъ. Лишь только успѣлъ я это промолвить, какъ вдругъ извощикъ, повернувъ лошадей, поскакалъ во весь опоръ назадъ. Сколько ни убѣждалъ я его воротиться, увѣряя, что я сказалъ это въ шутку, и что ни какихъ жалобъ дѣлать не намѣренъ; нѣтъ, онъ меня не слушалъ, и привезъ обратно на почту. Лошадей выпрягли, ушли отъ меня, и оставили одного въ недоумѣніи, что мнѣ дѣлать. Насилу, послѣ великихъ прозьбъ и клятвъ моихъ, что я ни кому жаловаться не хочу и не буду, повезли меня опять, и я, куда просить! радъ былъ, что этимъ отдѣлался.

Возвращеніе въ Россію.

По пріѣздѣ въ Ливорну нашелъ я, что фрегаты наши готовились уже къ походу, и вскорѣ послѣ того вступили мы подъ паруса. Я, хотя и весьма желалъ возвратиться въ отечество, однако жъ съ сожалѣніемъ оставлялъ Италію, а особливо Ливорну, гдѣ со многими познакомился, и въ Каламаевомъ, пріятномъ для меня домѣ, былъ принятъ какъ домашній, какъ самый близкій ихъ род-

ственникъ. Путеплаваніе наше успѣшно и благополучно продолжалось: попутные вѣтры несли насъ, какъ на крыльяхъ. Мы скоро прошли Гибралтарскій проливъ и вступили въ Атлантическое море. Поравнявшись противъ Португальскихъ береговъ, увидѣли мы на вѣтрѣ Гишпанскій флотъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ военныхъ кораблей, которые, при появленіи нашемъ, тотчасъ начали между собою дѣлать разговорные знаки (сигналы). Мы подняли свой флагъ, дабы показать имъ, какой державѣ принадлежимъ. Одинъ изъ кораблей ихъ спустился отъ вѣтра и пошелъ прямо къ намъ. Хотя мы не были съ ними въ войнѣ, однакожъ, не зная съ какимъ намѣреніемъ онъ идетъ, зарядили пушки ядрами и приготовились, въ случаѣ какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствій, къ оборонѣ. Корабль, поравнявшись противъ нашего фрегата, спустилъ шлюпку и послалъ ее къ намъ. Офицеръ, пріѣхавшій на ней, сказалъ нашему Капитану, что онъ присланъ отъ начальника своего поздравить насъ съ прибытіемъ къ ихъ берегамъ и пожелать намъ счастливаго пути. Козляниновъ, принявъ его съ вѣжливостію, и поблагодаря за изъявляемую ими къ Рускому флагу учтивость, велѣлъ спустить свою шлюпку и приказалъ мнѣ съѣздить на ихъ корабль съ такими же привѣтствіями и увѣреніями о нашей къ нимъ

пріязни. Я тоже на кораблѣ ихъ принятъ былъ весьма учтиво. Послѣ сего, при продолженіи попутныхъ вѣтровъ, вошли мы въ Англинской каналъ, и стали близъ Довера на якорь, въ ожиданіи прибытія изъ Кале ѣдущей съ нами въ Россію дюшессы Кингстонъ. За ней послано было судно, на которомъ она съ бывшими при ней сопровождателями пріѣхала къ намъ на фрегатъ. Мы тотчасъ вступили подъ паруса, прошли Категатъ, и, за противнымъ вѣтромъ, остановились на Копенгагенскомъ рейдѣ. Какъ скоро вѣтръ перемѣнился, мы отправились въ путь, и чрезъ нѣсколько дней пришли благополучно въ Кронштадъ. Я съ радостію возвратился въ отечество, но радость моя смѣшена была съ горькимъ напоминаніемъ, что во время отсутствія моего лишился я близкой къ сердцу моему особы, и при томъ еще вскорѣ, по прибытіи нашемъ, опечаленъ былъ смертію сотоварища и пріятеля моего Василья Павловича Тимирязева, съ которымъ соединены мы были искреннею дружбою.

О Романѣ les Intimes,

соч. Г. Раймонда.

(Изъ Journal de St. Petersbourg Politique et Litteraire 1831 N. 89).

Журналъ Французскій l'Avenir въ листкѣ своемъ 17 Іюля даетъ отчетъ о новомъ Романѣ, изданномъ Михайломъ Раймондомъ подъ названіемъ les Intimes (Искренніе). Вотъ какимъ образомъ журналъ сей говоритъ о родѣ, къ какому романъ этотъ принадлежитъ, о томъ родѣ, какой, по несчастію, кажется принятъ нынѣшними писателями.

»Съ нѣкотораго времени люди, почитающіе себя учеными и благоразумными, негодуютъ, видя наклонность Словесности нашей къ ужасному роду сочиненій. Другіе, называющіе себя новыми преобразователями, поздравляютъ сами себя, и громко тѣмъ величаются. Какъ я не вхожу въ разсматриваніе сего, то и не скажу ничего о достоинствѣ сего новаго, придаваемаго къ искуствамъ нашимъ качества. Правда, нынѣ мы весьма далеки отъ той холодной, не воспламеняющей насъ Словесности, послѣ степеннаго

которой хода и блѣдныхъ красокъ, заступили мѣсто пылкія, и можетъ быть, смрадныя сочиненія. Въ три года писатели наши извлекли наружу всѣ находящіяся въ душѣ человѣческой чувствованія. Я не знаю ни одной естественной или нравственной скорби, ни одной язвы, ни одной раны, которая бы не представлена была глазамъ на театрѣ или въ книгахъ. Одни рылись вездѣ, во всѣхъ тюрьмахъ, больницахъ, между колодниками, подъ висѣлицами, и даже въ мѣстахъ еще болѣе гнусныхъ, между тѣмъ какъ другіе, которымъ разумъ ихъ не позволялъ долго черпать изъ столь смрадныхъ источниковъ, старались въ среднихъ вѣкахъ искать тѣхъ пылкихъ страстей, кои находили они способъ дѣлать еще болѣе дикими и лютыми. Я долженъ это сказать, не смотря на удивленіе и уваженіе мое къ ихъ сочиненіямъ.

»Признаюсь, что я не могъ понять, какимъ образомъ сія любовь ко всему ужасному могла съ такою живостію появиться въ нашей Словесности, тогда какъ мы привыкли къ веселой и пріятной жизни, къ учтивымъ и привѣтливымъ поступкамъ въ роскошныхъ и лакомыхъ обществахъ, которыя съ перваго взгляда кажутся быть чужды всякихъ страстей. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи, загадка сія объясняется. Правда, мы въ семъ вѣкѣ дошли до совершеннаго безчувствія и

равнодушія. Кто въ законѣ, въ гражданскихъ дѣлахъ, въ любви, въ дружбѣ управляетъ нынѣшняго времени людьми? Корысть, навыкъ, подличанье, жеманство, самолюбіе, подъ тысячами личинъ. Мы называемъ это просвѣщеніемъ; но скоро можно примѣтить, что подъ сею корою льда кипятъ зловреднѣйшія страсти, подобно нѣкоторымъ, какъ сказываютъ, покрытымъ снѣгомъ горамъ, внутри которыхъ дышетъ свирѣпый пламень. Таинству обществъ измѣняютъ иногда бывающіе въ нихъ признаки, кои недальновидящій примѣчатель пріемлетъ за изключенія. Изъ нѣдръ общей безчувственности возстаютъ нѣкія пламенныя души съ громкимъ противъ того крикомъ: у нихъ есть страсти, и страсти тѣмъ сильнѣйшія, что все вокругъ ихъ находится въ оледенѣлости. Теперь посмотримъ, какимъ образомъ публика разумѣетъ сіи страсти, какое пріемлетъ въ нихъ участіе, какъ жадно слушаетъ объ нихъ расказы и хочетъ знать, что изъ того откроется. Это въ сущемъ дѣлѣ потому, что она чувствуетъ себя способною къ симъ страстямъ. Судороги сна довольно предвѣщаютъ, каково будетъ пробужденіе. И такъ Словесность наша удовлетворяетъ только ея требованіямъ: мы всячески хотимъ сильныхъ потрясеній; она даетъ намъ то, чего мы хотимъ, и можетъ быть,

какъ то часто случается, больше, нежели желаемъ.

»Любители вѣка, въ которомъ мы живемъ, вопiяли много противъ среднихъ вѣковъ, временъ, по словамъ ихъ, звѣрскихъ и жестокихъ. Сравните же, прошу, страсти тѣхъ вѣковъ съ страстями нынѣшняго просвѣщеннаго времени, и скажите, на которой сторонѣ преимущество. Такъ, въ страстяхъ среднихъ вѣковъ много было ярости и насилiя, но въ то же время много привязанности и огня. Что касается до насъ, наши страсти — самолюбiе; мы только къ самимъ себѣ пристрастны, а къ другимъ равнодушны, какъ охладѣвшiе чувствами старики, или какъ люди опустившiеся, развратные, ни чему невѣрующiе. Вы говорите о неистовствахъ суевѣрiя; правда, оно, къ сожалѣнiю, проливало кровь; однакожъ проливалъ ее мечь, и убивали только тѣхъ, которыхъ почитали врагами Божiими. Но лучше ли, милосерднѣе ли сего гражданское неистовство, воздвигающее лобныя мѣста для казни тѣхъ, кои не могутъ защищаться, и приносящее жизнь человѣческую въ жертву — кому? себѣ и народу! Въ среднихъ вѣкахъ, когда кто любилъ женщину, онъ преданъ ей былъ тѣломъ и душою: для ней, для своей любезной, услужливый рыцарь не отрекся бы сходить босикомъ въ Iерусалимъ; за нее, за

*

честь ея, чтобь получить оть ней одинъ взглядъ, одну слезинку, готовъ былъ биться до смерти Нынѣ, пожалуйте, не опасайтесь; никто милой своей не пожертвуеть собою, а скорѣе ее принесеть себѣ въ жертву. Стараться угожденіями и усердіемъ нищенски пріобрѣсть любовь женскую, — это очень приторно; увезть дѣвку, обезчестить, или поступить еще хуже, — вотъ это наше дѣло!

»Впрочемъ я, не касаясь ничего другаго, говорю здѣсь только о томъ, какія мысли произвели во мнѣ два новыя сочиненія: Antony и les intimes. По несчастію, не льзя пренебрегать ни романомъ Г. Раймонда. ни драмою Г. Дюмаса. Въ отношеніи къ Словесности, успѣхи нынѣшней книги или театральной піэсы ничего не значатъ, но по другимъ обстоятельствамъ значать много. Ежели въ сочиненіи, пріемлемомъ съ похвалою, разсуждать о восторгахъ и рукоплесканіяхъ публики, то примѣчатель не потеряетъ труда; а книга les intimes принята съ великою похвалою.«

Здѣсь издатель журнала даетъ выписками знать о лицахъ и содержаніи сей книги; мы не хотимъ послѣдовать ему въ сихъ подробностяхъ, изъ коихъ большая часть безнравственностію своею омерзительны; мы удовольствуемся тѣмъ, что представимъ

читателю справедливыя сужденія, къ какимъ подала она ему поводъ.

»Естьли (говоритъ онъ) стану я разсматривать книгу сію со стороны искуства, то долженъ сказать, что она писана съ дарованіемъ, отличнымъ слогомъ, особливо же способнымъ выражать страсти; что составъ ея хорошо связанъ, хорошо выдержанъ, и я могъ бы показа ь въ ней поразительныя явленія; но какъ я предположилъ себѣ разсматривать ее единственно со стороны нравственности, то могу сказать только, что книга сія есть самый ужаснѣйшій признакъ зла, заражающаго нынѣшнія общества, и что навѣрное послужитъ она къ умноженію и распространенію онаго. Болѣзни сего рода прилипчивы по одному только тому, что выказываются ихъ примѣты.

»Я бы желалъ не вѣрить, что романъ сей есть вѣрное изображеніе нашихъ нравовъ, точный бытъ нашихъ обществъ; но ежели это правда, горе намъ! Были времена, когда набожные люди затворялись въ монастыряхъ благоговѣть и умолять Бога о прощеніи грѣховъ сего міра. Никто не думаетъ нынѣ удалиться въ пещеру или пустыню плакать объ насъ. Между тѣмъ однакожъ любящіе вѣкъ сей признаются, что книга сія говоритъ правду. Впрочемъ, ежели сочинитель списалъ картину эту вѣрно, то

ему первому должно трепетать. Вотъ прекрасное мѣсто, которое выписываю я изъ послѣдней главы сего сочиненія.

»Общество нынѣшнее истощило всѣ свои сѣмена, подобно пустопорожнимъ полямъ, которыя въ первыя времена были весьма плодоносны, а теперь не производятъ ничего, кромѣ худой травы и безсочныхъ плодовъ: такъ и родъ человѣческій, обработавъ всѣ тучныя и плодовитыя нивы ума, приближается теперь къ растущему на глинѣ просвѣщенію: приходится ему худощавѣть въ сей засухѣ до тѣхъ поръ, пока, лжеумствуя объ усовершенствованіи своихъ законовъ, и разрушая ученымъ образомъ порядокъ естественныхъ вещей, не наткнется на одно изъ тѣхъ коловращеній, въ которыхъ никто, кромѣ Бога, помочь не можетъ, то есть, кои состоятъ въ посланіи всеобщаго бича, долженствующаго, по истребленіи всѣхъ народовъ, возобновить лице земли.«

Я не удивляюсь, что мысли сіи могли придти въ голову человѣка, написавшаго такую книгу, какъ les Intimes, и благодарю его за сіе мрачное заключеніе; однакожъ не соглашаюсь съ его пророчествомъ.

Я также думаю, что ничто, кромѣ премудрости Божіей, не можетъ избавить отъ золъ, въ какихъ общество людей погрязаетъ; но не потопъ, не огненный дождь, не смер-

тоносная язва, надѣюсь по крайней мѣрѣ, потребны будутъ для возобновленія лица земли Свѣтъ еще больше, чѣмъ нынѣ, одержимъ былъ недугомъ, когда Христіанская Вѣра появилась въ немъ, и спасла его. Та же и нынѣ Вѣра спасетъ его и обновитъ лице земли.

Богъ людямъ далъ страсти Не должно жаловаться на то; ибо естьли онѣ часто бываютъ началомъ зла, то онѣ же суть и причиною блага: вся тайна состоитъ въ направленіи оныхъ къ добру. Но нѣтъ сомнѣнія, что одна токмо Вѣра, одно только помышленіе о Богѣ и любовь къ Нему, могутъ управлять страстями человѣка. Въ сердцахъ нашихъ обитаютъ огромныя, безпредѣльныя желанія. Не уже ли разумъ будетъ управлять ими, разумъ, толь легко вдающійся въ соблазны? Одна Вѣра имѣетъ достаточную силу, потому что повелѣваетъ, а не умствуетъ; даже и Она не всегда укрощаетъ ихъ; но по крайней мѣрѣ Она изливаетъ на порочную страсть, которую обуздать не можетъ, нѣкое благоуханное мνро, и когда увидитъ ее умягченну, тотчасъ простираетъ къ ней руки, пріемлетъ ее въ свои обьятія, и смываетъ нечистоту ея слезами. Безъ Вѣры напротивъ дѣлается то, что мы нынѣ видимъ. Страсть возникаетъ въ сердцѣ человѣка, растетъ, усиливается, и ничто не можетъ ее воздержи-

вать. Это сильная, долговременная горячка, снѣдающая душу; лютое бѣшенство, никому даже не жалкое. И чтожъ по утишеніи его остается человѣку? Ничего; не остается даже раскаянія. Человѣкъ безъ Вѣры есть корабль безъ компаса. Страсть кидаетъ его какъ буря; и когда буря пройдетъ, онъ не можетъ войти въ пристанище: остается погибать.

Отчужденіе отъ Вѣры есть единственная причина золъ человѣчества, равно какъ возвращеніе къ ней — единственное средство къ спасенію отъ бѣдствій. Мы возлагаемъ упованіе наше на Бога, въ твердой увѣренности, что свѣтъ напослѣдокъ устанетъ самъ себя мучить, и преклонится предъ Христіанскою Вѣрою съ сокрушеннымъ сердцемъ и моленіемъ: да заживитъ раны его цѣлебнымъ своимъ мѵропомазаніемъ. Скоро ли это будетъ, — того мы не знаемъ: это тайна Провидѣнія.

Разговоръ Стафорда, жителя Швейцаріи, съ живущимъ у него гостемъ, Флоріаномъ.

(Переводъ изъ Нѣмецкой книги, называемой Graubünder, соч. Г. Чокке)

Старикъ Стафордъ почитался отъ сосѣдей своихъ человѣкомъ благоразумнымъ, снискавшимъ счастіе свое добротою душевныхъ своихъ качествъ; повсюду прославляли постоянную честность его и щедролюбіе. Стада его и Швейцарскій сыръ, въ великомъ количествѣ въ Англію и Францію вывозимый, дѣлали еще сношенія его весьма обширными, и юные недостаточные домостроители и земледѣлатели, изъ всѣхъ окрестныхъ долинъ приходившіе къ нему просить совѣтовъ или денежныхъ пособій, возвращались отъ него почти всегда удовлетворенными. Флоранъ вскорѣ примѣтилъ общее всѣхъ жителей края сего уваженіе и любовь къ сему старцу. Въ одно утро, когда пошелъ онъ съ нимъ на горы, для осмотрѣнія стадъ его, изъ всѣхъ хижинъ, мимо которыхъ проходилъ онъ, слышны были дружескія ему привѣтствія, и вездѣ

старались удержать его ласковыми предлаганіями усердныхъ угощеній.

Право, ты пресчастливый человѣкъ, сказалъ ему вздохнувши Флоріанъ, смотря съ высоты горы на спокойную долину, покрытую сочными паствами съ бѣлѣющими на нихъ домиками, и сравнивая тишину сей страны съ Граубиндскою землею, отечествомъ своимъ, гдѣ Французы и Австрійцы угнетали народъ всѣми ужасными бѣдствіями.

— Всякой счастливъ, кто хочетъ быть счастливымъ, сказалъ старикъ. Есть и между нами злополучные. —

— У васъ тѣ только таковы, которые сами тому виною, отвѣчалъ Флоріанъ.

— Какъ всегда и повсюду бываетъ, примолвилъ Стафордъ.

— Нельзя однако жъ отрицать, чтобъ въ хорошемъ мѣстоположеніи миролюбивое общество не наслаждалось благополучіемъ, сказалъ Флоріанъ.

Старикъ покачалъ головою: нѣтъ, сказалъ онъ, и это одинъ изъ тѣхъ предразсудковъ, которыми наиболѣе обольщаются мысли человѣческія. Никакое состояніе, ни богатство, ни бѣдность, ни честь, словомъ ничто, окружающее насъ, не даетъ намъ счастія иначе, какъ соотвѣтственно тому, какъ мы на сіи вещи смотримъ. Развѣ ты не знаешь, что

Цари желали себѣ смерти, и мученики на кострѣ возглашали веселыя пѣснопѣнія?

— Такъ, отецъ Стафордъ; но что сказалъ бы ты, когда бы чужеземныя войски вломились въ сію мирную долину, убили твоего сына, отняли у тебя стада твои, сожгли домъ, и пустили тебя ходить нищимъ по міру?

— Ну чтожъ! всѣ эти вещи суть жизненныя благи; душевное мое блаженство не отъ нихъ зависитъ. Сынъ мой можетъ и безъ чужеземныхъ войскъ умереть, и смерть не есть зло. Нѣтъ на свѣтѣ несчастія, кромѣ того зла, которое мы сами себѣ дѣлаемъ; для того должны мы любить доброе и справедливое. Пріятное Богу пребываетъ вѣчно.

— Однако, сказалъ Флоріанъ, ты согласишься, что съ этою Философіею . . . . .

— Скажи лучше съ Христіанскимъ чувствомъ! перервалъ съ жаромъ Стафордъ.

— Но сіи Христіанскія чувства, думаю, не дѣлаютъ тебя нечувствительнымъ ко внѣшнимъ красотамъ и прелестямъ сладкой жизни.

— Отнюдь нѣтъ, сказалъ старикъ; но всякой человѣкъ обо всемъ окружающемъ его судитъ по душевнымъ своимъ свойствамъ: гордый ищетъ себѣ обожателей, властолюбивый рабовъ, сумазбродный людей безъ разсудка, дуракъ глупыхъ, мужъ истинно просвѣщенный здравомыслія и человѣколюбія

каждый, видя вещи, утѣшается и оцѣниваетъ ихъ по тому чувству, какое къ нимъ привязываетъ. — Но мы не должны впадать въ уныніе отъ того, что не находимъ вокругъ насъ желаемаго нами, или того, что приносило намъ удовольствіе.

Флоріанъ удивился мудрости старика, и сказалъ ему: ты правъ, отецъ Стафордъ! и я, чувствуя себя въ горахъ сихъ столько счастливымъ, радуюсь симъ моимъ чувствамъ, ибо все, что вижу и слышу здѣсь, глубоко вкореняется въ мое сердце. Здѣшняя жизнь развращенному человѣку, моту, подлецу, злодѣю, не можетъ нравиться.

— Конечно такъ, мой другъ, отвѣчалъ старецъ; многіе люди не могли бы найти удовольствія жить между сими простыми, трудолюбивыми обитателями, и смотря на сію бѣдную землишку, однимъ искуствомъ жителей своихъ питающуюся, пожимали бы отъ жалости плечами.

(Переводъ изъ Французской книги, называемой la peau de chagrin, сочиненія Г. *Бальзака.*)

Всякое самоубійство есть высокая поэма меланхоліи. Гдѣ найдете въ океанѣ Словесности всплывшую книгу, которая могла бы изящностію разума спорить съ сими тремя

строками: »вчера въ четыре часа молодая женщина бросилась въ рѣку Сейну съ высоты моста искуствъ (pont des arts)?« Передъ симъ лаконическимъ выраженіемъ, ну право, всѣ драмы, романы блѣднѣютъ, и даже сія старая надпись: »плачъ славнаго Короля Кариавана, посаженнаго дѣтьми своими въ тюрьму -послѣдній отрывокъ изъ утраченной книги, коей одно чтеніе исторгало слезы у того Стерна, который самъ бросилъ жену и дѣтей своихъ.«

Примѣчаніе Переводчика.

Я нарочно сблизилъ сіи двѣ выписки, чтобъ видѣть образъ мыслей одного и другаго писателя. Какая разность! читая перваго изъ нихъ, я съ благоговѣніемъ желалъ облобызать руку почтеннаго старца, научающаго меня тѣмъ высокимъ чувствамъ, которыя чѣмъ меньше почитаются удобоисполнительными для сердца, тѣмъ меньше побѣждается оно малодушіемъ и пороками; но когда разогнулъ книгу втораго и прочиталъ въ ней выписанное здѣсь мною, то бросилъ ее съ негодованіемъ въ огонь и сказалъ: »гори, окаянная! исчезни отселѣ; поди, и въ адѣ утѣшай чертей, раскязывая имъ съ веселостію и красно-

рѣчіемъ, какъ люди сами себя убиваютъ, какъ молодыя женщины бросаются съ моста въ рѣку, какъ дѣти сажаютъ отца своего въ тюрьму, какъ мужья бросаютъ женъ своихъ и дѣтей; пусть злые духи, видя въ тебѣ поборницу свою, съ радостію слушаютъ, какъ подобныя сему отчаянію бѣшенства и гнусности называешь ты *высокими поэмами* меланхоліи, гнѣва, мести, всякихъ пагубныхъ страстей, и какъ учишь чувствовать пропоповѣдываемыя тобою красоты смертоубійства и текущей ручьями крови; не говори ни слова о добродѣтеляхъ, о тѣхъ правилахъ кротости и смиренія, кои для благополучія здѣшней и будущей жизни, предписываетъ намъ святая Вѣра, тверди только, какъ и большая часть нынѣшнихъ книгъ и зрѣлищъ, о тѣхъ лютыхъ, неистовыхъ страстяхъ, которыя, помрачая разумъ, ведутъ насъ во всякіе пороки и преступленія, поди, злая книга, обольщай незрѣлые умы новоумствованіями твоими, и сгинь отъ глазъ моихъ!« Такъ разсуждалъ я самъ съ собою; но видя и слыша, что подобныя книги во множествѣ сочиняются, переводятся съ языка на языкъ, читаются, раскупаются и превозносятся похвалами, вздохнулъ и подумалъ: давно уже вопіяли: »о времена! о нравы!« а нынѣ надобно еще къ сему прибавить: »о разумы!«

СВѢТЛЯКЪ.

Идиллія Г. Георгія.

(Переводъ съ Французскаго) *)

Уже влажная ночь широко распростерла безмолвныя крылья свои, и таинственный ликъ звѣздъ, покровитель нѣжныхъ похищеній любви, начинаетъ волшебное плясаніе свое на небесномъ сводѣ.

---

*) Сочинене сіе съ Морлакскаго языка переведено на Италіанскій, а съ Италіанскаго на Французскій. Въ подлинникѣ извѣстно оно подъ названіемъ svietgnack, означающимъ свѣтящуюся бабочку или червяка съ крыльями, иначе называемаго *Ивановымъ*. По Италіански имя ему lucciola, тожъ отъ Славенскаго слова *лучь*. Переводчикъ на Французской языкъ, отзываясь о семъ стихотвореніи съ великою похвалою, и называя сочинителя онаго Морлакскимъ Анакреономъ, говоритъ о себѣ, что онъ взялъ сію пѣснь изъ Апендиніевыхъ извѣстій о Сиракузскихъ древностяхъ и Словесности Иллирійской, о коихъ упоминается въ Италіано-Иллирійскомъ Словарѣ П. Арделія делла Беллы. См. lucciole или lucciola, стр. 80, томъ 2.

Я, руководствуемый страстію, пользуюсь наступающею темнотою, чтобъ подъ кровомъ ея пробраться къ жилищу моей любезной. Съ края балкона ея опускается на шелковой ниткѣ бѣлая, колеблемая вѣтромъ бумажка. Увы! я ожидалъ чего то болѣе.

Нетерпѣливость, по крайней мѣрѣ въ письмецѣ семъ, узнать мысли моей возлюбленной, производитъ въ сердцѣ моемъ біеніе и трепетъ; но между тѣмъ ночь отъ часу болѣе темнѣетъ, и тщетно при глубокомъ мракѣ стараюсь я въ семъ тайномъ посланникѣ разобрать начертанные ко мнѣ рукою моей милой невидимые знаки.

Напрасный трудъ! безполезныя жалобы! Сіяющіе власы луны не разстилаютъ еще сребряныхъ волнъ своихъ по вершинамъ горъ, на коихъ сія богиня ставитъ престолъ свой; свѣтило небесное блистаетъ еще далеко отъ моихъ очей.

Я въ гнѣвѣ укоряю ночь, которую нѣсколько минутъ тому назадъ безумно укорялъ за медленность! сержусь на спокойствіе стихій, отказывающихъ мнѣ даже въ свѣтлотѣ бурь! . . . .

Я бы желалъ, чтобъ разражающіеся надъ моей главою громы и сверкающія молніи дали мнѣ прочитать буквы, начертанныя дражайшею мнѣ рукою . . . .

Кто жъ бы подумалъ! между нѣкоторыми безплодной травы кусточками, которые чуть не растопталъ я ногами, вдругъ возсіяла блестящая муха *), быстрымъ полетомъ вертящаяся вокругъ оконечностей листковъ, лаская и освѣщая ихъ.

Внутри ея горитъ живой и быстрой пламень, свѣтоносно съ трепещущихъ крылъ ея текущій; онъ стремится яркими лучами изъ всѣхъ гибкаго тѣла ея составовъ, и разливаетъ ослѣпляющее окрестъ ихъ сіяніе.

Жадною рукою схватилъ я сіе насѣкомое, столь нужное для моихъ желаній; насѣкомое, которому покровительница любовь ввѣрила легкое храненіе огня, вмѣстѣ скромнаго и благопріятствующаго ночнымъ свиданіямъ любящихся.

Я приближаю его къ драгоцѣннѣйшему письму: провожу по каждой строкѣ всѣ вертлявые сего животнаго сгибы, изъ коихъ исходитъ непостоянно дрожащій свѣтъ. Ни одинъ изъ падающихъ отъ него лучей не пропадаетъ для моихъ взоровъ; ни одно милой моей словечко не сокрывается отъ моего сердца.

Благодарю счастливую помощь твою, о ты, огнекрылая мошка, благодѣтельная звѣзда луговъ; ты, непогасающій свѣтильникъ

*) Въ подлинникѣ osa.

любви, невиннѣйшій и прекраснѣйшій всѣхъ земныхъ и воздушныхъ тварей!

Какимъ образомъ обьясню я доставленное мнѣ тобою счастіе! Какими словами могу описать миловидность и пріятность твою, пригожій свѣтлякъ, о ты, восхитительнѣйшее изъ таинствъ прекрасной ночи, — ты, утѣшающій грустную любовь и возвращающій ей сладкія ея надежды!

Когда солнце нисходитъ въ великолѣпные свои западные чертоги; оно оставляетъ тебя очаровывать прохладныя лѣтнія ночи; оставляетъ какъ искру безмѣрнаго сіянія своего и поручаетъ тебя покровительству зеленыхъ травъ и любующихся тобою цвѣтовъ.

Бѣлизна жемчужинъ помрачается и блескъ золота блѣднѣетъ предъ блескомъ твоимъ; едва можетъ сравниться съ нимъ тотъ побѣждающій темноту огонь, который, во время глубокой ночи, въ груди искрометнаго восточнаго камня возгарается, шипитъ, и съ трескомъ вылетаетъ.

Ты, ласковое солнышко растѣній, благодатный для нихъ свѣтильникъ; ты въ нѣжной красотѣ своей подобенъ той робкой дѣвѣ, которая, противъ воли своей, огнемъ взоровъ своихъ освѣщаетъ ночное таинство, ища слѣдовъ любимаго ею друга.

Ахъ! да вознаградится всякими удовольствіями, о прелестнѣйшій свѣтлякъ, оказанная мнѣ тобою услуга! да изливаютъ на тебя свѣжіе цвѣты во всякое время сладкое свое благоуханіе, и небо да орошаетъ тебя пріятною прохладою животворной своей росы!

МНѢНІЕ РУССКАГО ПЕРЕВОДЧИКА.

У насъ мало, или совсѣмъ нѣтъ переводовъ съ Славенскихъ нарѣчій, а особливо съ приложеніемъ подлинника, что было бы весьма для насъ полезно; ибо тогда могли бы мы видѣть, какимъ образомъ объясняетъ мысли свои народъ, однимъ съ нами языкомъ говорящій; въ чемъ одно нарѣчіе уклонилось отъ другаго, и откуда неизвѣстныя у насъ слова, у нихъ существуютъ. При таковыхъ замѣчаніяхъ, могли бы мы лучше вникать въ разумъ и силу словъ нашего языка; но не имѣя подлинниковъ, не можемъ мы дѣлать съ нихъ переводовъ, и должны довольствоваться переводами съ другихъ языковъ, какъ-то Французскимъ Господина *Нодье.* Между тѣмъ о семъ переводѣ не можемъ съ достовѣрностію сказать нашего мнѣнія. Мы могли бы сказать оное тогда, когда бы при немъ приложенъ былъ подлинникъ; но какъ Французъ при переводѣ своемъ приложилъ только четыре первые стиха подлинника; то изъ нихъ не безъ основанія мо-

жно заключать, что и весь Французской перевод сей пѣсни въ достоинствѣ и вѣрности далеко уступаетъ подлиннику. Мы легко почувствуемъ сіе чрезъ сличеніе сихъ четырехъ стиховъ съ переводомъ оныхъ. Подлинникъ говоритъ:

Scto se bieli u gorie zelenoi?
Al-su sniezi, al-su labutove?
Da-su sniezi vech bi okopnuli,
Labutove vech-bi polieteli;

то есть:

Что бѣлѣется у горы зеленой?
Али то снѣги, али то лебеди?
Кабы снѣги, вить бы растаяли;
Лебеди — вить бы полетѣли.

Вотъ съ какою пріятною простотою начинается сей разсказъ! можетъ ли съ простымъ стихомъ: *что бѣлѣется у горы зеленой* — сравниться сія некстати напыщенная кудреватость: quelle blancheur éblouissante éclate au loin sur la verdure immense des plaines et des bocages, или втораго стиха: *али то снѣги, али то лебеди,* — сей растянутый переводъ: est-cela neige ou le cygne, ce brillant oiseau des fleuves, qui l'efface en blancheur? Въ подлинникѣ стоитъ множественное число *лебеди*, а въ переводѣ единственное *лебедь*;

но можетъ ли не цѣлое стадо, а одинъ только лебедь *ослѣпляющею бѣлизною блистать вдали на безпредѣльной зелени долинъ и кустовъ?* Гдѣ сказано это въ подлинникѣ? или къ чему во второмъ стихѣ прибавка: *сія блистающая птица рѣкъ, помрачающая ихъ своею бѣлизною?* Вотъ что называется великолѣпный вздоръ, какой и наши новѣйшіе писатели часто перенимаютъ у Французовъ!

Конецъ семнадцатой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Семнадцатой части.